

Живый в помощи (Записки афганца) — Виктор Николаев

Это книга Виктора Николаева. Она повествует о русском воине, который прошел через афганский ад, сберегаемый молитвой матери, жены и дочери. В книге нет выдуманных персонажей и вымышленных событий, хотя в редких случаях изменены имена и географические названия. Виктор Николаев писал о собственной жизни, о людях, с которыми столкнула его судьба. При этом получилась не сухая документалистика, а увлекательное и поучительное чтение.

[Виктор Николаев. Живый в помощи \(Записки афганца\)](#)

[Взбранной Воеводе](#)

[Предчувствие матери](#)

[Безпредел в Сибирске](#)

[Интернациональный «долг»](#)

[Кому война...](#)

[Сказочный Афган](#)

[Первый «Стингер»](#)

[Уроки выживания](#)

[Здравствуй, «Скоба»!](#)

[Боевое крещение](#)

[Восток — дело тонкое, Витюха!](#)

[Батя Блаженко и его «бачата»](#)

[Уникальная врачебная методика](#)

[Жених и невеста](#)

[«Черные Аисты»](#)

[Политручья кость](#)

[Кабульские посиделки](#)

[И снова бой, и снова „Аисты“](#)

[У каждого свои „тюльпаны“](#)

Отпускники возвращаются

Тризна

На курорте

Грустный концерт

Партиец Колька

Магистраль

Кто лучше дрался?

Чекист

Праздник Советской Армии

В ожидании конца

Уходим!

Матерь Божия, спаси и сохрани!

Псалом 90-й,

Живый в помощи (Записки афганца)

Погибшим — вечная память. Живым — честь. Русскому оружию — Слава! Виктору — солдатское Спасибо. Игорь Чмуров, Герой Советского Союза, ветеран Афганской войны. «Живый в помощи» — это пояс с православными молитвами. «Живый и помощи...» — это первые слова 90-го Псалма Святого Царя-Пророка Давыда, духовно защищающего от всяческих бед и напастей. «Живый в помощи» — это книга Виктора Николаева. Она повествует о русском воине, который прошел через афганский ад, сберегаемый молитвой матери, жены и дочери. В книге нет выдуманных персонажей и вымышленных событий, хотя в редких случаях изменены имена и географические названия. Виктор Николаев писал о собственной жизни, о людях, с которыми столкнула его судьба. При этом получилась не сухая документалистика, а увлекательное и поучительное чтение. Здравия желаю, читатель! Благодарю Тебя за найденную в нашей непростой жизни минутку для знакомства с частицей чужой Тебе судьбы ветерана-афганца Виктора Николаева. Его путь к Тебе лежал через годы, через горы, через войну, и даже не одну. Война меняет душу у человека. Каким бы он ни был, войдя в череду страданий и смертей, побед и поражений, выходит всегда другим. Изжить из себя войну, забыть ее невозможно. Помните людей, которые, радуясь первые дни после возвращения, потом готовы были вернуться обратно? Почему? Там настоящим было все. Мужество было мужеством. Предательство — предательством. В мирной жизни распознать такую разницу трудно. Неизбежность любой войны — убивать. И убивая врагов в ходе боя, люди думают только о спасении своего тела и получают колоссальное облегчение от того, что — жив!!! А враг — мертв... Никогда в мгновение убийства не видно за спиной противника его семью: жену, детей, его отца и мать. Самое потрясающее, что все это действие совершенно оправданно. Победитель счастлив, что погубил не им сотворенную жизнь. Так было и с Виктором. Прости ему. Господи! Не судите строго за страшные подробности войны, где больше скорби, чем улыбки. Сознательно сохранен слог, изречения, описана подлинность взаимоотношений, порядок происходящих событий, чтобы все соответствовало ежедневной действительности войны. О ней надо писать все или ничего. О войне может писать только тот, кто прожил ее всю во всей черноте и святости. Легкие набег на фронт не делают никого фронтовиком. Все размышления, которые предлагаются Тебе, добрый читатель, личностны и потому спорны. Главное желание, вымолить прощение у Бога. И еще Виктор просит прощения у той земли и у того народа, которым он нес разрушения и беду. Москва, 15 (28) августа 1998 года от Р.Х., Светлое Успение Пресвятой Богородицы

Взбранной Воеводе

Из церкви вышел человек в офицерской форме... **Михаил Булгаков** В церковь входил человек. Немногим, стоящим на паперти, почудилось — он шел в парадной офицерской форме: тусклое золото звезды в просвете погона и на груди рубиновый отблеск ордена... Но Виктор был одет по-гражданке, и свой орден он оставил дома в верхнем ящике письменного стола. Виктор шел, преодолевая тягостное головокружение и пульсирующую боль в виске. Недомогание нарастало с каждой ступенью крутой каменной паперти. Окружающие видели только выправку, легкий размеренный, чуть замедленный шаг, аккуратную короткую стрижку, спокойный уверенный взгляд, устремленный к Образу в киоте над входом в храм. Широкое и четкое крестное знамение: словно честь отдал перед строем. Окружающим виделось именно так, что он вошел в храм в офицерской парадной форме. Был будний для Города вечер. До начала праздничной службы оставалось немного времени. Дон-н-н!.. Объемный голос Благовеста — главного храмового колокола понесся над Коломенским, разрастаясь в невидимый, но живой звучащий шар. Через томительное мгновение звук докатился до новостроек, серпом окруживших древнее царское село. До берега реки Москвы звук дошел еще быстрее, омыл ослепительно стройный шатер на крутояре и вместе с ним вознесся в небо. Откликнулось от многоэтажек тихое эхо, и тут же раздался следующий удар звонкой могучей меди. Дон-н-н!.. По окрестным тропинкам и дорожкам со всех сторон к воротам «заповедника» стекались окрестные богомольцы. Многие шли с цветами, чтобы украсить ими праздничную икону. Виктор отдышался на высоком крыльце, многоступенчатом подъеме, пропитанном многовековыми согрешениями, премудростями, радостями и веселениями, и только потом прошел в притвор, приветственно кивнул в сторону свечного ящика, потом приложился к большой иконе. На ней был изображен древнеримский конный воин, который своим копьем колот жирного чешуйчатого змея, извивающегося в агонии. Губами коснувшись копья, Виктор испытал мгновенное облегчение от назойливой боли, терзающей висок. ...Под развороченным дымящимся вертолетом лежал молоденький солдат с наполовину срезанной осколком, как лезвием, головой. Рядом, держа в руках грязные, как машинная ветошь, кишки, бил ногами об землю выгнувшийся в дугу старший лейтенант — недавно прибывший на базу «Скоба» вертолетный техник. — Засунь ему кишки обратно! — орал Андрей. — Засунь, а то наступим и оторвем. Бери за ноги, я — за руки! До блиндажа старлѐя не донесли. Глаза бедняги закатились и вслед за пурпурной пеной изо рта вывалился язык. Поэтому, чтобы зря не рисковать, залегли так, чтобы видеть ближайшие подступы: со стороны горящих вертолетов к ним подобраться не могли. — Все... Оставляем здесь, потом заберем, — приняли решение друзья-офицеры. Позади гудели в пламени и разлетались от рвавшегося топлива и снарядов останки боевых винтокрылых машин. Жаром и гарью наполнился воздух, смрадное дыхание смерти заполнило все вокруг. Виктор чувствовал его кожей, пересохшим ртом. Неожиданно «духи» прекратили обстрел, но не верилось, что это — все... Так бывало всегда: сразу после отступившей дурноты в мозгу Виктора на несколько мгновений вспыхивали самые мучительные эпизоды прошлого. И всякий раз разные. В прошлом было много, очень много мучительного и ужасного. Старушки, из постоянных прихожанок, примасивались со своими сумочками и рыбацкими складными скамеечками вдоль стен. Некоторые из них уже узнавали Виктора и потому приветливо кивали: — Спаси тебя Господи, сынок... Пересекая пространство храма, Виктор прошел к левым диаконским вратам, со священным трепетом приложился к ним и осторожно открыл дверь. Он с благоговением вошел в алтарь. С верой во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь решительно опустил на колени и прижал горячий лоб к прохладному каменному полу, медленно поднялся и еще дважды до земли поклонился сияющему дарохранительницею Престолу. В своем недавнем прошлом он сошел с ума, чтобы прийти к уму через скорби и наказания — к началу постижения Истины по милости Божией. Подошел под благословение к отцу Александру. Теплая и по особому чистая рука священника умиротворяюще легла в скрещенные ладони Виктора, и он благоговейно прикоснулся лицом к деснице пастыря. — Облачайся, — коротко приказал батюшка и продолжил свои неспешные приготовления к службе. Виктор снял пиджак, повесил его на один из крючков для мирской одежды и достал из шкафа стихарь. Повернулся с одеянием в руках к священнику. Тот издали быстро, но вместе с тем и чинно благословил алтарника, после чего Виктор, как в гимнастерку, но гораздо осторожнее просунул голову в ворот парчовой священной одежды и столь же благоговейно вдел по очереди руки в широкие рукава. Это одеяние напоминало ему сказочную рыцарскую мантию, воинское облачение... Может быть, такими были походные плащи легионеров, которыми предводительствовал блистательный воевода Георгий? — К прохождению службы готов, — самому себе сказал Виктор, расправляя складки стихаря, и почувствовал, будто исчезли за плечами целые десятилетия его жизни. Он увидел себя изнутри подростком, да — нет, совсем ребенком, который испытывает невыразимую радость и счастье от одной только мысли о Боженьке... Так в детстве он и говорил: Боженька, пусть всем будет хорошо... А ведь даже не был крещен тогда. Откуда это было?! Да, вот отсюда — от Престола, от сияющего небесным золотом Креста, от верующих русских людей, которые несуетливо заполняли храм. Виктор налаживал кадило. Последний звук призывного колокола чисто растаял в небе Коломенского... «Благословен Бог...» Первоначальная молитва священника положила предел всему мирскому и суетному. «Приидите, поклонимся Цареве нашему Богу...» Чинно, своим, порядком потекла служба Христу. «Приидите поклонимся и припадем Христу Цареве нашему Богу...» Виктор осторожно подул на плоский уголек в кадиле. «Приидите, поклонимся и припадем Самому Христу Цареве и Богу нашему...» Уголь ровно отозвался на дуновение таинственными всполохами алого и желтого каления по всей поверхности. Осталось положить на уголек несколько зернышек ароматного афонского ладана, и кадило готово. Мистический дым этой малой жертвы Господу устремился через крестообразные отверстия кадильного куполка вверх, к сводам Казанского собора. Батюшка, не глядя на Виктора, благословил кадило, уверенный, что бравый «афганец» в

нужном месте, и принял его в свою руку, ловко вдев указательный палец в кадилынные кольца. Как и положено по чину, алтарник приложился к руке священника, которая уже раскачивала кадило, источавшее обильные клубы христианского фимиама и издававшее глуховатые металлические звуки медными цепочками. И дым духовного сражения наполнил весь алтарь, когда отец Александр обошел Престол, с четырех сторон кадя первойшей храмовой святыне. Духи зла в виде остатков суетных мыслей и малодушных вздрагиваний чувств о мирском, житейском стремительно бежали прочь — в окна, двери, в подпол храма. И духи злобы поднебесной бежали дальше — в несчастные души десятков тысяч людей, которые жили в этой округе. И там в их сердцах, не огражденных крестом и верою, они присоединялись к уже угнездившемуся там прежде злу. И души томилась недоумением: от чего же жизнь такая унылая, безпросветная, тягостная — дом и работа, дом и работа, дом и работа, и пьянка: одна радость, от которой тошно? «Миром Господу помолимся!..» Матери и бабушки, и дети окрестных жителей уже облачались в латы православной мольбы. Христово воинство выравнивало свои грозные ряды, собиралось духом и возглавляемое Пастырем присоединялось к могучим отрядам Небесных Сил. И шла, и шла молитва друг о друге, о близких и сродниках, о храме, о веси и граде, о Державе Российской, о всем мире. И зло не выдерживало натиска, и выпрыгивало на миг из уюта черствых сердец близ живущих маловеров. И что-то простое — хорошее и доброе приходило на ум и сердце тех людей, им совершенно непонятное. Приходило то, что христиане зовут Надеждой. И пусть на мгновение их жизнь обретала смысл и ясность, чтобы пережить еще одну ночь (малую смерть) и воскреснуть для нового дня... Виктор внимательно следил за ходом службы, чтобы не дай Бог, оказаться нерасторопным и нарушить благоговейный чин Успенской Всенощной. Все время он чувствовал на себе взгляд Божией Матери. Именно взгляд «Державной» поднимал дух Виктора горе, и внутренним взором он как бы обозревал Москву и всю Россию... "...великого Господина нашего Патриарха Московского и всея Руси..." И как бы видел тысячи и тысячи русских храмов, где в то же время единым духом и едиными устами могучей рекой благодати лилась православная служба, шла битва с мировым злом, битва с сатаной, битва с антихристом. И особенно ярко представлялся образ, читанный недавно в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», где преподобный Серафим Саровский свидетельствовал о молитвенных дымах по всему нашему Отечеству, восходящих к небу, к Богу. После елеопомазания многие ушли. Виктор с сожалением думал об этом, глядя на опустевший на треть храм. Но самые мужественные, самые стойкие слушали в полутьме слова Царя-Воина, Царя-Пророка Давида: «Трепещите языцы, яко с нами Бог!» Служба подходила к концу. Хор победно грянул: «Взбра-а-а-анной Во-о-о-еводе по-о-о-беди-и-и-ительная...» Мы победили. Отвоеван еще день мира и тишины, день любви и надежды. Молитва своим браурным строем более всего напоминала Виктору какуюто древнюю солдатскую песнь из той, еще Царской России. И сейчас молитва звучала как марш на параде будущей победы Православной Отчизны при освобождении от чужебесия, от иноверного пленения. Раньше Виктор мало думал о том, как живет Родина, главное, чтобы жила. Последние годы стал понимать, выжить можно только духовно победив тот страшный морок, который душит родную землю вот уже восемьдесят лет. И понял наконец: выжила Россия только потому, что каждый день остаток верных из года в год вставал на духовную брань: Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице, но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто Неневестная.

Предчувствие матери

Все!!! Под ногами в проеме нижнего носового блистера пронеслась граница. Десяток вертолетов на бреющем, взвихрив за собой стаи шаров перекати-поля, разом, не сговариваясь, открыли победную пальбу из всех! видов оружия. Крики «Ура!», веера пыли, свист пуль, ракетные взрывы так перепугали ошалевших сусликов, змей и прочую местную фауну, что живность на всякий случай притворилась мертвой. Для этих мест за последние десятилетия самым громким звуком был громовой раскат перед редкой грозой. Розовый рассветный край земли и неба стремительно золотел, утро переваливало в жаркий среднеазиатский день. Через несколько минут дружный строй вертолетов оказался на фоне поднявшегося над горизонтом диска жизни. Импровизированный хор орал: "... Этот день Победы!..." Провонявшие потом, с проступившими разводами соли на затасканных «камуфляжах», с прокопченными лицами мужики, как дети, обнимались от безотчетной радости и бережно передавали по кругу фляжку со спиртом. — Прощай, Афган! Прощай этот призрачный мир. Нам вернуться сюда больше не суждено. Мы уходим с Востока. Уходим. Через несколько часов по всей России разлетелись телеграммы, заставившие людей, смеясь и плача, перечитывать их десятки раз и твердить, как молитву, про себя: «Он в Союзе...» Раннее-раннее летнее утро. Над речкой стелется сизый прохладный туман. Тихо. Так тихо, что даже слышен тяжкий и протяжный вздох коровы в хлеву. И в этой тишине и в этом покое матери снится странный сон. Будто ее скромный деревенский дом начала заливать вода. Поднимаясь все выше и выше, она отрезает все выходы из дома... И мать, заматавшись на кровати, вдруг увидела вынырнувшую из все увеличивающейся воды голову ребенка. Бросилась к дитю, схватила, прижала. Это оказался ее маленький сыночек... И вода начала спадать, а стены оказались сухие, и в материнскую душу и в ее растревоженное сердце нахлынуло что-то долгожданно хорошее. Просыпаясь, она услышала голос: «Ну, вот и все, Люба, стихия для тебя закончилась!» А утром сельский почтальон, взволнованный фронтовик Егорыч, не постучавшись, ввалился в дом с телеграммой: «Я в Союзе. Поздравляю. Целую. Сын Виктор». Витька был плотью от плоти военной косточки — пращурские гены. Со стороны отца прадед Виктора — Василий Кряжин был танкистом. Во время Курской битвы он командовал ротой «тридцатьчетверок». В момент атаки противника его экипаж расстрелял 8 танков тогдашних «духов», но его тоже подбили. «Тигры» шли так густо, что

дедовский танк с пустым стволом и без правой гусеницы таранными ударами раздолбал еще трех «тигров», но «тридцатьчетверка» загорелась... В общей сложности своей ротой они сорвали атаку из 30 танков противника, пока не возобновилось наступление свежих наших сил. В живых остался тяжело раненый Кряжин и его наводчик. За этот подвиг прадеду присвоили звание Героя Советского Союза. Дед матери — Григорий Астафьев был связистом, званием сержант. В конце апреля 1945 года их группе, состоящей из трех человек, было приказано восстановить прервавшуюся телефонную связь между Ставкой Жукова и бункером Гитлера, по которой маршал вел переговоры о немедленной капитуляции. Разрыв нашли, но в перестрелке двое связистов были убиты, а Григория Астафьева смертельно ранили — трижды в грудь и в голову. Единственно, на что ему хватило сил, это соединить разрыв провода зубами. Связь была восстановлена. Ток пошел через тело умирающего сержанта. Маршал Жуков спрашивал потом, почему прерывалась связь. Когда ему доложили обстоятельства ее восстановления, он тут же, оперевшись ногой на подножку машины, на своем планшете написал представление о награждении Григория Астафьева званием Героя Советского Союза, а его товарищей орденами Ленина. Посмертно. Виктор учился в школе имени Героя Союза Астафьева и рос на улице его имени. В Восточном Казахстане это имя осеняло школы, многие улицы в местных городах и поселках. Имя Астафьева носил и крупный медный рудник в Усть-Таловке, в которой снимался знаменитый телесериал «Тени исчезают в полдень». Все это, конечно, вселяло в его душу не только гордость за своего героического предка, но и раннюю мальчишескую ответственность перед миром, перед Родиной за их покой и благоденствие. Любимым местом времяпрепровождения Виктора в старших классах был школьный военный кабинет. Военрук Александр Иванович, старший лейтенант запаса, только ему доверял чистку учебных ППШ, АКМ, карабина, наведение порядка с другими учебными пособиями, а порой и деликатно-доверительные «диверсионные» операции по добыче дефицитной «Московской», к которой старлей относился с известным мужским уважением. Когда Витька после года армии поступил в Сибирское высшее военное авиационное училище, то на каникулах Александр Иванович был непременно его гостем, считая себя приглашенным без лишних церемоний. И в его взгляде, увлажненном «наркомовскими» ста граммами, читалась законная гордость за воспитанника. Он непременно уточнял: «Знал, кому доверить автомат для чистки!» Мать улыбалась, провожая гостя, а сердце ее сжималось в безотчетном страхе за сына...

Безпредел в Сибирске

Настоящим жизненным испытанием для Виктора и его товарищей по училищу стало усмирение массового хулиганского безпредела кавказских призывников. Курсантское боевое крещение пришлось на завьюженную ноябрьскую ночь 1979 года в самый канун Афганской войны. Для будущих офицеров это было грозным предзнаменованием грядущих испытаний. И не только Афганских... Случилась внезапная и небывалая для сибирских мест беда, по военному лексикону — совершенно нештатная ситуация... Прибывший в Челябинск эшелон с призывниками с Кавказа, шедший транзитом, кажется, до Омска, внезапно взбунтовался во время продолжительной стоянки. Сначала бунт охватил весь состав с горячими уроженцами Юга. Сопровождающие офицеры и солдаты не справились с ситуацией и вместе с проводниками бросили эшелон на произвол судьбы. Взрыв погрома с привокзальной площади смердящими клубами понесся в ближайшие улицы, переулки и подворотни. Озверелые парни врывались в дома, мародерствовали и без всякой причины избивали местных жителей. По боевой тревоге были подняты курсанты местных военных училищ — автомобильного и авиационного. Штыками и прикладами они запихали неподдающихся никаким увещаниям будущих «защитников Родины» в вагоны. Местные власти тут же дали поезду зеленый свет и лихорадочно отправили эшелон подальше от личной ответственности: пусть отдуваются в Сибирске, где оставалась последняя боеспособная точка... Триста-четыре сотни осатаневших призывников под шестичасовой перестук вагонных колес неотвратимо превращались во все более и более звереющую стаю. Когда поезд подошел к последнему спасительному оплоту Зауралья — Сибирску, там уже не осталось ни одного целого стекла и не разодранной обивки плацкартных лежаков. А в двенадцатом вагоне над мертвым бригадиром эшелона, заколотым стальными прутьями для занавесок, выли белугой десятки раз изнасилованные проводница и ее дочь. В Сибирске осатаневшие, вкушившие безвинной крови призывники уже не таились. Вместо голоса — рык и клекот. Обкуренные анашой, они громили пристанционные пяти- и девятиэтажки: в ближайших домах на первых двух этажах почти не было квартир, куда бы не вломилась погромщица... Безумно крича от ужаса, полуодетые люди выскакивали из домов в морозный мрак ветренной ночи и попадали в руки пьянеющего от безнаказанности и крови молодняка. Поднятые ночью по сигналу «Боевая тревога» курсанты третьего и четвертого курсов Сибирского училища ежились на плацу, переминаясь с ноги на ногу на пронзительном ветру при двадцативосьми-градусном морозе. Командирский «УАЗ» своими фарами высвечивал кусок убеленного плаца, все ребята с какой-то надеждой смотрели на освещенное пространство, пронизываемое непрерывным густым вихрем мелкого колючего снега. Наконец из темноты в круг света ступил начальник училища, на фоне лучей фар курсантам был виден только его силуэт. Некоторое время он, видимо, пристально вглядывался в лица ребят и потом внезапно и коротко поставил боевую задачу: любыми средствами пресечь беспорядок, вплоть до применения выданных перед построением штык-ножей... Оперативную вводную сделал начальник местной контрразведки и тихо, совсем по-неуставному добавил: — Сынки! Пролилась кровь мирных жителей. Теперь эти подонки люты и очень опасны. Задачу выполняйте группами не менее трех-пяти человек... Приказываю всем поднять воротники шинелей и поверх ворота наглухо завязать шапки, чтобы избежать возможных ударов ножами в шею. Он запнулся и после паузы добавил: — Остановите их. Приказываю действовать с максимальной жесткостью... и жесткостью! За

все отвечу сам, — в голосе полковника контрразведки чувствовались спазмы, мешавшие размеренно говорить, казалось, что он едва сдерживал слезы. — Во время дороги во всех «Уралах» будет по офицеру госбезопасности, который вскроет спецконверт с подробными инструкциями, описанием участка и конкретного плана действий каждой группы, — закончил свою речь контрразведчик. За полчаса дороги все уже знали, кто в какой группе. Было разрешено пользоваться всеми приемами рукопашного боя и обездвиживания противника, которым ребят научали с первого курса. Штык-ножи были отсоединены от стволов автоматов и заправлены в голенище сапога, ножны от них были засунуты в другой сапог поглубже, полы шинелей заправлены за поясной ремень. Автоматные ремни отстегнули, распустили по всей длине — почти до полутора метров. На одном конце ремня устраивалась петля. С другого конца ремень каждый курсант наматывал на правую руку, чтобы ловчее орудовать петлей в момент схватки. Именно петлей необходимо было орудовать, обездвиживая ноги дебоширов или прихватывая ею их шею. В двенадцатом часу ночи вокзальная площадь бушевала безчисленными непривычными здесь криками мечущихся пассажиров, гудками многих легковых машин. Не ко времени светились окна близлежащих жилых домов. В это столпотворение на большой скорости въехало шесть могучих «Уралов», они сходу четко развернулись и одновременно подали задними бортами к высокому парапету, ограждавшему привокзальное пространство. За несколько секунд без лишней суеты триста курсантов со своими командирами высадились из машин и столь же быстро выстроились в двухрядную скобу, разомкнутая часть которой была направлена в сторону восемнадцати вагонов воинского эшелона. Сжимать кольцо начали по направлению к тупику по сигналу длинной очереди трассерами в ночное небо из автомата Калашникова. Оба курсантских полукольца разом взревели, не нарушая боевого порядка, начали сужаться к намеченной цели. Задача внутреннего кольца, сформированного в основном из лучших спортсменов училища, была самая ответственная, опасная и грязная: освобождение местных жителей из лап распоясавшейся кавказской молодежи. Задачей второго кольца было — не выпускать для побега юных бандитов и доводить до конца работу, упущенную первой цепью. Виктор был назначен командиром группы из трех человек. В ней был его лучший друг минчанин Вася Курень, чемпион Сибири по боксу, который при росте в два метра и весе в сто сорок шесть килограммов шел впереди «бульдозером». Виктор и Андрей Языков — кандидаты в мастера спорта по офицерскому многоборью, шли по левую и правую руку могучего белоруса. Молодецким кликом нагоняя на себя задор и ужас на зарывшегося в морозную темень противника, группа бойцов замахала ремнями и, вскидывая автоматами, медленно «зачесала» по выделенному для нее сектору, который растворялся под углом пятнадцати градусов в самый центр взбунтовавшегося эшелона. Поезд стоял в дальнем вокзальном тупике без огней и оконных стекол изогнутым, темным, мрачным червем. Пока до него было примерно метров пятьсот. По пути зачистки стояли два жилых дома с редкими огнями. Их обитатели изнутри оцепенело поприлипали лицами к погашенным окнам. За час до операции по усмирению хулиганского безпредела уполномоченный представитель, как принято говорить, соответствующих органов по молчавшему много лет «кухонному» радио внезапно спокойным голосом кратко оповестил обывателей мирного города Сибирска о смысле происходящего и четко пояснил правила их поведения в этой чрезвычайной ситуации. После чего двери квартир враз в едином грохоте сдвинутой мебели были забаррикадированы. Собаки, чуя недоброе, залаяли, бабы, как водится, запричитали, мужики сквозь зубы закостерили судьбу и случай. Видя и слыша все это, ребята дружно заревели, заплакали, закричали... Поначалу всех охватило оцепенение безсильного ужаса, но увидев из окон цепи сибирских курсантов гражданский люд встрепенулся надеждой: — Слава Богу, эти точно выручат! Вскоре к вокзалу подошло около двадцати машин «скорой помощи», они расположились подковой по направлению к эшелону, и разом включили дальний свет своих фар. Таким образом, выделенный для досмотра курсантами участок был довольно сносно освещен. По пути попался железный покореженный скелет какой-то привокзальной пристройки. Ребята-курсанты по первоначально даже не опознали в нем новенькое уютное кафе-стекляшку. Оно по своей новизне сразу стало пользоваться у юных служивых особым почетом за необыкновенно вкусное недорогое мороженое и забористое пиво, пару кружек которого можно было пропустить подальше от взоров вездесущего патруля. Легковесная общепитовская конструкция была расколочена настолько, что ее былую привлекательность можно было идентифицировать только по перевернутым стульям и столикам. Верным доказательством того, что эта груда металлолома и есть знаменитое новое кафе, был расположенный рядом на почетном постаменте паровоз-фронтоник. Этот семидесятидвухлетний ветеран, прошедший, начиная с Первой мировой, несколько войн, заслуженно отдыхал на самом видном месте привокзальной площади. В настоящий момент он переживал позор, весь вокруг усеянный битым бутылочным и стаканном стеклом. Он стыдился мерзких рисунков и надписей, глумливо начертанных на его боках мелом и кирпичом. Импровизированный писательский энтузиазм южных гостей смело тянул на «единицу», ибо только в одном нецензурном «термине» о женской части тела из семи букв они умудрялись сделать три ошибки, но чаще грамотеи ограничивались другим трехбуквенным сквернословием. Трех друзей-курсантов тормознул рвавшийся из окна первого этажа жилого дома отчаянный гнев немолодого мужского голоса: — Не смей!!! Не трогай!!! Не прикасайся к ней, негодяй! Послышался шум явно неравной борьбы, девчоночий визг и глухой грохот падающего тела. Все это сопровождалось разгульным животным хохотом и постоянно повторяющейся фразой: — Затыкныс, гавнё-о! Затыкныс ва-а-а-а! Вася Курень первым из тройки рванул в темный подъезд. Друзья — следом за ним. На площадке первого этажа валялась хлипкая орголитовая входная дверь с половиной вышибленного косяка. Из квартиры бил раздирающий душу девичий вой, за которым еще слышался слабеющий старческий голос. Все это сопровождалось животным ржанием наливающихся возбуждением стервецов. Перед ошалевшим взором курсантов, разом ввалившихся в скромное советское жилье, открылась дикая картина. Безмысленно испорченный линолеум пола, сорванная с крюка и беспомощно болтающаяся на электропроводе перекошенная трехрожковая люстерка с

единственной уцелевшей лампочкой, остервенело разодранные клочья поролона из двух дешевых кресел. В углу за перевернутым черно-белым «Горизонтом» хрипел заваленный матрасом и подушками старик. А на полу кухни билась распятая для гнусного наслаждения зверей тринадцатилетняя девочка. Ее обезумевшие от ужаса глаза выпучились в разные стороны. Обезображенный окровавленный рот девчужки вместе с истошным криком издавал звук неправдоподобно громко клацающих зубов. Два мародера с уже спущенными штанами и мыслию полностью погрузившиеся в предвкушение грязного наслаждения даже не заметили почерневших от гнева курсантов. С того момента, когда ребята услышали с улицы безнадежный крик старика и до мгновения, когда эта русская тройца воочию засвидетельствовала факт глумления прошло каких-то семь-восемь секунд. Но в душе каждого парня это время протянулось как долгое томительное безсилие в дурном сне. Следующие три секунды занял бросок на одного из голозадых насильников, который своей кормой вылетел в окно кухни вместе с рамой. Он даже не успел сообразить, что с ним произошло. Андрей выскочил на морозный балкон и рывкнул что-то нечленораздельное находящимся вблизи однокурсникам второй линии оцепления. Они мгновенно сообразили, в чем дело, и зацепив любителя извращений петель автоматного ремня за ноги, поволокли его голой задницей по мерзлому асфальту через всю вокзальную площадь в бурчащий «ЗИЛ» с откиннутым тентом. Второй насильник очумел от неожиданности происходящего. Зимняя сибирская стужа могильным холодом окатила его не в меру горячую южную душу. Пудовый кулак Василия заставил крепкого кавказца дважды перевернуться в воздухе. Смуглолицый парень целиком влетел в узкую щель между газовой плитой и умывальником. Бившуюся в истерике девочку ребята с трудом завернули в простыню, потому что в шоке она приняла их за новых насильников. Еле-еле ее удалось уложить на кровать, укрыть одеялом и бережными причитаниями хоть как-то успокоить. Курсанта Языкова немедленно отправили на вокзал за врачом. К этому времени старик немного пришел в себя, он стоял на коленях у кровати внучки и громко плакал навзрыд. Могучий Василий с трудом выдернул из кухонной щели юного, но искусственного негодяя и поставил его на ноги. Нижняя челюсть мародера, выбитая из суставных гнезд, болталась на уровне груди. Ворочая омертвелым языком он невнятно и злобно сипел: — Хайтаны... ха е хим хех, хех хаехим! Это означало: — Шайтаны, зарежем всех, всех зарежем! Он плевался из горла слюной, перемешанной с кровью, и пытался обеими руками вставить челюсть на место. Штаны с трусами сползли до самых пят призывника. Его злобный хрип внезапно осекся, он мысленным взором прочертил путь ответного взгляда Василия до его обнаженного «причинного места». От страшного приговорного озарения он согнулся крючком и присел на корточки, судорожно ища брючный карман, из которого трясушимися руками извлек замусоленный комок денег. Ребята поняли: — Откуп!.. Новый всплеск адреналина заставил курсантов замереть. Голый парень швырнул деньги в лицо Виктора. Освободившимися руками он закрыл низ живота, упал на пол и завертелся юлой. Животный страх вызвал у него безконтрольный позыв кишечника, в мгновение он непроизвольно испражнился невероятно большой и зловонной массой и тут же весь сам в ней измазался. Вместе с этим он облил и себя и пространство вокруг неестественно долгой мочевой струей, бесновато воя и хрипя: — Аа-а-а... Хр-хр-хр-р-р... ...Через десяток секунд он валялся под балконом в оцепеневшем изумлении. То, чем он доселе так гордился, заглотил унитаза, несколько раз профырча водой. И Василия, и Виктора била крупная дрожь. — Не дребезжи, Витька! — простучал зубами боксер. — Это только начало... Только подумай, если бы это были твоя сестра и отец?! От этой мысли оба придя в себя, друзья приступили к дальнейшей зачистке нижних этажей дома. Тут к ним подоспел Андрей, доставивший врача пострадавшей. Подкова курсантского оцепления продолжала неумолима сжиматься. Она все чаще и чаще размыкалась на два-три человека, чтобы пропустить очередную пару, волочащую по шпалам через промерзшие рельсовые пути и стрелки визжащего призывника, который при этом грозил сибирскому училищу всеми возможными видами восточной мести. Количество арестованных определялось множеством кровавых дорожек по снегу. Минут через пятьдесят около двух сотен оставшихся бандитов удалось загнать в разбитые ими же вагоны. Мощный военный громкоговоритель раз за разом предлагал им прекратить безчинство, остепениться. По армейскому звуковещанию выступил даже пожилой представитель братского Кавказа. В ответ на это — крики, угрозы. Свистели невидимые в ночи оконные стальные прутья. Курсанты на шинели бегом понесли своего товарища. Ему брошенным прутком полоснуло по шее, как бритвой. Выступивший по громкоговорящей связи представитель КГБ дал последний шанс успокоиться, прекратить беспорядки. На раздумие было дано пять минут. В ответ опять — звериный рев и дикий хохот. В 2 часа 40 минут оцеплению был отдан приказ на поражение. В три десять все было кончено. На заледенелой вокзальной площади равномерными крепко связанными штабелями по три-пять человек лежали сотни обездвиженных дебоширов, которые еще недавно наводнили ужасом сначала Челябинск, а потом спящий Сибирск. Их организованной колонной развезли «Уралы» по определенным точкам — кого в городские КПЗ, вырезвители, в следственный изолятор, местную тюрьму и на гауптвахту, кого-то и в морг. Свои ранения, полученные в горячке операции, осматривали курсанты. Шинель Виктора по пояс была пропитана дурной бандитской кровью, мочой, слюной и соплями, в складке полы застряли чьи-то два зуба, да и рукава до локтя покрылись багровой слизью. Звенела от полученных мощных ударов голова, правая рука еле сгибалась, ныло ушибленное плечо. Не лучше обстояли дела у Андрея, но Васька, с его боксерским опытом и кошачьей пластикой, получил только шальную царапину на правой щеке.

Интернациональный «долг»

Вопреки программному «интернационализму» brave сибирские курсанты испытывали чувство законной гордости от того, что одолели беснующуюся орду непривычных для Сибири дебоширов. Челябинцам было слабо, а сибирцы-молодцы честь не уронили. Особым уважением к курсантам прониклись и местные жители. Но первый страшный

опыт отнятой у кого-то жизни, пусть даже законным насилием, будил в их молодых душах иные чувства, далекие от гордости, неизъяснимые привычными житейскими понятиями, обыденными взаимоотношениями между людьми. Оправданная обстоятельствами жестокость вовсе не находила легких оправданий в сердцах будущих офицеров, каждый одолевал это противоречие внутри, накапливая таким переживанием особую воинскую мудрость защиты беззащитного, попечение о слабом против сильного... Город не одну неделю зализывал душевные и физические раны от наглого и чудовищного погрома, впрочем память о нем среди сибирцев-старожилов жива и сейчас. Естественно, военная прокуратура тогда же возбудила расследование дикого ЧП. Но старый контрразведчик сдержал слово: ни один из курсантов не привлекался за «превышения мер обороны». Все случаи жестокости и даже смертельных исходов среди погромщиков были оправданы конкретными обстоятельствами, действиями, адекватными жестокости распоясавшихся, вооруженных ножами и заточками преступников. Не было ни одного случая, чтобы многочисленная группа курсантов набрасывалась на одного бандита. В происшедшей схватке силы были почти равны, даже дебоширов было человек на пятьдесят больше, и единственным преимуществом курсантов перед бунтовщиками в момент штурма эшелона была воинская организованность и сплоченность. Через две недели полковник из контрразведки пригласил Виктора в числе десятка других курсантов, особо грамотно и хладнокровно проявивших себя в ночной операции, для передачи им уникального опыта проведения разведывательных, диверсионных и других спецопераций. В такие секреты воинского искусства старые вояки посвящали далеко не каждого юнца, кто решил надеть форму. Они знали, что доверять их слишком горячему или злобному, глупому или склонному к подлости парню, все равно, что создавать слепое орудие убийства. Но привокзальная операция позволила полковнику выявить наиболее способных ребят, из которых получатся настоящие ответственные офицеры. И как в будущее смотрел. Не раз потом спасали Виктора уроки опытного воина в боевых операциях, когда было по-настоящему страшно и мокрая от пота ладонь предательски скользила по перехваченной рукоятки «духовского» штыка, примкнутого к винтовке М-16 и нацеленного в грудь для смертельного удара. В подобных случаях рука сама знала, как сконцентрироваться для решительного рывка и защитного приема, и сердце чувствовало, что безвыходных ситуаций не бывает. Вот главное, чему научил Виктора фронтовик-контрразведчик: безвыход — это когда человека уже нет! Пока он жив, всегда есть выход из любой ситуации, есть верная тропа к достойному офицерскому решению. После училища Виктора направили служить в Закавказский военный округ. Сибирское кровавое столкновение отнюдь не озлобило его душу, не вызвало национальной отчужденности и предвзятой враждебности к кавказцам или восточным людям вообще. Напротив, он всегда умел находить общий язык с представителями местного населения, будь то грузин, армянин, ингуш, азербайджанец или лезгин, хотя и чувствовал разницу, скажем, между кавказцами-мусульманами и православными грузинами. С последними ему было легче, понятнее. Кстати, это потом подтвердил и личный опыт Афгана, на заключительном этапе войны военнослужащих из среднеазиатских и прочих мусульман начальство старалось не определять в зоны боевых действий, используя их в основном в тыловом обеспечении, а ребята-грузины среди боевых групп были не редкость, и воевать плечом к плечу с ними Виктору было легко. Но вместе с тем, опыт службы на Кавказе говорил ему о том, что личная доброжелательность и открытость по отношению к местным отнюдь не гарантирует такое же отношение с их стороны. Восточное радушие нередко оказывалось показным и чуть что прорывалось неспровоцированной злобой или агрессивностью. И безпредел в Сибирске, и служба на Кавказе привили ему понимание того, что более всего и искреннее всего восточный человек уважает превосходящую силу, и только потом у него следует почтение к собственным обычаям, понятие долга, уважение к страшим, культ чести и справедливости. В любой острой ситуации отказ от устрашающей демонстрации силы «противной стороной» рассматривается как однозначное проявление слабости, которой необходимо воспользоваться. Но неожиданный отпор всегда остужает наивного южанина и моментально возвращает его в «уважительное состояние». Часто Виктору, оказывавшемуся свидетелем или невольным участником подобных ситуаций, хотелось сказать о горячих «нацменах»: — Ну совсем, как дети! Они и были детьми в семье народов великой Империи. Виктор не знал тогда, что именно так исподволь жизнь воспитывает в нем особое русское имперское самосознание, державную мудрость российского воина, всегда осознающего личную ответственность за мир и покой в громадном многонациональном Отечестве, в котором больше ни один народ не обладает таким свойством в должной полноте. Уже потом, десятилетия спустя Виктор узнал об особой битве духа, когда воюешь не с плотью человеческой, будь то афганец, русский бандит или кавказец, но воюешь с грехом, с духами злобы. Заметно, весомо, с пользой для человеческого возрастания и офицерского опыта прошли первые годы службы Виктора в округе. И вот... Авиационный гарнизон Закавказского военного округа. Третье мая 1987 года. Двадцать часов ноль-ноль минут. Полк построен по тревоге... Это не было неожиданностью. Все знают, зачем они здесь и что будет дальше. Двое молодых лейтенантов за сутки до боевого приказа перевелись в другие части. Их «спасли» отцы-полковники. Внутреннее напряжение глушит окружающие звуки, гарнизонный шум, обрывочные реплики военных... Рядом с командиром полка стоит крупный чин из штаба округа. Стараясь придать голосу твердость и значимость, соответствующую моменту, он четко произносит: — Товарищи! Довожу до вашего сведения приказ Министра обороны для вашего полка. Вам предстоит выполнить боевую задачу по оказанию помощи дружественному народу Афганистана. Убываете составом полка. На сборы даю три часа. Никаких проводов! С семьями проститься дома. Допуск посторонних на аэродром запрещен. Брать с собой самое необходимое, что разрешено боевым приказом. Первый вылет на Кабул через Ташкент в двадцать три ноль-ноль. Вопросы есть? Нет. Это хорошо. Приступить к сборам и загрузке! Вопросы, конечно, были. Официально отказчик оказался один. Пожилой капитан, которому оставалось дослужить до пенсии два месяца. Большая жена и трое детей ютились вместе с ним в общежитии. Без долгих церемоний его, словно изменника,

исключили из партии, уволили из армии. За дискредитацию офицерского звания. В груди каждого однополчанина шевельнулась жалость к горемыке — капитану. Она смешалась с неким едким предчувствием чего-то рокового для всех. Семейно Виктор обзавелся еще на четвертом курсе училища в восьмидесятом. В восемьдесят пятом родилась дочка. Неожиданное прощание с женой и дочуркой, конечно же, было тяжелым. Мать с отцом узнали о том, что их сын в Афгане только через полгода. Жена переправляла письма Виктора через свой адрес, и пересылала весточки от них ему. Но, как потом выяснилось, мама почувствовала опасность в тот же день, когда Виктор летел со своей воинской частью в Кабул. Виктор вспомнил слезы жены и дочери при прощании дома, когда закрывшийся самолетный люк отрезал и оставил по ту сторону жизни и пучки света от фар многочисленных «Уралов», и безконечные погрузочные команды, и крики все-таки прорвавшихся на аэродром женщин с плачущими ребятишками, которым передался материнский страх: — Мама, куда папа? Он завтра придет? А мы летом поедим к бабушке? Теперь уже казались нелепыми слова командира полка на плацу, когда объявляли приказ министра: — Головы сложим, а народ Афганистана защитим. Одну единственную у каждого голову давили простые, как правда, мысли: — Что ждет меня там? Как мои будут без меня? В некотором смысле, Виктору повезло, в горячую военную страду он вступил не зеленым лейтенантом, а уже сравнительно бывалым офицером, набравшим опыта семилетней службы. У каждого, кто хоть на короткий срок пересекал в восьмидесятые границу с Афганистаном, «ленточку», как ее называли, там была своя война. Каждый ее прожил по-своему. И каждый по-разному вернулся. Один — в наглухо заклепанном цинке, другой — героем, третий — миллионером, четвертый там заработал политический капитал, а пятый — вообще не захотел возвращаться. Афганская война к каждому поворачивалась своим боком, и порой различалась даже у лейтенанта и старшего лейтенанта одной части, у рядового и ефрейтора одного отделения. Это разное отношение войны к солдатам и офицерам одной воюющей армии определяло многое: родительское воспитание, должность, склад характера. Объединяло только одно — все, находясь за «ленточкой», стояли в общей очереди за смертью. И в кого первого ткнет она своим костлявым пальцем, не знал никто. Эту «ленточку» в мае 1987 года готовился пересечь и Виктор.

Кому война...

Реализм неотвратимо приближающейся войны Виктор увидел через четыре часа — после приземления в Ташкенте. Нахальный подполковник в грязной камуфлированной форме разместил прибывших в убогой пересылке, уважительно названной им «гостиницей», не дающей ответа ни на один «наивный» вопрос, но преподносящей уроки жизни один за другим. Виктор с другом решил умыться перед сном. Единственный умывальник оказался через дорогу за контрольно-пропускным постом. Пропуск на выход никто и не спросил, так как два солдата и старший прапорщик, дежурный по КПП, были всецело поглощены увлекательной сценой. Держа руки в карманах, они давали дельные советы в среднеазиатскую жаркую темень. В дельных советах нуждались два нетрезвых капитана-«афганца», которые деловито и тщательно били узбека-таксиста, попытавшегося было стащить у них японский магнитофон. Без просьб со стороны новых зрителей прапорщик обстоятельно обрисовал им суть дела. Капитаны сняли такси. От радости они так перевозбудились возвращением на Родину, что сев в «Волгу», доверили погрузку своих вещей таксисту. Тот половину вещей добросовестно погрузил в багажник, а вторую половину — под багажник на асфальт, орудуя таким образом, видимо, не впервые. Оказывается, на пересылке подобное случается часто. Обычный местный трюк: после отъезда машины из кустов выскакивают дружки таксиста и забирают «лишнее». По дороге в аэропорт «шеф» угощает пассажиров спиртным, и те разгружаются на конечном пункте, уже ничего не соображая. Пока пассажиры приходят в себя, подсчитывают вещи, машины и след простыл. Тут надо сказать, что две трети ташкентских такси частные, хотя разрисованы под госмашины. Естественно, такие ухаи подкупают и стражей порядка. Милиция (свои ребята для своих) сочувственно утешает пострадавших чужаков. И только... В данном случае афера вышла лишь наполовину. Двум капитанам посочувствовал прапорщик, вовремя заметивший проделки водителя. В итоге «водила» был нокаутирован и бережно положен в багажник, а его машина лишилась бамперов, дверных ручек, фар, подфарников, всех стекол.» В ней было покалечено и порвано все, что только можно испортить. Прапорщик за добросовестное исполнение служебных обязанностей был награжден куском черного мумия и авторучкой «Паркер» китайского производства. А Виктор с друзьями получили ценный урок, от которого всплыли в памяти мудрые слова деда-героя: — Кому война, внучек, а кому мать родна. Шальная забористая ругань разбудила всех «пересыльных» в половине пятого утра. Она предстала в лице вдребезги пьяного майора-танкиста. Он, все больше распалаясь, бушевал в казарме. Слова его трудно было разобрать, но то, что майора крепко обидели на таможне, стало понятно сразу. Без лишних церемоний он будил попавших под руку спящих сослуживцев Виктора и предлагал им фронтные сто граммов из полупустой бутылки. Вторая — полная торчала из кармана заляпанного кителя. — Вот, гады, меня решили обобрать! Да я в четвертый раз иду за «ленточку»... Меня там мужики ждут, а эти... — все более взвинчивался майор. После первого стакана все прояснилось. Тот батальон, где майор был командиром; понес ощутимые потери. И он, возвращаясь из отпуска, решил провезти вместо двух положенных по закону бутылок водки — целых шесть! Таможня, естественно, ему «добро» не дала. Вернее, дала бы, но при минус одной бутылке для сержанта-пограничника. Майора это взбеленило. На месте осмотра он принял единственно правильное, как ему показалось, решение: в знак протеста на глазах ошалевшего сержанта четыре бутылки водки майор осилил прямо из горлышка, а две принес в первую попавшуюся на стремительно пьянеющие глаза гостиницу. Вместе с гостиницей его взору попались и новички из Закавказского Военного Округа. Закуска и сотоварищи ревнителю офицерской справедливости нашлись мгновенно.

Едва поднявшееся солнце сочувственно заглядывало блестками в их мутноватые стаканы. Борт на Кабул уходил в полночь. Впереди был весь свободный день. Жгучее солнце — хозяин жаркого Ташкента — ненавязчиво посоветовало мимолетным постояльцам найти на пересылке спасительную тень. И после завтрака Виктор с другом забралась в прохладную курилку, где уже человек тридцать офицеров, видимо, впервые летевшие на войну, с восхищением слушали слегка прославшегося к полудню майора. Утренний герой, надо отдать ему должное, хоть и немного бахвался и рисуясь, все-таки стремился предостеречь новичков от неосторожных на первых порах шагов по чужой земле. Для Виктора майорский урок выживания в горах и пустынях Востока оказался просто Божиим подарком. Офицер щедро делился боевым опытом, за который уже было заплачено русской кровью. Пересыпая серьезный разговор побасенками о том, как провести через таможенную водку в грелке или расплавленное мумие на подошвах, ухмылявшийся майор вдруг неожиданно как-то спал с лица и подытожил мертвенным тоном: — Самое страшное, мужики, на войне — везти домой «ноль-двадцать-первых», так называемый «груз двести». Особенно, если из одного с тобой города. Шифрованная лексика афганской войны требует пояснения. «Ноль-двадцать-первый» обозначал убитого в бою воина. «Грузом двести» обозначалась перевозка трупов, а вертолет, самолет или даже грузовик, перевозивший этот страшный груз, «романтически» назывался «черным тюльпаном». При этом тяжелораненые в переговорах назывались «двухсотыми», а легкораненые «трехсотыми». Почему тяжелораненые были созвучны на этом птичьем языке покойникам, вряд ли кто может внятно объяснить. — Такой «груз» везти домой... Глаза майора потускнели: — Собственно, с этим «грузом» я и летал сейчас на Новгородчину. Жуткое, признаюсь, дело. Мы были с этим солдатом земляки. Дома почти рядом, да и родители наши знакомы с детства. Чего я насмотрелся и наслушался — не передать. Первые два часа встречи выполнял роль виноватого во всех грехах, за что мне и набили морду. Да я и не сопротивлялся, понимал родственников. Цинк вскрывать было нельзя, да там, собственно, и показывать было нечего. Кстати, таких случаев у вас самих много будет... — Вот спасибо, майор... — подумал каждый про себя. — Мать того солдата, — продолжал танкист, — в итоге оказалась в психушке. Сперва на следующее утро после похорон ее кто-то случайно нашел на могиле сына. Она стала скорбной умом, то есть рассудок ее помутился, и она лежала прямо на холмике под одеялом, а под головой — подушка. Э-э-х, — горестно вздохнул рассказчик и закончил историю родительской любви: — А отца парализовало, да и с головой у него тоже что-то стало не так. Наверное, конец роду — детей у них больше нет. Служивый народ в курилке гнетуще молчал. Майор продолжал свой афганский «мариолог»: — Или вот одного нашего прапорщика домой возили. Обе ноги ему оторвало и правую руку. Когда он медицинскую комиссию на инвалидность проходил, то ему вторую группу дали. Сказали, что для первой нога должна быть оторвана на четыре сантиметра больше. А одного офицера чуть под суд не отдали за то, что он заступился за родителей, у которых парень под Кандагаром погиб. С них стали брать налог за бездетность. Спасибо, военком-«афганец» заступился. Расходились офицеры из курилки молча. Говорить было не о чем. Каждый думал о своем. И каждый думал об одном и том же — о войне. На Кабул взлетали по расчетному времени в четыре ноль-ноль. Полетное время один час сорок минут. В первые сорок пять минут полета запасенная на последние русские рубли водка оживила лица, создала видимость уродливого веселья. На сорок шестой минуте мощнейший рев сирены в салоне «горбатого» (Ил-76) мгновенно протрезвил всех. Через микрофон ровный голос командира корабля сообщил: — Пересекли государственную границу СССР. Моментально выключено освещение салона и бортовые огни. Все! Иллюзии кончились. Началась другая жизнь.

Сказочный Афган

Все молчат и слушают радиообмен через усилитель: — Ноль двадцать первый, снижение разрешаю. — Шасси, механизацию выпустил. Отстрел АСО включен. «Горбатый» проваливается вниз. Семь минут десять секунд, в течение которых летчики демонстрировали свое высокое мастерство, Виктор с однополчанами почувствовали себя космонавтами. Когда самолет в четырех крутых разворотах почти на месте левым крылом резко проваливался вниз, то он и еще двести шестьдесят человек повисали в воздухе с закатившимися глазами. В момент выравнивания планера и прекращения обвального снижения все двести шестьдесят нижних челюстей от перегрузки лежали на полу между ног. Руки превращались в свинцовые гири весом в центнер. Быстрее с такой высоты падают только камни. Выползая из самолета с оловянными глазами и раскачиваясь словно хмельные, свежие силы «ограниченного контингента» долго и бессмысленно озирались по сторонам. После разгрузки, которая прошла как бы в полусне в режиме полнейшего армейского автоматизма, наконец появилась возможность оглядеться вокруг и бросить первый оценивающий взгляд на страну, которую предстояло защищать и которая станет неотъемлемой частью их сердца, войдет самовольно и властно в сердца тысяч и тысяч их друзей, отцов и матерей, жен и детей на всю оставшуюся жизнь. Экзотический Восток был неописуемо красив. Снежные вершины гор вокруг Кабула! Высоченные карандаши минаретов! Каскады глинобитных саклей, как ласточкины гнезда, прилипших к скалам! Пронзительный крик ишаков, звенящий чистый воздух и высокомерное испепеляющее чужаков солнце! Неведомый до сей поры сказочный Афганистан... Никого не могло оставить равнодушными это великолепие. Оно волновало душу и будущего героя, и будущего труса или предателя. Ведь именно так Афган рассчитывает их, стоявших пока в одном строю. Первые звуки, которые услышал Виктор после минутного восхищенного рассматривания окружи, были чирканье десятков спичек о коробки. Люди молчаливо раскуривали сигареты и папиросы. Ностальгически запахло Россией. Из состояния душевной комы вывел крик неуклюже бежавшего массивного прапорщика. Кто-то из-за спины шепнул на ухо: — Слышь, Витек, да одна его фотография потянет килограммов на шесть... Приблизившийся и задохнувшийся от бега прапорщик был полной копией киношного чапаевского Петьки, только увеличенной раз в

десять. — «Перетянут ремнями на свинцовом ветру, он возник словно пламя...» — иронически продекламировал какой-то подполковник из «новеньких». На груди прапорщика было три планки — ордена «Красной Звезды» и двух медалей «За отвагу». Тонем, не допускающим возражений, прапорщик приказал офицеру: — Вот ты, «поэт», и будешь строить вновь прибывших, — озвучил тишину наконец отдышавшийся «молодой политрук». Тот апломб, который жирно сочился из запыхавшегося орденосца, его зычный голос заставляли сделать предположение, что перед офицерами находится как минимум первый заместитель командующего армией. После улаживания необходимых в таких случаях деталей, все, наконец, обрели крайне необходимую возможность окончательно прийти в себя, что значительно оживило народ. Стали поступать первые информационные данные уже непосредственно о земле, ради которой все, собственно, тут и оказались. После того, как Виктор отдал свои документы одному из представителей отдела возглавлявшего все ПДГ (поисково-десантные группы) в Афгане, местом прохождения его службы был определен гарнизон со строительно-дорожным позывным «Скоба», или по географической карте — Газни. Это был центр Афганистана, а городок являлся столицей местной провинции и местом пересечения всех караванных троп бандформирований. По ним «духам», как вкратце обрисовали Виктору ситуацию в поисково-десантном отделе, доставлялось оружие со всего света: итальянские мины, американское стрелковое вооружение, китайские разномастные толковые подделки и прочее, прочее — немецкое, пакистанское, японское... Как понял Виктор, главную угрозу представлял американский авиационный комплекс поражения практически всего пилотируемого — «Стингер». И все это на его вертолетную голову и головы его друзей. Задача группы, в которую он будет входить, — найти и уничтожить караваны с оружием.

Первый «Стингер»

Несколько дневных часов ожидания под непривычно изнуряющими лучами солнца мало способствовали тому, чтобы детально вникнуть в боевую обстановку. Внимание привлекла небольшая группа офицеров, казавшаяся странной в повседневной офицерской форме. Их внешний вид вызывал гордость и зависть на фоне камуфляжа и выцветших армейских гимнастеров. Эти парни, судя по всему, с честью завершили выполнение интернационального долга, так как были до черноты загоревшими, на груди у каждого красовались по две-три солидных орденских планки, а в глазах прыгали веселые хмельные искорки. Это были «сменщики». Людей с этим гордым прозвищем на кабульской пересылке ото всех выделяло главное: они были безшабашно пьяны. Причем водка появлялась у них в руках с одного щелчка пальцами. Водку, стремясь оставаться незаметным, под офицерской рубашкой смело разносил неопределенных вида, возраста и национальности юркий паренек. На секунду Виктору даже показалось, что перед ним достойный сын славного ташкентского таксопарка. — Чека! Водку! — послышалось в очередной раз, и проницательный официант по прозвищу Чека, чувствуя себя в огромном скоплении народа, как рыба в воде арыка, в одно мгновение поставил перед сидящими рядом с Виктором офицерами две бутылки «Московской». Привычно молниеносно пересчитал инвалютные чеки и растворился в людской массе. — Иди сюда! — услышал Виктор голос, обращенный к нему. — Садись... Сменщики раздвинулись. — Новенький? На замену? — Новенький, — ответил Виктор. Паузы в разговоре не было. Бережно и важно булькала по стаканам водка. — Ну, третий тост... — Все встали. — «Даже ветер на склонах затих...» Выпили, помолчали. — Держись, парень, — произнес, обращаясь к Виктору офицер-танкист, — Меня Сашей зовут. Я из Новосибирска. Вот, расстались с Джелалабадом. Два года, брат... Сашка затянулся табачным дымом. Он держал сигарету в кулаке при ярком солнце, как в глухую полночь. Ночная война инстинктивно приучила его к осмоторительности. Сигарета в момент затяжки дает такой накал, что ее видно ночью в оптику прицела до одного километра даже при яркой луне. А хороший снайпер стреляет по сигарете, находящейся во рту. Саша ласково потирал в течение всего пиршества правую ногу, которую он переломал в нескольких местах при грубом аварийном прыжке с парашютом. Вертолет, на котором он летел, был сбит первым в Афганистане американским «Стингером» летом 1986-го. Тогда эта реактивная «стрела» только появилась. Его разрушительные характеристики толком никто не знал. «Вертушки» остерегались только зенитных горных установок и в зависимости от мощности двигателя без опаски выполняли дневные пассажирские перелеты на максимальной для них высоте — 3500-5000 метров, где снаряды зениток не могли их достать. Шел обычный перелет из Кабула в Джелалабад. Старший лейтенант Александр Проходов возвращался из отпуска в свою танковую часть, обчмо-канный, обласканный женой, обмурлыканый, обмоченный десятки раз начавшим ходить малышом. На вокзале мать напутственно многократно перекрестила сына в спину, едва держась на ногах от острой боли сердечного предчувствия: — Господи, спаси и сохрани! Мать Божия, сбереги сыночка! — беззвучно шептали ее губы, на которые потоком текли горько-соленые слезы. Недаром болело материнское сердце... Две «вертушки» набрав привычными кругами свои безопасные четыре с половиной тысячи метров, заняли двухсотый эшелон и запросили отход от точки. Получив «добро», задрезали курсом 280 градусов на Восток. В салоне ведомого борта развалились для верного часового сна шесть мужиков, положив под голову парашюты. Четыре женщины, летевшие с ними, были аккумуляторами легкой бравады. Две из них летели впервые. Зойка из штаба танкистов занимала на жестком сидении сразу три места, благодаря своей блистательной пышнотелости, внешне напоминая колобок при росте 160 и весе 120... Она курила, выдыхая в открытый блистер, одновременно вязала и читала какой-то затурканный с замусоленными уголками роман без обложек. При крейсерской скорости в 160 километров в час казалось, что вертолеты просто зависли на месте — под ногами пассажиров в жаркой дымке медленно проплывали обширные зеленые массивы джунглей, протяжные гирлянды скал и редкая блестящая вода. Сквозь светло-бусое небо добросовестно наяривала жаром солнечная кочегарка. Бортовой сквозняк не нес почти никакой прохлады.

Минут через сорок пять полетного времени всех так напекло и растрясло, что народ уравнился в должностях и боевых сроках. Раскишавшаяся с влажным лбом Зойка упорно сражалась с петлями на шерстяном носке. Высунувшийся из кабины борттехник обдал всех легким всплеском воодушевления. Снижаемся. Народ заерзал, зашевелился. Сорвавшуюся с предгорий иглу не видел никто. Бородатый стрелок в чалме, пустивший «Стингер», глянул на бегущую секундную стрелку: расчетное полетное время ракеты до данной цели — 4 секунды, на пятой вертолет неестественно качнуло. Машина, сипя, просела в воздухе. Раздался оглушительный выхлоп. Резко запахло едкой гарью. Двигатель начал ощутимо сбрасывать обороты... — Ха-а-а-и-и-и, — разом завизжали рты, округлились глаза, с жуткой силой начали драть друг друга людские руки, хватаясь, чтобы удержаться, за что попало. Аварийный сигнал бодрым молодым девичьим голосом сообщил: — Борт 1634, пожар! — Борт 1634, пожар! Первый пилот: — За борт! Надеть купола! За борт! — Бортак! Сорвать блистера!.. Второй пилот, пытавшийся вывалиться через свой блистер, зацепился ремнем автомата за кресло. У него, не очень физически крепкого, сейчас хватило силы разорвать автоматный ремень, который по ТТД выдерживает около тонны нагрузки. Он первым провалился вниз к земле. Командир хрипло рычал, пытаясь удержать машину для сохранения тех нескольких жизненных секунд, которые необходимы были для эвакуации. Сашка, шустро напяливший на себя парашют, нашел в себе хладнокровие, чтобы надеть «купола» на потерявших самообладание женщин. Он вышибал их пинками через люк, успевая защелкнуть замок автоматического раскрытия парашюта за страховочный трос рядом с люком. Из пассажирского салона двое лейтенантов выбросились первыми, надев парашюты сами и плюнув от страха на друзей. Зойка визжала, брызгая пенной слюной. Парашютные ранцевые лямки ни как не налазили на ее огромное тело. — Не на-да-а!.. а-а-а... мамочка-а-а-а... не на-да-а-а-а!.. Она прокусила Сашкину руку насквозь. — Не трогай-й су-у-ка-а меня-а-а!.. — Мама-а-а-а!.. Оставьте меня-а-а-а!.. Вертолет горел, резко проваливаясь вниз. Командир орал Сашке: — Прыгай, говно, прыгай! Пылающая «вертушка» гулко пошла к земле. В небе зависли десять «куполов». Один пассажир разбился сразу. От страха при падении в воздухе он пае смог нащупать кольцо парашюта. Другой вышрь@ нул с неправильно надетым ранцем. Зойка в кон-вульсирующей истерии так и не дала нацепить, на себя аварийный парашют, разодрав ногтями и искував обоих оставшихся в машине мужиков. Зойка, лязгающая зубами громче двигателей, вцепилась обеими руками в сиденье, фыркала губами как загнанная кобыла, плюясь кровью из самой же откушенного собственного языка. Вертолет стал заваливаться вверх шасси и несущим винтом вниз, отстрела лопастей на этой модели не было, поэтому Сашке, борттехнику и командиру на возможность спасти свою грешную жизнь осталось не больше трех секунд. Поняв, что одуревшую бабу никакими силами не спасти, командир сзади обхватил оставшихся мужиков и выпихнул, их за борт, следом вываливаясь сам на долю секунды позже, а значит последним. Только чудом их не рубануло несущим винтом. Сбитая машина по крутой спирали пошла к земле. Мгновение спустя парашютисты увидели сначала яркую засветку, а потом до них, болтающихся в небе, докатился раскатистый взрыв. Ведущий борт с первых секунд пожара на ведомом вызвал спасателей с ближайшего аэродрома. Командир сбитого вертолета с борттехником начали палить по «духам» еще в воздухе, стреляя и кидая гранаты куда попало. Сашка не имел оружия как прибывший из отпуска. Он только раскачивался на стропях под куполом, как на качелях, чтобы максимально уклоняться от прицельного огня, и орал на всю округу, словесно помогая командиру крепкой руганью, как пулеметом. В этом диком азарте он не приземлился, а грохнулся, сломав в двух местах ногу и капитально отбив копчик. Все это время первый— ведущий борт, как клушка, носился вокруг расстреливаемых «духами» парашютистов, чтобы дать возможность хоть кому-то приземлиться живым. «Духам» не удалось добить только четырех русских, но ни в одного они не промахнулись — ранили каждого. Горячая материнская молитва ко Господу, ко Пресвятой Богородице за тысячи километров от знойного Афгана в России чудесным образом оберегла русского воина Александра от неминуемой гибели. В ту страшную минуту сердце матери в пронзительной боли дрогнуло, она истово перекрестилась сама, перекрестила и фото сына, волна облегчения омыла ее страдающую душу. Сашка ничего этого не чувствовал, понял только одно — жив, и постанывая попытался приподняться, чтобы уяснить обстановку, но резко вскрикнув от боли, вновь ничком опрокинулся на землю. — Старлей, ты живой?! — откуда-то по соседству прокричал командир сбитой «вертушки». — Слава Богу... — едва слышно ответил танкист. Четверка вертолетов поисково-десантной группы (ПДГ) примчалась через 11 минут после получения сигнала о помощи. Прибывшие спасатели собрали всех минут за двадцать, отбив «духов» от точки аварийного приземления метров на триста. По дороге на базу в вертолетах на окровавленных «куполах» штабелем лежали восемь погибших. В углу стояла парашютная сумка с немногочисленными останками Зойки — прокопченной грудью Я раздробленной правой стопой. Сбоку вповалку уселись живые, кто где мог, Сашка полулежал на боку, оперевшись на локоть. Раненные, не морщась, булькали 96-процентным спиртом прямо из горлышка фляги. Уже на следующие сутки пассажиров на вертолетах по всему Афгану стали перевозить ночью. А днем полеты приказано было выполнять только на предельно малой высоте, недоступной для «Стингеров».

Уроки выживания

Рассказ Сашки подошел к концу, он поднес стакан с водкой ко рту: — Ну, ладно, помянули наших... А ты-то сам кто будешь? Откуда? Куда путь держишь? Виктор коротко рассказал о себе и спросил: — Ребята, а кто этот увесистый прапорщик с кучей орденов? Офицеры, разом сплюнули и так же разом на перебой стали пояснять: — Он в Афгане уже семь лет и хрен его отсюда выгонишь. — Здесь у него золотая жила. — Знаешь, сколько его Красная Звезда стоит? — Ну? — на последний вопрос недоуменно откликнулся Виктор. — Шестьсот чеков, — ответил Юра из

офицерской компании. — Только знай, кому их сунуть. Я за свою Звезду пол живота отдал, а он — главный евнух пересылки... Ладно, еще наслушаешься о нем. И как бы устыдившись собственной досады Юра резюмировал: — Давай лучше выпьем, ибо красные глаза не желтеют, то бишь желтухи не будет. — А кто этот Чека? — спросил Виктор. — Солдатик один, — ответил Саша. — Отслужил на пересылке срочную, теперь водкой торгует при евнухе с орденами. У Чеки, кстати, тоже есть Красная Звезда и «За отвагу». Он сам из Самарканда. Да ты их, приграничных жителей Союза, только в таких местах и встретишь: на продскладах, на складах горючего, на пересылках. На боевые-то только ваньки да петьки из Вологды ходят. Еще, правда, хорошо ребята-грузины воюют. — С ними надежно, не сдадут, — подтвердил сказанное товарищем третий сменщик, по имени Николай, и спросил у честной компании: — По четвертой, что ли? Виктор потянулся было за бутылкой, чтобы разлить водку по стаканам, но был ненавязчиво остановлен: — Ты, Витек, пока посиди с нами, присмотришь, порасспроси, чего не понимаешь. Ответил на все вопросы. Тебе в гарнизон желательно прибыть максимально подготовленным. Когда у тебя вылет? — Ночью, — ответил Виктор. — Ну, и чудненько, — улыбнулся жемчугом ровных зубов Николай и наставительно продолжил: — Это я тебя к тому попридержал, что разлив водки здесь особого мастерства требует. За каплю, пролитую на землю, можно и схлопотать. Уж слишком часто она, к сожалению, скоро будет тебе нужна, а провезти ее через ленточку, сам небось видел, как постыдно трудно. Брать ее здесь в дуканах опасно. Часто местные отраву подсовывают или колпачок-«сюрприз» бывает. Его в Пакистане делают. Отвернешь чуть-чуть, он так хлопнет, что в лучшем случае без пальцев останешься, а в худшем — еще и без глаз. Много нашего брата по неопытности пострадало. У меня-то это вторая ходка за ленточку, первая была в восемьдесят первом — восемьдесят третьем годах, — продолжал Николай. Мимо, покачивая переполненными бедрами, вальяжно прошествовала в трико и на шпильках невысокая дама с самоуверенным лицом. По ходу она оценивающе брызнула глазами по новым знакомым Виктора. Прилипшие к ее формам четыре пары боевых глаз с вожделием проводили мисс-пересылку. — И много здесь, ну... женщин? — продолжал допытываться Виктор о местном житье-бытье. — Три процента, — последовал незамедлительный ответ, — как и положено на войне. Без них нельзя. С ума сойдем или как в зоне бывает. Но, если честно, в Афгане по моему три процента, умно женные на сто. Почему? Видишь ли, это смертельно деликатная тема. Мы коротко просветим тебя, а по ходу сам деталей доберешь. — Здесь ведь как, — взял на себя обязанности фронтового «моралиста» Юра, — как в известном законе: сколько убыло, столько прибыло. В этом вопросе кадровый отдел работает идеально. Что греха таить, многие едут в Афган, чтобы, если живы будут, более-менее подзаработать, детей потом на ноги поставить, удостоверение участника войны получить, льготы и тому подобное. А для женщин тем более. Ведь наши девчонки едут сюда не от хорошей жизни, оставив дома детей, мужа, если он есть. Ведь, если есть муж, то надо сделать документ, что разведена. Если есть дети, то опять же нужен документ, что они живут самостоятельно, то есть взрослые. Иначе по закону женщине на войне не место. К тому же существует возрастной ценз — до тридцати пяти лет. А этой, что мы видели, даже с натягом меньше сорока пяти не дать. Значит, понесла соответствующие расходы — паспортный стол в Союзе тем и кормится. Но самое сложное для них наступает здесь, вернее — еще на ташкентской пересылке. Там работает целый синдикат «по достойному» для них финансовому размещению, исходя из внешнего вида и протекции. Хочешь добиться того, за чем приехала, — плати, и жизнь-малина обезпечена. — Будет числиться на должности машинистки при штабе, а служить два года на должности пэпэжэ. — Не понял, — переспросил Виктор. — Ты что, совсем непросвещенный? — подосадовал Юра. — Просвещенный, — ответил Виктор, — но некоторые тонкости не довели. — Доведут, — засмеялись новые друзья. — Пэпэжэ означает походно-полевая жена, и при начальнике она будет днем и ночью, понял? — Понял, — кивнул новичок. — Чем удачнее она договорится, тем ближе к Кабулу. Которая слишком гордая, вон у Коли в Ложкаревке окажется. Это самая нижняя точка на карте. Если не уживется, то через три-четыре месяца уезжает обратно. — А вот тебе и наглядное пособие к нашему теоретическому занятию, — кивнул головой в сторону контрольно-пропускного пункта Николай. Из приехавшего «уазика» начальственно, словно барин, вылез прапорщик — близнец утреннего чапаевского Петьки. К нему мгновенно по одной стали подходить все «девчонки» рождения конца пятидесятых годов в поразительно одинаковом «прикиде». Сытый покупатель, вяло обмахивая себя носовым платком, величиной с детскую пеленку, безучастно внимал женскому красноречию. Выслушав всех, он надменно прошествовал мимо вытянувшегося дневального в штаб пересылки. — Выбрал кого-то, — сказал Юра, сплюнув в сердцах. — Вот так, Витек! Внезапно всеобщее внимание от женского невольничьего рынка отвлекли раздавшиеся будто рядом калашниковские очереди и несколько взрывов. — Это из местного карьера, он в пяти километрах отсюда, — сказал кто-то. Коля слегка потемнев лицом и поминально держа стакан, подробно рассказал о некогда произошедшем в каменном карьере эпизоде афганской войны. Находящийся невдалеке от пересылки карьер здесь был единственным источником высококачественного строительного материала. Беда случилась с группой из восьми молодых солдат, прибывших в Кабул за три месяца до случившегося. Таких молодых ребят здесь называют «бача», то есть по-афгански — «ребенок», «малыш». Их под командованием необстрелянного сержанта отправили на добычу камня для строительства бани одному остро нуждающемуся в ней начальнику. — Для постройки местных сандунов, — глухо добавил Юрий. — «Бачата» прибыли на ГАЗ-66 сами. Из оружия взяли только автоматы и по одному магазину... Вырвавшись на волю подальше от начальственных глаз, они, понятное дело, расслабились и разомлели под кинжальными лучами чужого солнца. Посовещавшись, решили единогласно: — Задачу выполняем за полтора часа вместо отведенных четырех, а остальное время отдохнем в тенечке и выпьемся. Наскоро надолбив необходимую кучу и закидав ее в кузов, бросили на пальцах, кому быть часовым. Часовой, смешливо посокрушавшись, залез в кабину с открытыми дверями. Друзья расположились на травке. Через двадцать минут, раскиснув от непривычной жары, все спали по-детски крепко, с причмокиванием. ...Первым легким пинком в живот

был разбужен сержант. Приветливо улыбающийся «дух», ровесник нашего вояки, приложил палец к губам и поманил: — Вылезай! Осоловевший и разомлевший, ничего не соображающий от перегрева парень с овечьей покорностью выполз из-под машины. Ему тут же залепили рот кляпом и связали. Остальных из тенечка выволакивали точно так же. Их оружие держали в руках сидевшие на корточках молчаливые, смотревшие исподлобья бородачи. Смешливый мальчишка-«душок» вкапывал в землю кол, старательно заточенный солдатской лопаткой, как игла. Солдаты, парализованные до окаменелости, следили за его добросовестной работой. Как только она была закончена, толстый черный «дух» что-то глухо гаркнул. Первым подхватили сержанта, поставили на голову и мгновенно раздели. Боец беззвучно истекал обильной слюной. Пощечинами его привели в чувство, и наперебой бормоча какие-то заклинания, стали опускать на кол. Кол беззвучно и быстро вошел до живота. Но сержант молчал. После этого «духи» отпустили русского и, впившись в него, глазами, стали смотреть на медленно-медленно оседающее на кол тело под тяжестью собственного веса. Минут через пятнадцать это мучительное движение к земле прекратилось, и конвульсии угасли. Кровавое острие кола торчало из левого глаза мученика. Его руки, связанные за спиной, произвольно, от боли переломали себе все пальцы. Сержант молчал даже в момент агонии. Оставшимся «бачатам» поочередно отрезали головы и сложили пирамидкой на кабине, обернув их прищуренные взгляды на Восток. Но одного солдата оставили живым. Его, сошедшего с ума, привязали собачкой к сержантскому колу, и неспешно исчезли, забрав отрезанные уши для отчетности. «Аллах акбар!» Не шелохнувшегося во время рассказа Виктора поразил не столько сам факт изуверства и жестокости, сколько смиренномудрый тон повествования о живьем посаженном на кол сержанте. Пройдет совсем немного времени, и сам Виктор будет вынужден говорить о погибших товарищах таким же безразличным, на первый взгляд, тоном, а на самом деле единственно правильным, впитанном нами с молоком матери, без истерик и кликушества, каким говорили о погибших однополчанах вернувшиеся и с Куликова, и с Бородинского, и с Прохоровского полей Наши пращурь. Вечная им память! Упокой, Господи, их души в селениях праведных. Ночью на пришедших в Кабул газнийских «вертушках» Виктор отправился к месту своей афганской службы. Через сорок пять минут полетного времени он оказался на базе «Скоба», которая на долгое время стала для Виктора родным «домом».

Здравствуй, «Скоба»!

База примостилась на высоте двух тысяч шестьсот метров над уровнем моря, или лучше сказать — над уровнем безкрайнего песка громадной пустыни, среди лысых кривобоких холмов, переходящих в высоченные отвесные скалы. Вдалеке виднелись еле различимые при вылупившейся луне скудные чахлые деревца. Недельный срок дотошной подготовки к войне вновь прибывших офицеров быстро привел в подобающее чувство. Тщательное изучение оперативно-боевой обстановки вперемежку с ценными рассказами бывалых, отвоевавших свой срок офицеров, дорисовали во всех подробностях обстановку, в которой предстояло жить и воевать. Инструктировали по очереди офицеры-вертолетчики «Скобы» и десантники Батиной «Чайки». Отвоевавшие пылливо вслушивались в наставления своих однополчан, при нужде без суеты веско добавляли ценнейшие детали живого боевого опыта. Так они слагали щит воинского мастерства, который должен был стать надежной защитой новичка в каждом бою. Эти беседы длились часами, но порой Виктору, казалось, что захватывающий урок науки побеждать пролетал за несколько минут. Ни из одного казенного учебника вычитать подобное было невозможно. Стрелянные и битые мужики каждое свое слово подтверждали живыми примерами, наглядно демонстрировали те или иные приемы бранного искусства: если надо залегали тут же у курилки в имитации реальной боевой ситуации. Они кувыркались, крутились, падали из любой позиции — плашмя, на бок, калачиком, на спину с перекатом через голову и тут же оказывались на ногах. Громоздкие дядьки преобразались в ловких гимнастов, циркачей, балетных танцоров. Гибкости и ловкости их тел могли бы позавидовать какие-нибудь супермодели или звезды кордебалета. Затем они требовали от новичков-сменщиков повторить все эти упражнения и постоянно разжевывали каждую деталь, пока самый тупой не поймет, чего же от него добиваются. Но тупых не было, свое уже послужившие в Союзе офицеры все схватывали налету. Они как большие дети увлекались этой страшной, но столь необходимой для выживания игрой взрослых мужчин. Надо было знать, как и для чего именно накачать кисть, мышцы запястья, локтевые жилы. Ведь нужно было довести руки до стальной твердости, чтобы автомат держать, как пистолет, при немислимых кульбитах с оружием между спасительных валунов. — Когда прокрадываешься к позиции противника, патрон надо держать уже в стволе, но предохранитель при этом замкнут, ибо в момент подползания нечаянным жестом можно нажать на курок. Почувяв близость «духа», нужно осторожно рычаг предохранителя оттянуть за ушко в сторону от корпуса и только тогда опустить его на автоматический режим, чтобы, ни дай Бог, предательски не прозвучал характерный металлический щелчок фиксатора. Грубые пальцы воина цепко ухватывают ушко предохранителя, и все видят как это делается. — Отступающие «духи» группой в три-пять человек, обязательно выставляют прикрывающего. Сначала надо уничтожить его, иначе «дух» из своего прикрытия перебьет наступающих. Затем надо убрать или хотя бы серьезно ранить самого дальнего из убегающих. Ведь у него больше шансов уйти в прикрытия и оттуда начать огонь по нашим для поддержки своих. Потом только добивайте остальных. Понятное дело, всю эту науку побеждать новички слушают, не дыша. Даже прикуренные папиросы, оставленные без внимания, от обиды гаснут. Их, потухшие, с досадой швыряют прочь. Молодые офицеры впиваются слухом и зрением в своего сверстника-наставника. — Рядом упала граната. Залегай головой к ней. Если нет каски, голову крестообразно закрой руками. Даже в полуметре от разрыва есть «мертвые» зоны для разлета осколков, они уйдут чуть выше над тобой. Только рот разевай, как можно шире. Иначе при разрыве надолго оглохнешь, может быть

навсегда. Тот, кто увидел брошенную гранату первым, кричи: «граната справа!..» — или: «граната слева!» Собственный маневр при этом не сдерживай. Кричать можно и в полете к матушке-земле, и уже лежа на ней. Но предупредить товарищей ты обязан. Слушатели согласно кивают: сами-то форму не первый год носят, знают, что такое воинская взаимовыручка, начиная с курсантских самоволок и глухих «несознанок» — кто виноват? — в случае начальственных выволочек. — При внезапной стрельбе по тебе, тут же падай с перекатом и с одновременной изготовкой к бою в момент перекатывания. Почему надо сразу упасть и перекатиться? Потому что при внезапном нападении противника, страх парализует, отказываются работать пальцы и ты теряешь жизненные доли секунды для подготовки автомата к стрельбе и погибаешь. А если ты упал, при падении у тебя от болевого импульса происходит всплеск адреналина, кровь бежит по всем жилочкам, и мышцы послушны. Перекатился, то есть сменил позицию, на мгновение ушел из прицельного поля вражеского ствола, при этом снял автомат с предохранителя, передернул затвор и, уже владея ситуацией, мгновенно включился в бой. — А будете залегать, — вклинивается новый советчик, — надо в течение нескольких минут два-три раза поменять место таким же перекатом, чтобы сбить с толку прицел противника. Виктор с ребятами укатывают весь песок вокруг штаба, а ходившие кругам «руки в брюки» преподаватели, войдя в раж и перебивая советами друг друга, порой даже пинка дадут новичку за неуклюжесть. Тяжело в ученье, зато в бою легче. И вот сами учителя в экстазе, упоенные военной игровой ролью, с криком синхронно кувыркаются рядом. Экзаменаторы дают все новые и новые задания. И вновь катаются сами, падают, прыгают, приседают, шпигят, орут... — Внезапный крик в нужный момент атаки помогает не меньше верного ножа или пули-дуры. Крик тебе поднимает настроение и вызывает ностальгическую грусть прощания с жизнью у 'душка», которого ты сейчас прикончишь. И вот ребята с криком бросаются друг на друга, стараясь переорать «супостата». Весело! — Если «духам» удалось подползти незаметно, ты не слышал щелчки взводимых затворов, да к тому же временно обезоружен сам, при стрельбе противника надо немедленно закрываться первыми попавшими под руку вещами, даже тряпками, желательно скомканными. Особенно береги голову. Пуля, попавшая в комок одежды, в шинель, теряет силу удара. Так можно избежать смерти и даже тяжелого ранения. Просто отделаешься контузией или срезанной кожей, а попав под углом в лобовую кость, пуля калибра 5,6 просто уйдет рикошетом. Верно Александр Васильевич Суворов говаривал, что пуля — дура! После такого наставления мысль одна: «Господи, спаси Ты головушку мою горькую!» Рука каждого вновь прибывшего бойца невольно тербит беззащитное темечко. — Десять минут перекур. Отдохнули, мысленно побывали дома и вернулись обратно, все посуrowели, обратили взоры в центр учебного «класса» рядом с курилкой. — Теперь некоторые рекомендации гранатометчикам. Если ведешь огонь из РПГ, то стрелять надо чуть выше укрытия, но это зависит от удаленности цели. Коли «дух» залег в окопчик, а за спиной его стена или скала, то прямо попасть в него невозможно, но осколками от разрыва над ним, его можно хорошенько посечь. За гранатометчиком надо постоянно наблюдать одному человеку, иначе стрелок может войти в такой азарт, что забудет о самозащите, подставит голову под пули «духовского» снайпера. Ну и ну! Это точно. У народа даже без боя появился азарт. Еще не постреляли, а уже рассекретились. Начальник штаба заставляет всех повторить учебный эпизод. После обеда, полнота и сытость которого по-суворовски приравнивается к порции новорожденного младенца, приступают к основе основ боя — к личному стрелковому оружию. Калашников Михаил Тимофеевич! Поклон, Вам, русский гений-самородок! В XX веке нет равных Вашему боевому детищу и уже не будет! Автомат Калашникова — сам «Калашников». О нём мужики, стоя в кружок говорят, как о верном друге, как об одушевленном надежном спутнике. Его бьют, он не бьется, его топят, он не тонет. Бросают с пятнадцати метров на скалы с вертолета — даже не треснет. «Духи», имевшие этот автомат, считались самыми зажиточными, родовитыми. Остальное оружие других стран ценилось по принципу: на безрыбье и рак — рыба... Газнийцы долго хохочут, вспоминая рассказ джелалабадских ребят, когда те разом отбили попытку командиров царандоя поспорить, чье оружие лучше: наш «Калашников» или штатовская M-16. Сюда же в спор привлекли и «псевдокалашниковых» болгарского и китайского производства. Конкурс был открыт в 16.00 при жаре +60. Проверка шла очень просто: победит тот, кто расстреляет больше патронов при непрерывной смене магазинов. Итог был так же прост, как и замысел... Китайский «калаш», бездарно сворованный по технологии, на седьмом рожке уныло провис стволотом от перегрева. Болгарский собрат заклинил на девятом магазине. M-16 едва дотянула до третьей сотни пуль и раздула ствол грушей. Русский автомат, окутанный дрожащим маревом накала, стало просто сердечно жалко на пятнадцатом рожке. 450 патронов! Это что-то. У него, перегретого, но не сдавшегося, наши мужики сердечно попросили прощения за проявленное недоверие со стороны местных вояк. Честно говоря, соревновательное напряжение было. Наши ребята поздравили героя и себя с первенством от души, с удовольствием чокаясь фронтowymi ста граммами о казенник «призера». Пили за очередную победу русского оружия. И офицеров «царандоя» великодушно пригласили на жаренного барана, которого афганцы проиграли Калашникову Михаилу Тимофеевичу. Все время соревнований жалобно бляевший бедняга был призом в этом конкурсе. После рассказа о конкурсе справедливости ради один из старожилов отмечает: — Чем же хороша M-16, так это одним — штык-ножом. Многие наши берегут его в трофей для рукопашки. Надежная штука, острая, прочная, метать его легко... Преподаватели «скобари» рекомендуют каждому бойцу иметь по одному-два запасным автоматным магазинам, в которых последние пять-десять патронов должны быть трассирующими. — Зачем? — спросил кто-то. — Чтобы по ним други-соратники могли определить, где ты есть. Да и самому ясно, что у тебя заканчивается боезапас. — Толково, — удовлетворенно мотнул головой спросивший. «Чайкинцы» свидетельствуют о своем житейском опыте: в магазин можно через каждые 9 патронов ставить один трассер и два-три в конце, чтобы знать о расходе боезапаса. Если в бою образовалась случайная пауза, а трассеры показали остаток снаряжения в рожке, допустим, десять, надо срочно заменить магазин на полный, а опустевший при

удобном случае дозарядить. Или магазин опустел, а поменять нет времени ни секунды — лучше пустой бросить в «духов» под видом гранаты с криком: «Получай, гад!» Срабатывает безукоризненно — «духи» валятся, как подкошенные, минимум на минуту, а у вас есть время вставить новый рожок или вообще сдернуть в другое место. — Вот это по-нашему, — улыбается народ. — Простенько и со вкусом. — Идем дальше, — консультант затягивается папиросой, в паузе обдумывая дальнейший ход мыслей, — Да, вот... Если потренироваться, то в рукопашном бою пустой рожок можно бросать так, чтобы он попадал зубцами в переносицу или в висок противнику. А то просто держать его в руке для самообороны, как секиру. Пробовали уже не раз. Не мы правда, а пехота. Результатом довольны. У «духов» оказывается не? головы — астраханские арбузы. Правда неспелые внутри... После мрачной шутки наставник продолжает урок: — В бою или на разведвыходе, да, где бы то ни было, любой приказ командира должен подтверждаться тем, что ты его слышал и усвоил. Допустим, услышал: — Держи! Не ленись и не стесняйся, ори: — Держу! И так далее: слышишь: «прикрой!» — кричи: «прикрываю!», приказывают: «отход!» — подтверждай: «отхожу!». Помни это, как «Отче наш». Халатность при исполнении приказов — гарантия смерти и твоей, и друзей. Тут следует описание двух-трех случаев, когда так и было на самом деле. Тяжелая штука — война! На ней действительно, как на войне. — Если у кого-то будет работа с биноклем ночного видения, помните, что он нагревается за одну-две минуты и сам становится мишенью для инфракрасного прицела. Кроме того: зеленое свечение объективов выдает месторасположение твоей головы опытному стрелку. Поэтому осмотр окрестностей должен быть предельно коротким, потом закрой стекло рукой и выключи этот хитроумный аппарат. Иначе тебя тут же отследят снайперы. — А подствольник? — спрашивает кто-то, — Ведь у нас теперь они есть почти у каждого. — Ага, — продолжает бывалый вояка, — нужная вещь. Основные детали его работы вы все знаете, а тонкости с ним таковы — при стрельбе из под-ствольника упирать в плечо надо не приклад, а пистолетную рукоятку автомата. Это особенно удобно при стрельбе лежа, тогда легко регулировать угол полета гранаты. — А в перебежках как? — новички неугомонны в вопросах. — При перебежках лучше передвигаться с упором приклада в плечо и небольшим наклоном ствола вверх. Не делай упор на уровне живота. Но по крайности можно упереть и в живот, если «духи» от вас не дальше пяти метров. Все ненадолго замолкают. Каждому жить хочется все больше и больше. Подходят еще несколько человек из тех, кто готовился к отъезду. Образуется нештатный перекур. В непринужденной болтовне, как завершение, обозначилось — «ну и на сегодня последнее»... — Когда будете стрелять из автомата через реку, надо целиться выше. Нужен большой угол возвышения над точкой прицеливания от того, что поток холодного воздуха у воды и влажность снижают траекторию полета. Кстати, о горах. Там прозрачный воздух, поэтому, когда будете вести огонь через ущелье, можно легко ошибиться в расстоянии. Воздушная «линза» в ущелье ошибочно «приближает» цель. Подошедшие и похохатывающие о чем-то своем мужики, разряжают контрольно-экзаменационную обстановку: — Ты уже перекалил им головы своими байками, — перебивает ход напряженной беседы пилот Андрюха. — Не перестарайся с учебно-воспитательным процессом. А то с непривычки знаешь, что бывает? Можно и обоср... Народ залпом хохочет. — Лучше расскажи про новосибирских артистов, которые вместо четырех суток у нас проторчали полторы недели. А их девчонки вообще улетать не хотели. Дежурный «педагог» с «Чайки» в ответ помалкивает. — Ну что замолчал?! — подошедшие подначивают главного героя наклеивающегося сюжета. — А стыдлив-то как! Кто не знает, пай-мальчиком назовет. Народ в курилке с нетерпением ждет новых откровений. — Так и будешь молчать? Сами расскажем... С полгода назад к нам приехала группа по-моему самых что ни на есть народных артистов песен и плясок. — рассказчик явно наслаждался воспоминаниями, — На следующий день должны были выступить у нас и три дня на «Чайке». Но выступлений не было. Вечером по приезде после третьей заздравной началось братание. Пели и плясали во всех комнатах и коридорах, а одна солистка с криком «Сибирь воды не мутит» пыталась сигануть через пожарный бассейн. До берега не долетела. Сушилась с истерическим смехом в бушлате, бронезилете и сапогах на голую ногу. Ага... Ей конечно дали для согрева... Лицо рассказчика демонстрирует крайнюю степень увлеченности собственной историей. — Что может быть хуже пьяного мужика? Слушатели терпеливо ждут ответа на явно риторический вопрос. — Только пьяная баба! В четыре утра она уговорила одного такого же «физически устойчивого» здешнего аса слетать на вертолете в «разведку». Счастье, что возмущенная таким разгильдяйством и хамством труженица-восьмерка (в нашем просторечье «пчелка») гордо отказалась запускаться. Недолго покопавшись в пилотских тумблерах и рычагах, одна возлюбленная пара уснула с крепко зажатыми штурвалами в руках. Они, когда их выдернули из кабины, пытались убедить ревнителей порядка и нравственности, что надо срочно слетать на озеро и наглушить рыбы к утреннему пиву... «Педагог» мрачно краснел, слушая в дико хохочущем кругу мужиков рассказ про собственные «приключения». Но конферанс не унимался: — В итоге все планы и сроки пребывания труппы в части были совершенно сорваны. Ту самую даму вообще потеряли. Потом оказалось, что она тайком осталась у одного из присутствующих здесь командиров и пять раз насмерть влюбленная выходила за него замуж. Он отделался от нее только тогда, когда к нам с «Чайки» привез ее на «бэтээре» связанной. Из Кабула названивали и приказывали: если немедленно не вернете артистов в центр, всех виновников уволим и отправим в Союз. Оба гарнизона и «Скоба», и «Чайка» только радостно орали: виноваты все как один, но Кабулу не верим! Если «угроза» правдива, то немедленно вылетаем домой! — Да ладно закатываться, — смущенный виновник общего веселья качал головой, урезонивая слушателей и рассказчика. Мужики ладонями стирают со щек обильную слезу. — Глупо, но есть что вспоминать. А уж новосибирцам и тем паче. — А как с рукопашкой?.. — немного унявшись, спрашивают новенькие. — Рукопашка?.. — местные замолкают в поисках наиболее убедительного ответа, даже темнеют лицами от напряжения. Дело — серьезнее некуда. — Это самое тяжелое, мужики. Самое-самое. У всех, абсолютно у всех это бывает по-разному, по-своему. Есть только одна общая рекомендация. «Духи» сильны, когда среди них смертники или их много. Один на один они, как правило,

трусы. Но в любом случае, как бы ни сложился рукопашный бой, убивать или добивать их надо ударом ножа только в голову. Тогда есть полная гарантия уничтожения противника. Причем нож надо всадить именно в затылок или в висок, ибо лобная кость настолько крепка, что в пылу боя нож только соскользнет и раздерет кожу. Рукоятку ножа надо тщательно обмотать парашютной стропой, чтобы во время схватки рука, потеющая от напряжения, не соскользнула с нее в самый ответственный момент. Если закувыркаетесь с «духом» в обнимку, то постарайтесь засунуть пальцы в глазницы или что есть силы сжать и рвануть мужские причиндалы. Без них, раздавленных или оторванных от внезапной дикой боли «дух» выключается мгновенно. Проверено. Не наносите удар ножом единожды, бейте три-четыре раза с проворотом, особенно в животе. И последнее. Не сдавайтесь в плен. Все равно убьют, может быть, на сутки позже. Только смерть будет злее, а ее наступление «духи» затянут себе в услужение. Предателей никто не ценит. Предавший однажды, продажен навсегда. Ну вот и все, — затянулся вновь папиросой ставший уже бывшим начальник штаба. — Теоретически все. Народ поугрюмел, каждый разбежался мысленно по родным уголкам России. О Всевышней Блаже, спаси души наша! С уезжавшими домой бойцами простились по-русски канистрой авиационного спирта. Тогда этого добра в легендарной, уже давней родине Героя Советского Союза, вертолетной эскадрильи, к счастью», еще хватало. К первому боевому вылету Виктор готовился тщательнее, чем к решающей встрече с любимой женщиной. Основательно подогнанное боевое снаряжение весило прилично — всего около тридцати килограммов. Оно включало толково размещенные на себе автомат, тысячу патронов к нему, десять гранат, питание, рацию, теплый и легкий спальник «пакистанку», нож. В такой полной выкладке, если что, Виктор был готов к самостоятельной «работе» на несколько суток. Перед его группой поставили задачу: ежедневно по три вылета на поиск и уничтожение банд в режиме свободной охоты. Каждый вылет по два — два с половиной часа с интервалами между ними полтора-два часа. За время отдыха надо было успеть перекусить, покурить, сбегать за угол, дозаправить борт и «освежить» боекомплект. Первый вылет завтра в шесть тридцать утра. А сегодня — последний день отдыха. Написаны письма, а также специальные открытки, где каждый собственноручно указал, куда доставить тело в случае его гибели. Теперь в баню. Две радости в Афгане: письмо из дома и баня. Баня — это своеобразный ритуал. — Тем более такой баньки, как у нас, — рассказывали по дороге в нее новые виковские сослуживцы Андрей и Гена, все из одной поисковой группы, — нет ни на одной точке. Гордость за свой очаг — тоже хорошее чувство. И представитель каждого отряда или гарнизона лучше своей бани, естественно, не видел нигде. На «Скобе» баня была построена еще в девятнадцатом веке английскими военными, которые имели здесь базу. Есть слухок, что где-то в районе базы именно под баней британская королевская гвардия сделала тайник-погребок, из которого забыли забрать около тысячи бутылок виски. — Знаешь, Витя, и 'мы, и до нас восемь лет — все искали этот клад. Но ни одной бутылки пока не нашли. Додумались даже одну собаку натаскать на запах виски. Закончилось тем, что собака спилась, а бутылок нет. Но! Представители ХАДа — афганской контрразведки — утверждают, что тайник все-таки существует. Эту информацию они добыли из английского посольства в Кабуле. В итоге — надежда жива. Как бы там ни было — с виски или без него — естественно переделанная внутри на русский манер баня воистину была замечательной. Выползли ребята из нее часа через четыре, лица у всех — полная луна. Проходящая мимо воинственная группа решительно топала в сторону отдельной роты аэродромно-технического обеспечения. — Куда путь держишь, народ? — велеречиво спросил Гена ведущего. — Ген, ты, видно, крепко перепарился, сегодня же четверг — «день начпрода», — в тон ему ответил старший. Начпрод или начальник продовольственной службы на любой войне есть самая критикуемая и оправдываемая фигура. Редкий из них мог избежать каждодневного вопроса на вечную желудочно-кишечную тему о продуктовой недостаточности. Не избежал его и здешний начпрод. Им в звании старшего лейтенанта был, как ни странно, плюгавенький, но удивительно вороватый и безталантный мальчишечка. «Питающиеся» не знали с какими оценками этот поваренок закончил военное продовольственное училище, но то, что он попал на войну за растрату в одиннадцать тысяч рублей (и это в ценах 1987 года!), и прочие подобные шалости, знали все. Удачно подвернувшаяся война дала ему шанс избежать суда военного трибунала. Видимо, кто-то помог «сверху». Учтя ситуацию, личный состав летной эскадрильи решил каждый четверг сделать «днем начальника продовольственной службы». Это значило, что каждую неделю в этот день с 16.00 до 16.30 на-чпроду без лишних объяснений била морду назначаемая специально созданным «полковым советом» по очереди группа из числа командиров вертолетов. Иных способов воспитания начпрода и поддержания должного порядка в столовой, как ни старались, просто не нашли. — Что, так плохо кормят на самом деле? — спросил Виктор Гену, и лучше бы не спрашивал. — А ты знаешь, что такое рисовый суп по-газнийски? Это — горсть риса на ведро воды, — Геннадий стал распалиться. — Поживешь месяц, больше узнаешь, — рявкнул он. — Мало того, что не работает ни один холодильник и разворовывается тушенка, от которой местные выглядят жирнее, чем мы. Вчера наш парень, молодой летчик, после полета потерял сознание. Бросились к нему, думали в полете шальная пуля зацепила, но все оказалось страшней и проще — осмотревший его врач определил физическое истощение от недоедания. — А командиры? — удивился в свою очередь Виктор. — Витек, вот сегодня, в эту минуту данную тему лучше не трогать. А то подвернешься под мою сильную горячую руку... Прости, шучу. Отвечаю: хорошо едят командиры, как и положено столуются. Им походные жены все устраивают. — Ген, а мой дед, герой Советского Союза, говорил... Только ты не ори, дослушай: «Если подчиненные голодные в окопах по пояс в воде сутками кормят вшей, то и командир должен жить с ними в одних условиях. Вот тогда он их поймет полностью. И котелок для пищи должен подставлять последним...» — Во! Умный ты парень оказывается. — Да это не я, это мой дед, — ответил Виктор. А шестеро членов «военно-полевого суда», все более и более взвинчиваясь и крича: «Бей начпрода, чтоб голодных боялся!» — покатила в сторону его апартаментов. — Так, полтора суток сносного питания обеспечено, — без тени иронии произнес кто-то. У любой

войны одно лицо — во все времена, во всех странах, у всех народов. И у каждого народа вовремя войны появляются свои герои и свои предатели. А между ними есть и не герои, и не предатели, а некие людишки, юркнувшие щукой в ее мутные воды, как в благодатный край. В данной ситуации щукой был начпрод, вот только на сей раз рыбаки оказались большими профессионалами. В контраст дневной жары с гор потянуло вечерней сыростью. — Ну, пора спать, — сказал Гена, — уже поздно. До первой встречи с войной оставалось шесть часов.

Боевое крещение

Леденящее дыхание раннего высокогорного летнего утра. Раздетые по пояс подрагивающие на холодке экипажи привычно быстро проходят предполетный медицинский осмотр. Вдруг громкий, усиленный микрофоном голос сообщил: — Поисково-десантной группе срочный взлет, задачу получите в воздухе! Уже при отрыве от взлетной полосы были уточнены координаты боевой работы. Оказалось, что в районе населенного пункта Гардез был сбит самолет Су-25. Связь с летчиком потеряна сразу же, при попадании в самолет ракеты «Стингер». На место поиска группа идет на высоте пять — пятнадцать метров. Это самая оптимальная высота для ухода от тепловых ракет зенитного комплекса. Все дело в том, что луч наведения «Стингера» имеет определенные углы атаки. А от нулевой высоты до высоты приблизительно пятнадцати метров летательные аппараты находятся в «мертвой», то есть безопасной для них зоне. Первый борт «ноль-пятьдесятый» ведет матерый пилот Серега с уважительным прозвищем «дед». Он в Афгане третий раз, причем третий раз в Газни. Летает, уже не глядя на полетную карту, так как все окрестные тропы и пути знает почти наизусть. Отличительная черта «деда» — огромная голова, на которую не налезает до конца летный шлем самого большого размера. Его застежек хватает только до верхней серегиной губы. Еще одна отличительная черта «деда» — вечно торчащая изо рта потухшая папироса «Беломорканал». Без нее Сергея никто никогда не видел. Даже в бане. Плюс живот величиной с бочку, который каждый раз тщательно и чуть ли ни ритуально утрамбовывался в летное кресло. Это был летчик от Бога и замечательный человек — открытая душа, добродушный и отзывчивый. Но самое потрясающее было то, что он никогда не летал трезвым! Приняв свою боевую предполетную дозу в двести граммов лично им любовно приготовленной лечебной самогонки, «дед» так филигранно «облизывал» своей вертушкой рельеф, что порой у Виктора дух захватывало до зажмуривания. Вот и сейчас, сидя на своем рабочем месте у носового пулемета, Виктор с замиранием сердца следил за летными чудесами, которые проделывал со скучающей физиономией «дед» на высоте пяти метров над землей. Статисты авиационного «шоу» — десять спецназовцев и поисково-десантная группа из трех человек — неслись в дико мотающейся машине со скоростью двести километров в час. На место падения Су-25 вышли на тридцать восьмой минуте. Восьмерки (вертолеты МИ-8) сели в стороне носом к месту поиска, чтобы видеть ребят. Высадившиеся десантники веером рухнули на землю и моментально, как суслики зарывшись в песок, образовали классическую оборону при максимальном слежении за группой Виктора — они были виртуозами прикрытия. Рация у всех включена на передачу и прием. Началось беглое обследование места падения. Обломки самолета увидели сразу. Пилота среди них нет. Внизу в ложбине, под скалой — небольшое кукурузное поле. Виктор дает команду пробить его короткими очередями трассирующих пуль. После очередного прострела винтом закувыркались два «духа» — одному попало в шею, другому — в грудь. Еще трое бросились бежать, так как от трассеров на сухом поле возник пожар. В пылу боя Виктор, чуть приотстав, решил досмотреть подозрительную гроздь валунов. Всего на несколько секунд задержался, но этого было достаточно, чтобы к нему кинулся незамеченный под валуном «дух». Расстояние между ними было около пяти метров. Не чувствуя ни малейшего страха, чисто подсознательно, почти не целясь, Виктор нажимает на спусковой крючок и... не слышит выстрела — магазин пуст! Лихорадочно пытается поменять его. Но — такое бывает только раз — магазин не защелкивается замком автомата... Потом, кстати, так и не удалось установить причину. Но Виктор был уверен, что всему виной — нервы, как никак, а это был его первый бой. Он отшвырнул магазин в сторону, схватил автомат за ствол и быстро развернулся спиной к скалам. В ясной голове звенело тысячевольтное напряжение, и при этом никаких видений прожитой жизни не промелькало перед его внутренним взором. Видимо, еще не пришла его смертная минуточка, и Господь, по молитвам жены и доченьки-любимицы, милостиво хранил жизнь русского офицера. Налетевший с кривым кинжалом душман падает, как подкошенный, от удара прикладом по голове, и Виктор, зверея, втыкает ему несколько раз нож сверху в голову. На лице, кроме гримасы остервенения, ничего не написано. Хватает другой магазин, орет дикой руганью на всю округу — на него насаждает еще один бандит. Расстреляв полмагазина, Виктор перешибает ему обе ноги и за волосы тащит волоком к вертолету. Теперь орут оба: Виктор от истерики, «дух» — от боли. От нашего летчика со сбитого самолета нашли только часть бедра и правую руку. Через два часа сорок пять минут были дома. Закончился первый вылет первого дня. Потом их было сотни. В очередной раз взлетали в 14:10. День выдался суматошный. Досмотрели один караван — обошлось. На втором — закрутилось. На эти тридцать верблюдов и человек двадцать погонщиков выскочили из-за скалы носом к солнцу. Ослепленные, ничего не видевшие пилоты, начали бить со всех видов оружия куда попало. «Духи», хоть и слышали подход вертолетов, сами, видимо, не ожидали такого мощного огневого налета. Выбросив группу досмотра, вертушки сели в стороне. Виктор со своими ребятами и спецназовцами подковой рассыпались за скалой. Крики людей, беспорядочная пальба, рев верблюдов слились в такую адскую какофонию звуков, что «духи», видимо, приняли досмотровую группу из двух десятков человек как минимум за три батальона. Вдобавок ко всему, сорвавшиеся с уздечек верблюды стали затаптывать хозяев. И «духи», оценив ситуацию, добровольно по — страусинному попадали на землю: задом кверху, тубетейкой вниз, как они обычно поступают в подобных безвыходных ситуациях. Так называемый «навар» с каравана оказался густым. С кучей

оружия взяли недобитыми одиннадцать человек. Стремясь из-за большой выработки топлива сэкономить время на загрузке «вертушек», брали с собой только самое ценное, остальное — поджигали. И по случайности раскрыли очередную «духовскую» уловку-тайник. Гена увидел, как из распоротого осколками гранаты брюха верблюда на землю выползают ослепительно белые пластиковые мешочки с героином. Вот это да! Видимо, караван с наркотиками шел в Иран. Чтобы благополучно проскочить иранскую таможенную, животным дали проглотить пакеты с героином, а по прибытию на место верблюды напьются специального зелья и «вернут» груз его подлинным владельцам-контрабандистам. Из-за стремительно тающих запасов горючего пришлось быстро перебить всех оставшихся к тому моменту верблюдов и выпотрошить желудки. Урожай наркотиков составил килограммов сто. «Духов» же пинками рассортировали по бортам, предварительно каждому завязав лицо одним концом чалмы, а руки и ноги связав другим. После доклада ведущему пилоту, что свои все в сборе, набрали высоту и пошли домой. Даже те «духи», которые не бывали в русском плену, четко знали, что вести себя надо предельно смиренно, то есть лежать лицом вниз, плотненько и без резких движений. Досмотровая группа, приходя в себя после боя, все в кислом поту, изорванные, некоторые раненные, бережно передавала по кругу фляжки со спиртом и водой и бинтовалась, поставив из-за тесноты в вертолете грязные кроссовки на спины лежавших и боящихся шелохнуться пленных. Минут через двадцать полетного времени, чуть расслабившись после нервного напряжения боя, все прикрыли глаза, обмякли. Встрепенулись от зуммера. Командир «вертушки» просигналил Виктору: — Подойди. Продравшись сквозь гущу мужиков, он подставил ухо летчику: — «Скоба» запрашивает, сколько «карандашей» везем. Тут надо пояснить, что на условном языке вертолетчиков в радиопереговорах одно время «карандашами» звали пленных «духов». — Одиннадцать, — ответил Виктор. Через минуту командир растопырил пятерню и прокричал: — Приказывают доставить пятерых!.. — Пять, так пять, — досадливо бурчал Виктор: — Теперь разматывай эти морды и выбирай, какая важнее. Но усталость и близость к аэродрому не давали возможности подробно изучить, кто из закутанных с лицом в чалмы бандитов представлял наибольшую ценность. Поступили исключительно просто: троих крайних с ведомого борта и троих с ведущего подняли под черны ручки, бережно подвели к распаханному люку и отпустили на все четыре стороны с высоты пятьдесят метров на скорости двести километров в час. За хвостовыми балками с минуту искрила и брызгала так же стремительно исчезающая кровавая радуга. С замыкающей пары МИ-24 по переговорнику безстрастно доложили: — Есть касание! Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский по древнерусскому обычаю вообще в плен никого не брал, всех врагов Святой Руси он без пощады уничтожал во время боя. Так на Неве он повелел своим лазутчикам заранее подсесть днища шведских ладей, чтобы у противника не было возможности ретироваться, и только после этого Князь напал своей дружиной на трехкратно превосходящего по силе врага. Именно поэтому же он выбрал местом битвы с ливонцами весенний лед Чудского озера, чтобы ни один пес-рыцарь, поругавший общерусскую святыню — Дом Пресвятой Троицы — Псков-Батюшку, не избежал Божьего возмездия. Святой Князь так и рассуждал, если Господь дал тебе в руки Своего врага для возмездия и наказания, ты своей скорбной волей не должен его жалеть и щадить, но обязан предать неминуемой смерти. Время смягчило древнерусские нравы, но на любой войне, при любом конфликте бывали и хладнокровные самосуды. Конечно, убить пленного, если он уже взят в плен и силой обезоружен, среди русских христоролюбивых воинов почиталось за грех, ибо из поколения в поколение наши воины воспитывались в духе беспощадности к вооруженному противнику и милости к побежденному врагу. И тем не менее всплески безудержной ненависти, чего греха таить, все-таки случались и на афганской войне. Они подспудно зрели ото дня ко дню в безысходности ожидания собственной смерти, от жажды мести при виде пустой койки друга, над изголовьем которой продолжали улыбаться с фотографии любимые лица его жены и только начавшей ходить дочурки, которых теперь уже героически павшему офицеру никогда не суждено увидеть воочию. Предшествующая этому злополучному полету неделя была как никогда скорбной: погибло много вертолетчиков и спецназовцев с соседней «Чайки». На самой «Скобе» во время жуткого многочасового артобстрела от прямого тройного попадания снарядов в блиндаж пехоты заживо было погребено семь человек с лейтенантом-командиром во главе. Сидевший на куполе недалеко мечети снайпер наповал убил двух вертолетных техников. Но больше всего ожесточила сердца русских воинов позавчерашняя казнь-джихад трех офицеров и двух солдат с базы «Чайка» в местном перевозном дуكانе. Дерзкая, по-восточному изощренная «священная» казнь, от которой «воины Аллаха», видимо, получили полное наслаждение и утоление жажды смерти. Пятеро русских зашли в местную харчевню-магазинчик, предварительно договорившись с его хозяином о предстоящем визите. Они хотели сделать перед долгожданным отпуском необходимые покупки. Толкаясь в магазинчике и выбирая товар, офицеры не заметили надвигающуюся опасность. Слуга, по указанию хозяина, всем своим видом изображая несказанную радость, как это могут изобразить только на Востоке, предложил гостям чай. После того, как растроганные добродушным приемом ребята глотнули его, их сморил быстрый сон. Им, пришедшим в Афганистан «исполнять свой интернациональный долг», а вернее — защитить этого хозяина от бандитов и междоусобной войны, хладнокровно и методично вырезали сердца и на их место вложили вырванные глаза. Во вспоротые животы вставили отрезанные мужские достоинства, а руки и ноги сплели сзади веревкой. Получившиеся таким образом из человеческих тел круги разложили ночью у блокпоста «Чайки» на циновках, а сверху воткнули флаги из лент, на навершия которых водрузили головы мучеников. Сами душегубы бесследно исчезли вместе с дукащиком, его слугой и магазинчиком. Мерзкие их деяния в очах Божиих. Так поступают только трусы, повязывая собственный народ жертвенной кровью и устрашая противника ужасами возможной расправы. Но вызывающий горный ветер ненависти пожнет бурю возмездия, приходящую с русских равнин. Грозовой нервный комок, копившийся у наших ребят всю прошедшую неделю, когда последней каплей стало вероломное убийство пятерых человек с «Чайки», и разрядился вспышкой-молнией самосуда в тот проклятый

день. Говорится это не в оправдание, поскольку русский воин не ровня бандиту-душману, а в рассуждение о том, насколько разнится понимание воинского ремесла и воинской доблести у нас и на мусульманском Востоке: казнить без суда пленных в Российской Армии считается тяжким преступлением, а в «национально-освободительной армии Афганистана», как уважительно величали на Западе и в Америке своих выкорышей-бандитов, подобное убийство почиталось за героизм. В этом-то вся и разница: когда мы отходим от своих военно-исторических традиций и принципов христоролюбивого воинства, мы уподобляемся безбожным западным армиям, которых готовят умирать только во славу золотого тельца, мы звереем и оскотиниваемся до самосуда над пленными и предательства друзей и страны, когда появляются новоявленные обрезанные «мусульмане» из вологодских и новгородских, и рязанских деревень. Но когда мы вспоминаем о нашем русском православном Боге, возвращаемся к заветам предков, к традиционным нормам морали и нравственности, отходит от сердца злоба и ненависть, сребролюбие и трусость, и в нем водворяется смиренный христианский непобедимый покой воина, против которого никогда не выкуют, сколько бы ни старались, равноценного меча ни безбожный Запад, ни мусульманский Восток. Из наградной репортажа капитана Виктора Николаевича Николаева. "... В республике Афганистан с мая 1987 года. Летает на вертолетах МИ-8 в должности начальника поисково-десантной группы (ПДГ), выполняющей задачу: поиск и спасение терпящих бедствие и попавших в плен, поиск и уничтожение караванов оппозиционеров. Имеет общий налет 312 часов, выполнил 249 боевых вылетов, 19 разведывательных в провинциях Пактия, Пактика, Логар, Газни. 16 июня 1987 года выполнил боевую задачу по спасению экипажа самолета Су-25, сбитого оппозиционерами в районе населенного пункта Гардез. В момент боя с оппозиционерами, оцепившими район падения самолета, огнем автомата уничтожил двух оппозиционеров и одного ножом в рукопашном бою, который пытался воспользоваться паузой при смене Николаевым магазинов в автомате. Здесь же во время повторного вылета лично захватил в плен и доставил на вертолет еще двух оппозиционеров...»

Восток — дело тонкое, Витюха!

Взлетая в очередной раз по наводке разведчика, то есть афганца-душмана, завербованного нашей агентурой, Виктор смог воочию увидеть, как ведет себя восточная женщина, попавшая в мясорубку войны. Но сначала следует пояснить, что же собой представляли эти агенты в стане врага, которых имеет любая разведка мира. Эти наемники, принося немалую пользу, естественно, получали за свои услуги и соответствующее вознаграждение. Добытую информацию, в данном случае от ХАДа (что-то типа КГБ в афганском варианте), насколько было возможно, проверяли. Если полученные сведения оказывались достоверными процентов на девяносто, то агент получал часть оговоренной по контракту суммы. Если же донесение подтверждалось стопроцентно, то вне зависимости от того, как оно было использовано, наводчику выплачивали оставшуюся часть «честно заработанных денег». Утренний полет в режиме свободной охоты прошел удивительно спокойно. Полуденное испепеляющее солнце продолжало методично расплавлять боевую собранность экипажей. Сейчас вертушки стелились над кандагаркой. Через полчаса после взлета слева стали вырисовываться две «Тойоты» грузового типа, одна из которых горела. Высадившаяся группа, не добежав нескольких метров до чадающей машины, почувствовала страшную вонь, а из-под второй, увидев людей, выползли восемь грязных воющих женщин. За ними, цепляясь за длинные паранджи обеими ручонками, волоклись насмерть перепуганные ребятишки. Пока переводчик, успокаивая женщин, пытался их допросить, чтобы получить хоть какое-то объяснение случившемуся, спецназовцы оторвали борт машины и отпрянули. По всему кузову навалом были разбросаны около двадцати обезглавленных мужских трупов. Позже выяснилось, что таким образом свела счеты одна банда с другой. Отрезанные головы своих врагов бандиты бросили в кузов машины и подожгли ее. Женщин, на удивление, не тронули. Видимо, решили — не слишком ценный груз. Идти самостоятельно пешком женщины побоялись. И на это были причины... После начала войны в Афганистане даже некоторые вечные традиции дали трещину. Многочисленные минные поля, повсеместно разбросанные по стране так, что никто уже не мог точно определить их координаты, стали настоящим бедствием для жителей. На них гибли и калечились люди, животные. Это обстоятельство заставило мужчин-афганцев, правоверных воинов, искать способ, чтобы обезопасить себя. И они его нашли. Если обычно по восточной традиции мужчина, как глава семейства, шествовал впереди своих многочисленных домочадцев, семенящих сзади него, то, когда все чаще стали происходить произвольные подрывы на необозначенных минных полях, вековой способ передвижения пришлось изменить. Теперь вперед пустили женщин, причем старшая и любимая жены замыкали бабий строй. А возглавляла шествие, идя как миноискатель, самая нелюбимая из жен, за которую уплачен наименьший калым. — Виктор, что делать будем? — после «размазанной», наконец, ситуации нетерпеливо спросил Саша-переводчик. А пилоты уже повесили в небе ракету, что означало критический запас топлива. — Думайте, мужики, оперативней, через пять минут надо взлетать. Виктор кричит Саше: — Быстро посмотри по карте ближайший кишлак. Ткни дамам пальцем в его направлении и на борт. Но женщины с ревущими детьми вцепились в Сашку и волокутся за ним следом, не отпуская. Он пытается безуспешно вырваться из их объятий. Внезапно развеселившийся Виктор кричит отбивающемуся от женщин переводчику: — Эй, «Сухов», разбирайся быстрее, топливо на нуле. Даже в такой ситуации не терял русский солдат чувство юмора. А поскольку этот радиообмен командира группы с новоиспеченным «любимым мужем» слышали все, то в один голос посыпались восторженные советы: — Шурик, грузи гарем, только не тяни время! Смотри, Александр, Абдулла не простит. Но Сашка не внемлет братской подначке, закрывает гастроллирующий полевой ЗАГС очередь в воздух и запрыгивает в вертолет. Все. Идем домой. В салоне только одна повестка дня: сашкина «свадьба» и «развод». Он грызется от шуток, как может. А Виктор,

перебирая в памяти только что увиденное, думает о том, сколь многообразна и во многом непонятна нам жизнь других народов... Вдруг от страшного удара разлетается лобовое стекло вертолета. Через минуту, когда опомнились, все зашлись нервным дурацким смехом. Оказалось, в лоб «восьмерке» врезался огромный орел, который шел на встречно-пересекающихся курсах. Пробив стекло кабины вертолета, птица разбилась вдребезги, забрызгав кровью пилотов и салон. Все сидят в перьях и кусках от орла. А первый опомнившийся остряк уже кричит: — О, многостопочтенный Шурик-ага! Это Аллах тебя покарал за то, что бросил свой гарем на съедение шакалам... Все! Добили Шурика окончательно. Лето — время знойное и тем самым не очень приятное во многих южных странах. Афганистан же — место особое. Здесь как на Памире. За один день можно очутиться и в июльской жаре, и в ледяном зимнем холоде. Июль. Четыре тридцать утра. Рассвело. Поисково-десантную группу, поднятую по сигналу готовности «номер один», колотит крупная дрожь от ледяного дыхания высокогорья. Винты запущены. Виктор с пилотами ведущей пары вертолетов слушают последние наставления командира эскадрильи и начальника штаба разведки. Задачу предстоит решить очень сложную. Уточняется место поиска двух экипажей вертолетов Ми-24 из соседнего отряда, не вернувшихся вчера вечером с перелета с базы на базу при странных обстоятельствах. Окончательно определив точку поиска, экипажи взлетают. Почему их не удалось найти и спасти вчера? В горах темнеет рано и очень быстро. Если предположить, что вертолеты сбиты, то летчики, по всей вероятности, заползли в расщелину скалы и «Комар», их аварийная поисковая радиостанция наведения, замолчал. Искать летчиков в такой ситуации, в сумерках все равно, что иголку в стоге сена. Следует сказать, что к чести советского солдата за всю историю боевых действий в Афганистане не известно ни одного случая, когда бы товарищей не вызволили из беды. Старый русский воинский принцип: сам погибай, а товарища выручай, был свят. Горько было потом ребятам читать перестроенную ложь в русскоязычной прессе, где рассказывались «страшные» басни о том, как наши расстреливали своих же окруженцев с воздуха, чтобы те не попали в плен к «духам». Выполняя боевую задачу, любая группа была твердо уверена: живыми или мертвыми их вызволят из любой непредвиденной ситуации. Чего не скажешь о народной армии Афганистана, а тем более — о бандитах. У последних существовал вообще звериный порядок: если раненого не могли унести, его просто добивали. Надежда на то, что потерявшиеся экипажи целы, еще оставалась. Так считали на «Скобе». Но Господь судил иначе. Все стало ясно при входе в поисковое ущелье. Оно оказалось тупиковым и не имело сквозного прохода! Этого не могли знать погибшие летчики, как не знали за секунду до входа в ущелье и пилоты «Скобы», ибо на полетных картах эта особенность рельефа не была обозначена. Ребят-поисковиков, специально тренированных к нештатным ситуациям и налетавших не один час в труднейших условиях, крутанула тупая дрожь. Теперь им стала ясна картина случившегося вчерашним вечером. Быстро наплывающая темнота заставила пилотов изменить намеченный маршрут полета, что и привело их к гибели. Кого в том винить, топографов? Стандартной полетной карте было более тридцати лет. В боевых условиях в этом районе ею никто не пользовался. А в Афганистане сотни ущелий, о рельефе которых не знают даже местные жители. Ибо племена, кочующие по стране, оседают в знакомых местах на срок в зависимости от времени года. И снимаются по-цыгански стремительно, без предупреждения. Каждое кочевье живет само по себе, по своему вековому укладу, подчиняясь своим законам. Во главе каждого рода — старейшины, решающие все вопросы от того, где ставить шакр и до судебного приговора. В то время, когда в глухом ущелье разбились русские вертолетчики, по восточному афганскому календарю шел 1366-й год. Кочевники-афганцы, с которыми приходилось встречаться на разведывыходах, чаще и не знали, какая страна находится рядом и есть ли она вообще. Расстояние и направление до ближайшего кочевья, до стоянки чужого племени определялось перелетом стрелы правее-левее какой-нибудь снежной вершины и солнца. Где уж тут рассчитывать на подробную полетную карту, хотя от этого, конечно, нам не легче. От многих встреч с афганцами, жившими порой ниже дна нищеты, оставалась тяжесть на душе. Предельно трудолюбивые, отзывчивые дехкане вызвали такую жалость в сердце, что летающие иногда по знакомым маршрутам экипажи и спецназ сбрасывали им оставшиеся поношенные, но крепкие вещи, а, по возможности, лекарства и продукты. Живущие недалеко от военных городков крестьяне бывало подводили к контрольно-пропускным пунктам своих детей (чаще девочек) и униженно молили взять их хотя бы на короткое время в рабство в обмен на продукты. Но к чести русского солдата, можно уверенно сказать, не известно ни одного случая, чтобы подобные предложения принимались. ...Сделав печальное открытие о тупике в ущелье, летчики ведущей группы загустили эфир крепким русским словом. Их состояние можно понять. Ибо даже коридор пролета в этом ущелье был настолько узок, что идти по нему можно было только в одну сторону предельно осторожно без резкого крутого крена. Извилистое ущелье растянулось всего на три километра. И тупик, внезапно выплывающий с солнечной стороны, не оставлял тяжелым Ми-24 ни малейшего шанса на скорый спасительный набор высоты. Удар о скалу шедших парой машин был мгновенным и страшным. Они обрушились, посыпались, как говорят пилоты, с высоты около пятидесяти метров. Летчики даже не успели сделать попытки покинуть борт с парашютом. Сегодня идущих впереди поисковых Ми-8 со «Скобы» спасла только легкость машин и мгновенная реакция летчиков. Борты круто рванули вверх и ушли от лобового удара. Шедшие следом в кильватере тяжелые Ми-24 вовремя сориентировались и также удачно перемахнули через вершину скалы. Затем, встав в круг, они начали прикрывать высадку поисковой группы. Десантироваться с ходу не получилось — не позволяла величина посадочной площадки. Решили поступить по-другому: «восьмерка», зацепившись левой стойкой шасси за скалу, дала возможность спасателям рвануть вниз по тросам, с воем и замиранием сердца, туда, где едва различимыми в бездонной сумеречной глубине крестообразно лежали потерянные Ми-24. Война есть война. И хотя на ней привыкаешь к смерти и виду крови, к гибели знакомых и друзей привыкнуть невозможно. Вертолеты, вернее то, что от них осталось, лежали друг на друге хаотической грудой металла. Чтобы достать летчиков, поисковики стали

разволакивать обломки. Один экипаж извлекли без труда. Вид у мертвых летчиков был такой, будто они спят. Второй же экипаж вытаскивали, по частям разрезая трупы. Голова командира висела на ниточке-жилке. И, прости Господи, чтобы доставить тело на борт, голову пришлось отделить. При подходе к дому перепились, как свиньи. Плакали на борту все, размазывая слезы и сопли кулаком. Ночью ребят в цинках отправили домой — хоть могилка будет, где поплачут родные. На четыре кровати в модуле стало меньше и на двадцать литров похоронного спирта тоже. Прав был тот сменщик на кабульской пересылке: самое страшное — везти домой друзей. Страшно смотреть в глаза отцу, матери, жене, детям. Что им ответить на немой вопрос: «Что же ты, сынок, не помог уберечься нашей кровиночке? Что же ты, сынок?..» А повисшая без сознания на чужих руках жена? А маленький сынок, с любопытством рассматривающий мертвого папу и с интересом играющий его наградами? Страшно, не дай Бог! Караваны, караваны... Досмотры, контроли, проверки, стрельба. И так изо дня в день. Отупели, огрубели ребята, и только сердце осталось таким же, и взгляд устремлен по-прежнему в одну сторону — на Север, туда, где ждал русского солдата родимый дом. О подходе очередной бандгруппы стало известно заранее и «Скобе», и «Чайке». Ребята из «Чайки» группой в десять человек во главе с крепким командиром Гелой из Рустави, ушли на захват банды, состоящей из сорока пяти душманов. Лихие ребята! Через два дня после выполнения задания спасатели «Скобы» должны были забрать их со скалы в пятидесяти минутах полета. Спланировали операцию спецназовцы толково, грамотно, но в бою всего не учесть. О ночном выходе спецгруппы банде донес кто-то из местных. Видимо, одновременный выход ложной группы был подозрительно громче обычного, что и насторожило душманского информатора. Обычно такой отвлекающий внимание ложный шумный выход использовали десантные батальоны, когда проводили особо сложные операции. Нередко к такой незамысловатой, но эффективной военной хитрости прибегали и вертолетчики. Под шумок опытный Гела с навьюченным, как верблюды, отрядом тихо исчез в черноте дождливой ночи. Автоматы и гранатометы обмотали фланелью, ею же переложили патроны и гранаты. Надели фланелевые «намордники» и на каждого из орлов руставского Гелы. Эти девятнадцатилетние ребята умели ходить на загляденье профессионально, будто их мама в каске родила — шаг в шаг, след в след, вздох в вздох. И так порой они проходили до двадцати километров за ночь по горам и пустыням. С закрытым ртом на всем пути — все просьбы о помощи и команды показывались на пальцах. Один еле слышный щелчок впереди идущего, и каждый, садясь, клал ноги на плечи впереди сидящего: за пять минут кровь отливала от стоп, и усталости как не бывало. Два щелчка — сближались с впереди идущим и делали по три-четыре бережных глотка воды из шланга четырехлитрового резинового пакистанского баллона, уютно расположенного по всей спине. Кстати, у этого баллона имелись еще и небольшие оригинальные пупырышки, массирующие спину при движении. Из продуктов, кроме воды, они брали с собой выдаваемую только на время боевых операций сгущенку, спирт и галеты. Остальное считалось излишеством. Курить строго запрещалось, точно так же, как недопустимо было даже вскрикивать во время шального ранения. Итак, Гела должен был перехватить банду к вечеру, навязать ей бой и захлопнуть капкан, вызвав на подмогу группу захвата на вертушках. Выйдя с наступающим рассветом в планируемую точку, группа «заполнялась» для многочасовой и, возможно, многодневной «лежки». То есть быстро, как кроты, зарывалась в землю, песок, закрывалась валунами. Теперь их не видел никто, они же контролировали все. Но, к сожалению, слишком шумная «ложь», выполненная «шайтан-арбой» — гусеничным четырехствольным танком при выходе, насторожила «духов», поднаторевших за годы войны в слежке за нашими войсками и имевших повсюду своих доносчиков. Гелу крепко зажали в горах. Он передал по радиации: трое убитых, все ранены, в их числе двое «двухсотых», то есть тяжело раненых. Боезапаса осталось на сутки экономного боя, плюс по четыре гранаты у каждого и две на всех для самоподрыва. Оборону заняли в пещере. К Геле на выручку взлетели в восемь утра. Через двадцать две минуты были в районе поиска. Еще несколько минут понадобилось, чтобы разобраться в ситуации. Далее действовали по отработанной старой схеме. «Двадцатьчетверки» ракетами прикрыли высадку, и группа Виктора со всем необходимым, обдираясь о скалы и лаясь, поползла к десанникам. А «духи», сообразительные матерые «духи», не сделали ни одного выстрела. Затаились, превратились в камни, дали прибывшим захлопнуться в каменном мешке. Когда, высадив группу, «восьмерки» взлетели, чтобы встать в зону ожидания, они быстро стали похожими на решето — «духи» заявили о своем присутствии из всех видов оружия. Раненые левый летчик и борттехник одного из вертолетов все же успели отвести машину на безопасное место. Когда глаза «гостей» привыкли к темноте, их взорам предстала удручающая картина. Двое прокопченных от боев и грязи десантников дежурят на входе с пулеметом. Остальные лежат вповалку на камнях. Уже четверо убитых бережно уложены в углу. Двое пленных «духов», захваченных во время короткого дерзкого выхода, туго скрученные ремнями спина к спине, с чмоканием сосут камни. Ребята быстро просчитывают ситуацию. Всего их, живых, девять. В том числе трое тяжело раненых, остальные — легко. Они трое суток без воды: пьют собственную мочу и пленных поят тем же. Из питания только смоченные в моче камешки да роса, выпадающая на камни по утрам. Оставшиеся две банки сгущенки и три литра воды — для «двухсотых», которым постоянно протирают губы смоченным в воде грязным бинтом. Для дезинфекции ран прямо в пораженные участки каплями льют спирт. К тому же есть в запасе, как лечебно-питательная подмога, граммов двести «плана» — анаши, вперемежку с опиумом и еще какой-то местной удивительно целебной и питательной травкой. Эту порошковую массу носят у себя на груди в кожаных мешочках все «духи». И пользуются ею в случае голода, царапин, ран, ушибов. Подобными препаратами народной медицины пользовались и спецназовцы. Сейчас эту смесь также разделили на всех, большую часть отдав раненым. Первое, что услышал Виктор, был чей-то голос, доносившийся, как из колодца: — Господи, мужики! Как же вас было долго ждать!... Прибывшие молча и быстро, но без суеты приступили к оказанию первой помощи. Гена сразу ложится за пулемет на входе, Виктор начинает перевязывать раненых, Саша — допрашивать пленных.

Детально уяснив обстановку, поделили патроны, укрепили оборону, успокоили и усыпили тяжелых «двухсотых» уколами промедола и двумя-тремя таблетками фенобарбитала. Ночь стремительно, как вертолет на взлете, набирает обороты, и становится ясно, что вернувшиеся с дозаправки «вертушки» вновь уйдут домой пустыми, ибо «духи», оцепившие пещеру плотным кольцом, не дадут ни сесть бортам, ни выйти пленникам. Включив рацию, договорились со «Скобой», что ночуют на «даче», своих ждут утром. Но их не было ни утром, ни вечером, ни в течение следующих суток. Пыльная буря, поднявшаяся на высоте трех тысяч метров, внесла свои коррективы. До сих пор в плену скалы было шесть человек, стало — девять. После того, как помогли раненым, обратили внимание на «духов». Хоть это враг, противник, но все же люди — наши пленники. А значит, попали под нашу ответственность и имеют право на человеческое отношение, конечно, какое возможно в данных условиях. Потом оттащили их еще глубже в пещеру и коротко, по-русски, предупредили, что ждет их в случае неповиновения. Стрелки летных часов показывают ноль-ноль часов — время выхода на связь. Но на сей раз связаться с базой не удалось: то ли рация очень глубоко в скале, то ли ее где-то сильно грохнули, поэтому радиосигнал не проходит. Увлечшись помощью раненым, десантники дали «духам» возможность ближе подтянуться к пещере. Теперь их от спецназа отделяло метров двадцать — двадцать пять. Противники не сводят друг с друга глаз. «Духи» прекрасно поняли, что положение наших ребят аховое и стали вести себя чересчур свободно. В пещеру постоянно летят камни и отчетливо слышен разговор. — Обсуждают, как лучше нас отсюда выкурить, — шепчет переводчик из отряда Гелы. Вдруг он прикрыл рот ладонью. Глаза заблестели, как от хорошего известия. — Что? — шепотом спросил Виктор. В подставленное ухо переводчик прошептал: — Витек, нам, кажется, крупно повезло. К оживленной паре подполз Гела. — Мужики, — продолжал переводчик, — мы держим в плену важную птицу. Один из этих двух — сын главаря банды. За его спасение и наши головы обещают кучу денег. — Т-а-а-к! Вот тебе и повороты судьбы. Получается теперь эти два пленных «душка» охраняют нас?!.. Давай быстро менять ребят, — уже не особенно приглушая голос оживился Виктор. — Гела, ты со своими усиль охрану внутри, а я лягу с Геней и Андреем у входа. Все немного засуетились, так как из-за узости прохода более двух человек в горловине поместиться не могут. Часовые меняться стали через каждые полчаса. Вдруг послышался ясный голос на хорошем русском языке: — Эй, вонючие свиньи! Проклятые дети Ленина, сдавайтесь! — хихикая и не особенно прячась, стал кричать явно обкурившийся анашой душман, подполз на опасное для себя расстояние к пещере. Вскоре, забыв от избытка «кайфа» об опасности, рядом со знатоком русского языка показалось еще несколько душманов. Совсем рядом стало слышно дурацкое хихиканье, переросшее в нервное неестественное веселие, симптом наркотического действия индийской конопли. — Все ясно, — прошептал Гела, — обкурились под самую завязку. Три чалмы, мелькнувшие совсем близко, вынудили спецназовцев быстро и единственно правильно ответить: весельчаков срезали тремя одиночными автоматными выстрелами, затратив три патрона, ибо боевая экономика в отличие от гражданской тогда действительно была экономной. В ситуациях, подобно этой, спецгруппы обычно стреляли одиночными, чтобы точно поразить цель и сберечь патроны. Заткнувшись на миг оставшиеся в живых «духи» жутким воем разорвали ночь. Визжали минут двадцать. Но!... Ответной пальбы по русским не последовало. Видимо, боялись беспорядочным огнем задеть своих. Уже почти двое суток длилась осада горной спецназовской «крепости». Умер один «двухсотый». Был ранен в плечо Геннадий. Виктора основательно контузило осколком камня, отсеченного «духовской» пулей. Только на рассвете третьих суток погодные условия позволили подойти группам «Скобы» и «Чайки» к пещере. Да и то с определенным риском при видимости не более трехсот метров. Ребят отбивали зло и трудно. Прямым попаданием из гранатомета в голову был убит еще один спецназовец. Близко разорвавшейся гранатой так сильно контузило Сашу, что в течение месяца после боя он заикался и говорил только нараспев. Забросав на первые подвернувшиеся борта своих и чужих, понеслись домой на «Скобу». Приземлившись, вывалились из вертолета на ставший вдруг таким родным песок. Долго, по-чумному, совершенно осоловело пялились на сбежавшихся гарнизонных мужиков, которые в свою очередь окружили и рассматривали их, измученных и истрепанных до лохмотьев. Потом молча стали растаскивать привезенных. Раненых в санчасть, «ноль-двадцать-первых» бережно перенесли в специальную комнату для подготовки в последний путь на родину. Пленных «духов» отволокли в афганскую контрразведку. Отправив навсегда отвоёвавшихся ребят на «тюльпане» в Кабул, пили всю ночь. Помянули погибших. Пили за родной дом, за победу... Потом парились в бане и снова пили, уже молча и остервенело, а под утро следующего дня рухнули от усталости и изнеможения, как подкошенные...

Батя Блаженко и его «бачата»

К вечеру после пропарки Виктору стало трудно глотать. Температура поднялась до тридцати девяти и шести. — Д-д-о-о-о-п-парился, В-витек, — тускло светя хмельными глазами, пропел Сашка-заика. Он сидел на кровати напротив и рискованно болтал дефицитным градусником. Вкусно, до хруста в челюстях, зевнув, он подытожил: — Надо лететь на «Чайку» к батю Блаженко, к его Аркаше, пока не поздно. Они враз тебя на ноги поставят. Есть у них заветное снадобье и специальные навыки лечения таких, как ты, которые после шестого стакана спорят, кто кого в колодце пересидит. На первом попавшемся бронетранспортере Виктор рванул на «Чайку». Э-эх, батя Блаженко! Батяня-комбат. Ты — мужик-легенда. Дважды несостоявшийся Герой Советского Союза. Потому что, как сказали в Москве, читая твое наградное представление: «Такого не бывает, во-первых; а во-вторых, на Героя по срокам не подходит...» Умный, толковый, все понимающий окопный «отец». Да, ты один из немногих старших офицеров в Афгане, кто подавал котелок поварам последним, а минное поле шупал своими истоптанными кроссовками первым. За тобой шли твои подчиненные, построенные в узаконенный тобой ранжир по боевому мастерству и количеству

разведывающих, замыкали же смертельный строй новички. И в этом была своя, отличная от душманской, логика. Молодые бойцы не имели сурового опыта войны, чтобы мгновенно распознать, скажем, «итальянку» — мину-ловушку итальянского производства, наступив на которую жизнь приходилось считать на доли секунды. Если наступивший успевал сообразить, в какую ловушку он попал, и намертво припечатывал ногу к поверхности мины, то оставался жив. Убрал — и даже «цинк» родителям вскрывать не разрешали, так как смотреть там было не на что. Ты, батя, поставил достойный памятник своим ста восьмидесяти девяти «бачатам», сложившим за два года твоего командования батальоном свои молодые головы на афганской земле от Кабула до Кандагара. Хотя и велик этот скорбный список потерь, но они уменьшились в три раза по сравнению с твоими предшественниками. При том, что воевал батальон и чаще, и лучше. А памятник погибшим, не мудрствуя лукаво, изваяли из невесть откуда завезенного мрамора. Каменную фигуру солдата обрядили в настоящее боевое снаряжение, на пояс повесили шесть боевых гранат с чекой и через плечо перекинули ручной пулемет Калашникова. Посмертный список славы открывали два героя, спасших ценой собственной жизни почти целую роту в одном смертельно-тяжелом разведывающем. Тогда бандит Хоттаб родом из Таджикистана взял в заложники целый кишлак. Ночью к батю приползли два истощенных до последней степени дехканина с мольбой о помощи. В их еле слышном шепоте переводчик только и смог разобрать: «Во имя детей и Аллаха!...» Бойцы «Чайки» жестоко наказали наркомана Хоттаба, вырвав кишлак из лап уголовника. Зажатая в тиски четырьмя штурмовыми отделениями «Чайки» в маленькой глинобитной деревеньке, бандгруппа яростно огрызалась в течение трех часов. Бой, превратившийся в поножовщину за каждый дувал, окно, крышу, постепенно сжимался к центру кишлака, дав возможность добраться до Хоттаба. Главарь, прикрываясь щитом из женщин с детьми, скалясь и воя «элляя-бисмалляя», стал выбрасывать в сторону спецназа по одному ребенку с отрезанной головой. Протаранив задом БТРа самую близкую к бандитам стену, из люка машины выскочили два командира штурмовиков. Хоттаба искромсали ножами, как в мясорубке. Тех бандитов, кто успел упасть на землю, сдаваясь в плен, оставили в живых, остальных — вынесли на штыках. Одно пытавшегося сбежать хоттабовца долго и молчаливо гнали бэтээром. А когда, наконец, обезсиленный «дух» рухнул на землю, его «заасфальтировали» колесами машины. Под одиноким деревом выли женщины, рвали на себе волосы в скорби по своим малолетним детям. В этом бою смертники из охраны Хоттаба сожгли себя напалмом вместе с местными ребятами и двумя русскими офицерами. Позже на обелиске у штаба «Чайки» засветились имена этих старших лейтенантов из Сибири и Псковщины, получивших за тот бой звание Героя. Посмертно.

Уникальная врачебная методика

Добравшись до «Чайки» уже глубокой ночью, Виктор почти на ощупь пробирался по длинному коридору жилого модуля. Единственная светившаяся лампочка-сиротка у входа в сортир подсказывала путь к Аркашиной комнате. Аркадий, заместитель командира батальона по всем мыслимым и немыслимым вопросам, в момент визита больного «ремесленничал». Стоя одной ногой на табуретке, он что-то пилил, вода рывками вверх-вниз тупую ножовку и поминутно ее кляня. — Что творишь, Аркаша? — просипел Виктор. — Не видишь разве? — будто минуту назад расстались откликнулся он. Аркаша из черепахи делал пепельницу. — Витек, присядь, где сможешь, сейчас доделаю посудину для «бычков» и займусь тобой. Мне уже сообщили по спецсвязи ваши мужики, что ты скоро говорить перестанешь. Все! — Довольно произнес «мастер». — Ох, и крепкая у этой твари кора. Минут двадцать пилить надо, пока распилить. Местные черепахи пользовались особым спросом у бойцов ограниченного контингента. Из них делались плошки, экзотические пепельницы и симпатичную лакированную посуду. Этим и занимался сейчас Аркаша, выковыривая остатки нутра штык-ножом из отпиленной половины несчастного животного. — Ситуация ясна, — хирургически важно произнес Аркадий, покончивший с черепахой и с помощью фонарика изучивший затем ротовую полость пациента. — Надо поднимать Игорька, одному не обойтись. Анестезиолог батальона Игорь, двадцатичетырехлетний старший лейтенант, был известен своей безотказностью, врачебным мастерством и платонической любовью к сорокавосемилетней жене представителя советского посольства в областном центре. В связи с тем, что сегодня Игорек был в стельку пьян, «скальпель» — прокаленный зажигалкой и протертый спиртом, чтобы не занести инфекцию, ритуальный кинжал взял в руки Аркаша. Еле ворочающий языком безотказный Игорек ассистировал ему, неудачно подсвечивая фонариком. — Рот-то разинь пошире и не дергайся! — вошел в раж Аркаша. — Игорек, держи ему голову! И-я-я-х! Виктор почувствовал, как что-то во рту хрустнуло, лопнуло и моментально стало легче. Слегка протрезвевший Игорек произнес мудреную медицинскую фразу, выражающую, видимо, диагноз пациента. — А теперь все сплунь и выпей вот это. От «вот этого», выпитого залпом, стали видны необъятные российские просторы и салют победы над ненавистным врагом. — Ху-у-у... — минуту спустя, вытирая густую слезу, уже внятно выдохнул Виктор. — Предупреждать надо, хирурги! — Тебя предупреди — эффекта не будет и цена лечения приблизится к нулю, — тоном ректора мединститута изрек Аркадий. — Ладно, не скули. Девяностошести процентный спирт еще никого на тот свет не отправил, а пользу получили от него ощутимую, — продолжал лекцию эскулап. — Через полчаса идет почтовый борт на «Скобу», — сказал Игорь. — Мы сейчас тебя проводим и посадим, а то сам не дойдешь. Виктора быстро и жарко развезло. Появилось желание до «почтовика» дотанцевать вприсядку. Выйдя на улицу, едва не наступили на огромного флегматичного лейтенанта, дежурного по части, который левой рукой помешивал прекрепкий чай, а правой, почти не целясь, отстреливал черепах из снайперской винтовки с глушителем. Их неторопливо с интервалом в один метр выставлял новичок-бача, вытаскивая из коробки, в которой предусмотрительно заготовленные еще днем «мишени» лежали горкой. — А что ты думал? — спросил Аркаша. — Две пользы одновременно: и гарнизон очищается и в

навыках стрельбы совершенствуешься. Через два дня вся «Скоба» с восторгом палила по черепахам из всех видов стрелкового оружия. Причем, за девять попаданий из десяти победителю причиталась банка пива из городского дукана, купленная на деньги из общей казны спорщиков. И то дело. Особенно, если горло не болит и пиво можно пить холодненьким. И снова полеты. И днем и ночью. И снова разведываходы. Для кого они выходы и возвращения, а для кого — уходы в вечность. Пятнадцать часов тридцать минут. Две «восьмерки» и две «двадцатьчетверки», болтаясь в кильватерном строю, стелются над землей. Идут в сторону дома. Жуткий зной, от которого нет спасения даже на скорости двести километров в час при всех открытых блистерах. Горячий плотный ветер топчется по разморенному телу, как хочет. Вдруг борттехник показывает пальцем чуть правее. Точка обнаружения, стремительно надвигаясь, превращается в странный холмик с несколькими шестами и лентами на них. Четверка вертушек в тридцатиградусном крене пронесется над ними и заходит левым разворотом на второй круг для посадки. На душе какое-то смутное нехорошее предчувствие. Высадившаяся группа «Чайки» из десяти человек кольцом прикрыла тройку Виктора, которая, петляя, бежит к привлечшему внимание месту. В жизни есть случаи, остающиеся в памяти навсегда. То, что увидели десантники, было из этого разряда, так называемых «ужасов войны». На песке, под воткнутыми шестами-флагами, лежал полузасыпанный песком человек. Он, вернее, то, что осталось от человека, на языке «духов» называлось «красным тюльпаном». Это адское блюдо готовилось только из пленных советских солдат. Отрезанная голова, с вырезанной звездочкой на лбу, была привязана между ног. Кожа, нарезанная полосками по всему телу, завязана венчиком там, где была голова. Этот дурно пахнущий, перемешанный с песком мясной ком десантники, плохо понимая, что делается, отнесли на борт. Все полетное время, тридцать восемь минут, он, лежал между спецназовскими ногами на полу рядом со своей головой. И в памяти Виктора он до сих пор лежит там, в вертолете, как и лежал в тот проклятый Богом день. Все смотрели только на него, боясь взглянуть друг другу в глаза. Как выяснилось позже, погибшего звали Михаилом и родом он был с Вологодчины. В плен попал в безсознательном состоянии около месяца назад, когда шел замыкающим одной из маленьких колонн. Его долго искали, используя все разведывательные каналы. Он был старшим лейтенантом, командиром взвода, и свою маленькую колонну сохранил. Хоть и потрепанная, до цели она дошла. Себя — не уберег. Ночью пришел «почтовик». Если одну из маленьких радостей войны — баню можно хоть приблизительно ожидать, то письмо из дому — это вечно ожидаемая и всегда непредсказуемая радость. Сначала письмо, проделавшее путь в тысячи километров, но все же сохранившее запах семьи и отчего дома, благоговейно обнюхивается, потом внимательно рассматривается, и наконец — медленно, со сладостным сердечным замиранием вскрывается, Перечитывается эта весточка по многу раз, и каждый раз — как первый. Письмо заговорит с солдатом то голосом жены, бережно хранящей ранимую душу своего далекого мужа, то мурлыканьем только что самостоятельно пошедшей дочурки, то наставлениями отца и матери, и все эти родные голоса сливаются в один: «Береги себя, любимый. Береги.»

Жених и невеста

За стеной полчаса назад удалось усыпить снотворным молодого штурмана — лейтенанта Леху. У него на кабульской вертушке-«почтовике» не вернулась на «Скобу» будущая жена — миловидная, скромная, всегда улыбочивая и краснеющая медсестра Таня. Узнавшего об этом Леху, внешне всегда спокойного спортивного сложения мужика, забила многочасовая эпилепсия. «Почтовик» исчез при заходе на посадку на базу «Пучок» в районе пика Мучкель с высотной отметкой 3.558. Связь с бортом прекратилась в два часа за пятнадцать минут до посадочного времени. Ведомый экипаж ничего вразумительного доложить не смог. В поисках «почтовика» барражировали восемь бортов: четыре со «Скобы» и четыре с «Пучка». Общее мнение поисковиков пока было уклончивым: сбился с курса. А что произошло на самом деле — покажут «черные ящики», если их найдут, конечно. Несмотря на относительно теплую осень, величественный, вечно снежный Мучкель цепко хранил зловещую тайну не одного уже канувшего в вечность борта. Его блистающие надменные отвесные склоны насмешливо встречали любого желающего покопаться в пещерных сундуках. Седые, клочкастые, стремительно идущие тучные облака не спускали насурмленных подозрительных взоров ни с одного из непрошенных гостей. Сектор поиска разделили по квадратам. «Скоба» просматривала свой район по спирали снизу вверх. Шел пятый час безрезультатного поиска. Чем выше поднимались газнийцы, тем меньше становилась видимость. Виктор, прилипнув лбом к носовому блистеру, старался не пропустить ни один подозрительный холм. Потерянную «вертушку» первыми нашли ребята, из «Пучка». Они дали координаты: шесть, квадрат по улитке двойка, и ушли на дозаправку. Взлетев третий раз, четверка вертолетов «Скобы» через десять минут вышла в точку гибели «восьмерки». Да, ребята действительно сбились с курса, причем сбились грубо и странно. Но в тот момент строить догадки времени не было. Вертолет выглядел из обледенелого сугроба обломанным хвостом. Лопастей не видно. До места остановки по снегу тянулся рвнейший черный след длиной метров двести. Поисковики посадкой решили не рисковать. Четверо из поисково-десантной группы высадились на тросах. Калашниковы оста лись на борту, из оружия взяли только пистолеты, так как «духов» не ожидали. С собой прихватили ломы и лопаты. Зависшая «вертушка» терпеливо дребезжала на высоте пятнадцати метров, чуть в стороне. Остальные встали в круг. Виктор, попеременно с ребятами, размашисто долбили лобовое стекло упавшего вертолета. После того, как раскопали глубоко влезшую в снег носовую часть, удалось втиснуться в кабину. Экипаж задохнулся, находясь, видимо, в безсознательном состоянии, так как лица не были разодраны ногтями, что обычно происходит в таких случаях. Положение тел подтверждало догадку. У всех вертолетчиков были характерные кровавые заливки лица, как при разовом ударе.

Выкатившиеся глаза и вывалившиеся синие языки сделали экипаж близнецами. Пилотов выволакивали минут десять, затем еще минут пять по-шахтерски прорубались в салон. Таня сидела, припечатавшись спиной к пилотской кабине, со сплюсненной головой, разможенной ящиками с боеприпасами. Из спины, раздрав офицерский бушлат, торчала расщепленная доска от одного из ящиков. У ее ног скрючился задавленный тем же грузом еще один пассажир. Остальные, всего их было шестеро, также задохнулись. Но двое, какое-то время остававшиеся в живых, пытались выбраться через боковой люк. Драка между ними за то, кому быть первым, шла насмерть. Они задушили друг друга: один, схватив конкурента обеими руками за горло, другой, — засунув руку сопернику по локоть в рот. Через сорок минут, собрав «ноль двадцать первых» — погибших, спасатели сожгли разбившийся борт нурсами (неуправляемыми реактивными снарядами), сделали прощальный круг и, качнув крылом, ушли. Таню Леха увез в Союз сам. По дороге, во время доставки, он ревниво и нехотя подпускал к гробу других людей, пытавшихся оказать ему помощь. Дома на похоронах Леха позволил попрощаться с Таней только матери. Сам с любовью украсил скромную могилу. Обратно на «Скобу» Леха больше не вернулся.

«Черные Аисты»

Осень. Высокогорную Газнийскую вертолетную площадку вторые сутки облизывали ленивые рваные тучи. Время от времени они ненадолго, но густо поливали ледяным дождем людей и строения. Песчаная земля, быстро впитывающая влагу, ощутимо студила ноги в постоянно сырой обуви. Было хмуро, неудобно, постыло и на небе, и на душе. Только жарко натопленная по-русски баня, только раскаленная парная, набитая под потолок служивыми, приносила облегчение израненным душам и телам воинов. Сквозь глухой из-за пара неумолкающий ни на секунду банный гам раздался зычный голос посыльного из штаба. С непривычки едва выдерживая тяжелый мокрый жар парилки, он согнулся к полу в три погибели и отчетливо прокричал: — Командирам отрядов и поисково-десантной группе срочно прибыть к командиру эскадрильи. — Ну, ни раньше, ни позже!.. Ворча под нос и переругиваясь между собой недопарившиеся мужики на ощупь выползали в предбанник. В штабе сидели трое представителей афганской контрразведки ХАД. Двое из них были афганцами, а третий — русский советник и заодно переводчик, молодой, неуклюжий, с непропорционально длинными руками и ногами. Пожилой афганец с трудом подбирая выражения рассказывал о чем-то важном и при том для наглядности показывал оперативные фотографии. Русский переводчик еле успевал за ним из-за невнятного произношения старого вояки. По мере возрастания профессионального любопытства, офицеры все ближе подвигались к карте, полушепотом обмениваясь мнениями. Сведения, ради которых вертолетчиков вырвали из парилки, стоили бани, как Париж — мессы. Разговор шел об известной группе афганских бандформирований под названием «Черные аисты». Эти самые «аисты» в середине лета оказались в зоне ответственности «Скобы» и «Чайки». К осени они уже крепко осели в шестидесяти километрах южнее «Скобы» в почти неприступных горах Хайркота. Костяк группы составляли смертники, физически великолепно подготовленные и обладавшие профессиональной разведывучкой. Девизом отряда были слова: «Смерть неверным во славу Аллаха!» В завершение рассказа хадовцы попросили вертолетчиков не позднее завтрашнего дня встретиться с представителями «Чайки» для разработки совместной молниеносной операции. Предстояло выбить противника с места постоянной дислокации, нанести ему возможно больший урон и, если удастся, захватить главарей. — Надо отметить, — от себя добавил переводчик, — что командиры группы сами смертниками не являются. Они из богатых семей. Их родители постоянно проживают в США. Лагерь для подготовки «аистов» создан ими на свои деньги в Пакистане в пяти километрах от афганской границы в районе Джелалабада. Сейчас в группе находятся два американских специалиста по Вооруженным Силам СССР, закончившие в начале семидесятых МГУ и Плехановский институт на круглые пятерки. Смертников набирали из бедняков Газнийской и Туркменской провинций. Вот теперь и думайте, что нужно предпринять для уничтожения бандформирования. Операцию по ликвидации «аистов» желательно провести за одни сутки. Сделав паузу, он обвел взглядом слушателей. — Да... Вот еще... Переводчик заглянул в свой блокнот. — У этих ребят имеется мощнейшая радиостанция слежения. Во время операции не используйте привычные каналы радиообмена. Через два часа в штабе эскадрильи сидели практически все из представителей «Скобы» и «Чайки», кто был отобран для выполнения предстоящего задания. Два ряда столов занимали ребята бати Блаженко, который придирчиво слушал каждую мелочь предполагаемого, наиболее удачного, как казалось рассказчику, варианта операции. Карту закончили двигать примерно к пяти утра, после чего еще часа два курили. Под утро батя с ребятами на бэтэрах ушел в туманной пыли на свою базу для подготовки операции. Разошлись и вертолетчики. Время «Ч» должно было наступить через сорок восемь часов после приказа из Кабула. Днем получили «добро» на планируемую операцию лично от командарма, в просторечии — «первого». Почти двое суток прошли в обычной подготовке — проверяли технику, снаряжение, писали домой. Каждый писал по два письма — одно посмертное, прощальное, на случай гибели, другое — обычное, потому что после операции на эпистолярное творчество сил не было. Перед самым вылетом, по старинному солдатскому обычаю, одевались во все чистое... — Он сказал: «Поехали!» — и махнул рукой, — промычал под нос Гена Хлебник из группы Виктора, щелкнув вычищенным затвором своего преданного «Калашникова». — Пять, четыре, три, два, один, ноль... Запуск! Группа Радаева-Евдокимова, имеющая за плечами двухлетний опыт афганской бойни, подхватила двадцать мастеров-спецназовцев и унеслась в сторону Хайркота. Начался боевой отсчет времени. Время «Ч» сказалось и на погоде. «Вертушки» унеслись в одну сторону, тучи — в другую. И только «белое солнце пустыни» безпристрастно следило за развивающимися событиями. На базе весь задействованный в операции народ привычно и молча занял боевые позиции. Свободные от задания офицеры и

солдаты душой и сердцем были с теми, кому предстояло несколько часов спустя узнать: живу быть или голову сложить. В готовности номер один на ноль-одиннадцатом борту по радиообмену следил за ходом событий казах Коля Майданов. Он не знал еще в тот момент, что вместе со своими ребятами спасет двадцать две жизни воинов «Скобы» и «Чайки». За проявленные мужество и отвагу ему присвоят звание Героя Советского Союза. Два года назад он уже выдержал достойно смертельный экзамен войны: эвакуировал со скалы высотой три тысячи пятьсот метров бойцов правительственной армии, блокированных там со всех сторон мятежниками. Правда, для этого пришлось облегчить борт до такой степени, что с вертолета сняли все навесное оборудование и даже двери. Другой раз в пустыне Регистан Коля спас от смерти около сотни кочевников-белуджей во время бушевавшего песчаного смерча. Летное мастерство Майданова было столь высоко, что ему одному из немногих пилотов разрешали поиск бандформирований в режиме «свободной охоты», то есть без согласования с командованием авиационной части. Летать с ним пилоты почитали за честь. Да и «духи» почитали бы за счастье знать маршруты его полетов: за Колину голову назначили премию в миллион «афгани» наличными, о чем свидетельствовали красочные объявления, разбросанные по Газни. ...На пятьдесят шестой минуте после старта первой группы из командного пункта руководителя полетами выскочил командир эскадрильи и, забыв, что в руках у него микрофон и можно отдать приказ по связи, он стал орать до хрипоты: — Поисково-десантной группе взлет! Но еще до этого мгновения Майданов и все, кто был на борту, знали, что сейчас будет команда, ибо сами слушали радиообмен. Они поняли, что «там» случилось самое неприятное: неожиданно с группой Радаева-Евдокимова была потеряна связь. Минимум, отчего так могло произойти, — их подбили. Чего больше всего боялись, то и случилось. В момент подлета к зоне контроля оба борта, как говорят пилоты, «поймали» по «Стингеру» одновременно. Военной выучки «Черным аистам» было не занимать. Ведущий группы — Алексей Радаев сумел хоть и грубо, но посадить вертолет, пропахав брюхом около тридцати метров. Следом за ним по свежевыврытой траншее, завалившись на бок, чуть ли не хвостом вперед, бороздил землю Саша Евдокимов. Тормозной путь машин, густо дымящих и фонтанирующих кипящим маслом из пробитых двигателей, был впечатляющим. В итоге оба борта, по-братски обнявшись, зарылись мордами в арык. Оставшиеся в живых человек двадцать пять из тридцати, оглушенные, с разбитыми лицами и в изорванной одежде, пытались вытащить тяжелораненых и останки погибших из горевших машин. Позиция была хуже некуда — с двух сторон арык был зажат скалами, на вершинах которых находились огневые точки «аистов», да и в самой долинке горного ручья в сторону солнца противник рассредоточился за каждым удобным валуном. За тесниной меж скал позади была пропасть, арык уходил вправо от нее по широкому уступу скалы. Две «двадцатьчетверки», шедшие за «восьмерками» в боевом строю, после попадания «Стингеров» вопереди идущие машины вздыбились носами, так как совершили одновременный мощный залп из всех видов имеющегося вооружения по базе «аистов». Зависшая над местом падения «вертушек» трехглазая красная ракета «духов» стала сигналом для «аистов» на уничтожение наших ребят. И началась такая адская стрелково-пушечная какофония, что едва выползшие из вертолетов люди зарылись по самые глаза в разом забурлившую от пуль и снарядов арычную жижу. Сбитым ребятам не было ни малейшей возможности сделать хотя бы один ответный выстрел. Да, собственно, в тот момент и неизвестно было, куда стрелять. Из-за пара, столбом поднявшегося от воды, противника не видели ни те, ни другие. Радаеву чудом удалось заметить за спиной узкую тропинку, по которой можно за две-три минуты очень быстро успеть переползти всем в мало-мальски удобное место и перетащить тех, кто не мог двигаться. Грохот пальбы не позволял услышать даже ближнего, поэтому объяснялись на пальцах, как на разведываходе. Как ни странно, но собственная деловитость и собранность, почти всех успокоила. Народ стал методично и быстро окапываться, занимая крошечную круговую оборону. Кто мог, зарылся во влажный песок по самые плечи. Благо он был податливым, но жутко холодным. Всех, не способных стрелять, штабелем сложили в центр круговой обороны. Леша Радаев хладнокровно пересчитал общее количество боезапаса, разделив его на каждого поровну. Не сговариваясь, все воткнули перед собой в песок штык-ножи. Все произошло за полторы-две минуты. Тем и сильна русская душа в тяжелых ситуациях: несмотря на плотный прицельный обстрел, всю подготовку к обороне бойцы провели, не обращая внимания на воющие пули. Один из десантников, совсем молодой, именно таких и звали — «бача», впервые оказавшись в горячей ситуации, от страха потерял самообладание и с безумными глазами попытался вырваться из оборонительного кольца. Получив жесточайший, но спасительный удар по голове от кого-то из своих, солдатик обмяк и был уложен в середину общей кучи. В вышине сиротливо, но грозно кружили две «двадцатьчетверки», достреливая свой боезапас по противнику. Саша Евдокимов поднял к небу взор тихо и внятно произнес: — Если подкрепления наших через пятьдесят минут не будет здесь, то командиры группы дергают кольца гранат по моей команде для самоподрыва. Возражений ни у кого не было. А «духи» осатанели. На крошечное кольцо русских воинов был обрушен огонь, плотностью не менее пяти пуль на квадратный метр. Примерно через пятнадцать минут боя ранены были все. А со стороны солнца со скоростью, превышающей предельно допустимую, на выручку уже неслись шестерка Ми-8 и десять Ми-24, до позиции оставалось им несколько минут полетного времени. На первой ноль-одиннадцатой «восьмерке» командиром группы шел батя Блаженко. Всполохи и молнии от боя были такими, что по этим засветкам летчики еще за пять километров определили, как правильно подойти и высадить боевые группы. Благо, этому помогало и солнце. Не уходя от его лучей, бьющих в спину, ни вправо, ни влево, Коля Майданов, поддержанный из всех видов стрелково-пушечного оружия, сделал первую посадку в самый центр пекла. Огонь «духов» стал еще сильнее, так, что за несколько секунд до приземления разлетевшимися осколками блистеров вертолета были посечены все, находившиеся на борту. Высадить батю с его группой удалось только на третьем приземлении. Четырнадцать человек вывалились на землю за одну-две секунды, и, то петляя, то по-пластунски стали подтягиваться к группе Радаева. Майданов, творя

чудеса пилотажа, умудрялся находить такие точки ожидания на земле, где на него успели бы загрузиться все. Несмотря на пулевые пробоины, превратившие вертолет в решето, он по-прежнему оставался боеспособным. Будучи командиром авиагруппы и стремясь сохранить жизнь друзьям, Коля запретил всем бортам заходить в точку загрузки, взяв всю ответственность на себя. Остальные должны были вести только огневую поддержку, находясь на удалении не ближе пятисот метров. — Ну, что, соседи, дождались? — просипел батя. Он первым очутился в общей куче обороняющихся. Теперь все валимся на ноль-одиннадцатый борт! — проорал он по радию. — У нас времени тридцать секунд. Мужики, смотрите в оба! На второй подход возможности нет! Борт Майданова, как мячик, скача с точки на точку в клубах пыли, огня и дыма, уже стоял в новом месте загрузки. А живые уже тащили мертвых. Виктор, как кладовщик, считал всех по головам. Батя, меняя седьмой магазин на бусом от накала «Калашникове», без конца хрипел: — Все?! Все?! Головы уже считал каждый, кто способен был считать. — Ну, что?! — уже сидя на борту и свесив ноги, Блаженко палил очередями во все стороны и продолжал, как заевшая пластинка, непрерывно переспрашивать: — Все?! Как ни считай, а одного не было. Гена вывалился с борта и, грохнувшись животом об землю, показал на пальцах: — Трое ко мне! Майданов, вывози кучу в сторону и сразу за нами! Сильно перегруженный борт, задрвав хвост и почти бороздя носом землю, едва оторвался от площадки и сменил место ожидания. И тут раздался спокойный голос Коли: — Или забираем всех, или все остаемся. А четверо вывалившихся на поиск в сплошном дыму и копоти, при видимости два-три метра, на ощупь искали забытого. Он нашелся почти сразу: мальчишка-«бача», которого в самом начале боя «усыпили» ударом по голове. С выпученными глазами, обняв валун в арыке, солдат дико хохотал. Его едва отцепили втроем. Дотасив до борта и забросив найденного в общую кучу, Блаженко почему-то уже без автомата, с одной гранатой и ножом, заполз в пилотскую кабину и показал Майданову руками: «Отход!» «Аисты» были уже в пятидесяти метрах. Разом прекратив стрелять, они понимали, что взлететь и уйти из их рук этим людям поможет только чудо. И Майданов поразительно спокойно совершил то, что дано было совершить только Летчику с большой буквы. На борту находилось тридцать пять человек, и поэтому из-за перегрузки взлететь он мог только по-самолетному, то есть с разбега. Тропа, назначенная Колей и судьбой «взлетной полосой», была узка, что сползи с нее вертолет хоть на метр влево или вправо, его несущий винт обломился бы от удара о скалу. Длина разбега была короче любого теоретического минимума, о котором пишут в летных учебниках. Взлету на тот свет не мешали даже «аисты». В эфире же пронеслось единственное слово: «Взлетаем!» Машина, вибрируя, начала медленно и тяжело разгоняться. И в тот момент, когда шасси оторвались от земли на один сантиметр, «взлетная полоса» оборвалась. Под вертолетом разверзлась стометровая пропасть. Но милость Божия, сердце-двигатель и раскрученный до звенящего предела винт, превратившийся от перегруза в воронку, были на стороне русской отваги. Вертолет, падая в пропасть, успел за несколько десятков метров набрать недостающее число оборотов винта, прекратил сваливание и, медленно набирая высоту, начал уходить в сторону базы. «Аисты» не верили своим собственным глазам: верная добыча ускользала от них! Они стали в безсилой ярости палить вслед машине из всех видов стрелкового оружия. И тут на них волнами обрушились «вертушки», ожидавшие своей очереди и следившие за спасением сбитых экипажей. На душманские позиции пошел авиационный пушечно-ракетный накат, который превратил их базу в жерло извергающегося вулкана, в сплошное черно-грязное облако из дыма, пыли, песка, копоти и огня. Когда стихли разрывы снарядов и ракет, был слышен только треск догорающего металла, нечастые крики раненых «духов» и свист пуль от разрывающихся в огне патронов. Четыре боевые группы спецназа «Чайки», находившиеся в пятистах метрах, терпеливо ждали, когда можно будет что-либо рассмотреть на том месте, откуда еще сутки назад исходила смертельная угроза. Но угарный чад, которым заволкло разбитую базу «аистов», висел плотной стеной в стоячем безветренном воздухе, мешая приступить к завершающей части операции. Ни один бандит не выбрался из этого котла между скал, хотя наверняка кто-то уцелел в гротах. Бойцы «Чайки» не стали тратить времени попусту, а, отойдя еще на один километр, устроили круговую ночную засаду и окопались кольцом. К часу ночи над «духовской» базой появились бомбардировщики Ту-22 из Союза. Ювелирно отбомбившись, они ушли к себе. Начавшийся к рассвету ветер разогнал дым и гарь, и позволил Аркаше, руководившему операцией, скомандовать: — К бою! Но боя как такового не было — драться было не с кем. Среди разбитой, искореженной техники на выжженной земле удалось сосчитать около тридцати пяти трупов «аистов». Два батиных сержанта пунктуально выполнили указание комбата об обнаружении живыми или мертвыми двух американских советников. Их, наспех заваленных валунами у входа в грот, обнаружила Аркашина немецкая поисковая овчарка по кличке Бача. Выполнив указание хозяина, пес прилег так, что слился с цветом земли и смиренно «доложил» о выполненной работе еле слышным повизгиванием, светясь алым языком. Оба бывших отличника «плекановки» и МГУ с треском провалились на военной «олимпиаде», где медалистами стали простые русские школьники с Урала. Отживших свое американцев опознали по крепкой качественной обуви и чистому ухоженному телу. Их головы «духи» унесли как доказательство своим хозяевам, что в руки к русским те живыми не попали. По всей видимости, выжившие «аисты» ушли через многочисленные катакомбы и естественные пещеры, которые пронизывают собой горы Хайркота. У нескольких трупов были разбиты головы. Вероятнее всего, их добивали свои, потому что таким образом смертники не сводят счеты с жизнью, у них есть другие способы. Собственно операция уже завершилась, и, чтобы не тратить время и спокойно прийти домой, Аркаша дал команду своим: — Выполняем беглый контрольный досмотр пещер и через тридцать минут уходим. Углубляться в гроты глубже естественной световой видимости он запретил. Прежде чем досматривать сомнительные темные углы, Аркаша потребовал забрасывать туда по трофейной гранате американского производства, в каждой из которых находилось около ста мелких стальных шариков, залитых воском. Ценность их была в том, что насмерть они никого не поражали, но без глаз оставались практически все, для

кого они предназначались. Восемь БТРов, оцепив вход в пещеры, навели стволы КПВТ — мощных пулеметов, установленных на них. По команде капитана-новосибирца: — Отсчет, — четыре группы по пять человек безшумно и стремительно растворились в горе. Три группы, покопавшись минут пятнадцать и покидав несколько гранат на всякий случай, вышли со скучным видом. — Что бродили? На двадцатой минуте, когда Аркаша, от долгого ожидания уже начавший было ерзать задом по броне, собрался заслать людей на выручку четвертой группы, из пещеры раздался хохот, а минуту спустя оттуда вышли военные... в форме английских королевских войск. Впереди шел на согнутых ногах один из них. С красным от натуги лицом он тащил обеими руками двухпудовую огромную амбарную книгу. В ее описи одних только касок числилось сорок тысяч штук, не говоря уже о различных видах другого имущества. Эта часть пещеры была тщательно ухоженным и скрупулезно продуманным в инженерно-фортификационном отношении военным лагерем времен английской интервенции. Вдоль каменных стен шла толстая электропроводка и часто висели разбитые плафоны. Склад занимал достаточно большую пещеру около 50 квадратных метров с металлической решетчатой дверью. Ее-то шустро и вышибли. Дальше обнаруженного склада десантники углубляться не стали. Туда просто не спеша покидали штатовские гранаты и вяло постреляли. В глубине грота было сухо, свежо и тепло. Вкусно пахло пищей. Где-то звонко струился ручей. Облачившись в форму английских колонизаторов и прихватив с собой груды всяких причиндалов, наиболее ценными из которых были металлические фляжки, похожие на маленькие барабанчики, но оказавшиеся, правда, к великому сожалению пустыми, колонна «Чайки» запылила в сторону базы. На переднем бэтээре в каске конца девятнадцатого века и в зимнем френче нараспашку восседал довольный Аркаша. Тщательно продуманная операция завершилась, в общем-то, благополучно. Летучим бандитам не только оборвали черные перья, но и уничтожили их гнездо. Яйца там они уже нести не будут. Но и «Чайка» вышла из этой схватки изрядно потрепанной. Двух ее птенцов «тюльпаны» унесли в Россию. Один навсегда перестал слышать и видеть, трое — ходить и преподносить любимым цветы, потому что их просто нечем стало преподносить, а у нескольких десятков бойцов на армейской форме как знак доблести появились нашитые желтые и красные полоски о ранении. Все, кто нюхал порох в эти сутки в горах Хайркота, стали орденосцами. И первым в славной солдатской когорте стоял командир ноль-одиннадцатого борта Коля Майданов. Честь и слава тебе, российский солдат!

Политручья кость

В час ночи на кровать Виктора и одновременно на его ноги уселся запыхавшийся гарнизонный радист Федя. Так как закрывать двери на базе было не принято, друг к другу в гости заходили все кому не лень. Особенно на запах жареной картошки, считавшейся деликатесом. В настоящую минуту деликатеса для Федя не было, поэтому он довольствовался еще не остывшим чаем с сахаром и печеньем из недавней посылки соседа. Виктор, проснувшийся от боли в ногах, минут пять недовольно ворчал, уговаривая Федю слезть с теплого места. Наконец, доев печенье и выпив чай, Федя слез. — Командир зовет, — вытирая рот, проговорил он. — Случилось что-то? — спросил Виктор. — Случится завтра, а сейчас пошли, — радист начал стягивать одеяло. У комэска, как это было принято, уже грелся чайник. Подходившие командиры отрядов и групп старались занять место поближе к столу. Командир эскадрильи, будучи человеком не особенно дипломатичным, сразу стал пугать всех тем, что их ожидает завтра. После чего всем присутствовавшим за чаем требовалось высказать свое мнение по поводу того, чтобы это «плохое» завтра не стало еще хуже. — В общем так, — проговорил командир. — К нам едет «ревизор». Причем, «ревизор из-за „ленточки“». Человека три ташкентских, остальные, по-моему, из Москвы. Сейчас по спецсвязи передали. Поэтому на завтра объявляю парко-хозяйственный день: моем, чистим, драим. Вопросы и дополнения есть? Вопросы и дополнения были. Самый щекотливый, тяжелый и подхалимский, то есть об организации стола и бани, взял на себя начальник штаба. Самый патриотично-государственный о политзанятиях и несуществующих конспектах трудов классиков марксизма-ленинизма задал Виктор. Инженер эскадрильи, имевший всегда для подобных случаев двадцатилитровую канистру „живой воды“, должен был обеспечить технический осмотр. На семнадцать часов дня назначили время „Ч“ — к этому сроку база должна быть готова к приему „ревизоров“. Самих гостей ждали к двадцати трем часам завтрашнего дня. — Ну, я все сказал, — душевно просто произнес комэск. — Сейчас начало третьего, можете идти спать, а по дороге решите, как лучше все устроить. К семнадцати часам база должна быть готова к приему „ревизоров“. На „Скобу“ гости прилетали крайне редко. Последний раз аналогичная проверка была четыре месяца назад. Цель таких посещений была одна — за орденами. Ибо уже за один перелет на „Скобу“ писались наградные листы как минимум на орден Красной Звезды. В двадцать два часа все, кому было необходимо, уже толпились у домика руководителя полетов, курили в кулак, шепотом лихословили, подтрунивали друг над другом, в общем — „отдыхали“. Чувствовалась легкая нервозность, так как борт с гостями был уже на подлете к курсе. Из зарулившего на стоянку вертолета высадились восемь человек. Ежась от ночного холода и спотыкаясь в кромешной темноте, в сопровождении командира эскадрильи они потянулись в сторону штаба. Командир, вторично попросивший гостей выключить фонарики, почувствовал их легкое недовольство. Тогда он пояснил: — Видите ли, по яркому свету фонарика бьют снайперы. Хоть тяжелых последствий у нас не было, но пули посвистывают. Аргумент прозвучал убедительно. Гости не только выключили фонарики, но и дышать стали реже. Вдруг за спиной у них, тряхнув землю, про гремел оглушительный взрыв, и в небо взвился огненный смерч высотой метров пятнадцать, а в разные стороны от места взрыва стали разлетаться куски только что прибывшего вертолета. — Вот так-так, — единственное, что смог произнести один из окаменевших гостей. И тут же раздался голос комэска: — Ложись! И на песок рухнули все, кто находился в тот момент на аэродроме. Его приказ уже и не требовался —

местные зарылись в песок одновременно со вспышкой, закрыв голову руками. „Духовский“ снаряд попал точно в топливный бак, так что вертолет сгорел дотла минут за десять. Один из ревизоров, придя в себя, тоскливо произнес: — У меня же там осталась летняя зимняя куртка, совсем новая... Его горестный голос прозвучал настолько глупо в данной ситуации, что вызвал долгий нервный смех у всех, слышавших эту фразу. Не смеялись только пилоты сгоревшего борта. А перекрестившийся командир произнес: — Еще пару минут церемоний, и все были бы на небесах! После этого привычного для обитателей „Скобы“ и неожиданного для проверяющих случая, намеченное для ревизии время сократилось с трех суток до одних. Солидный план проверки урезали до трех пунктов: баня, стол и... политзанятия. „Не было бы счастья, да несчастье помогло“, — сплюнув, пробормотал начальник штаба. Утро началось в обычном рабочем ритме. Технические представители ушли к техникам, штабные — к штабистам, летчики — к летчикам. Так как Виктор являлся заместителем командира эскадрильи и по политической части, то с ним приступил к душевному разговору молодой подполковник-„политрук“. Порассуждав министерским голосом с полчаса в курилке о ночном происшествии, он попросил Виктора собрать личный состав в классе для проведения политзанятий и напомнить при этом, чтобы не забыли прихватить с собой конспекты бессмертных трудов классиков марксизма-ленинизма. После напоминания о конспектах, больше похожего на приказ, Виктор подскочил и, заметно нервничая, попытался дипломатично объяснить политруку, что лучше бы он не позорился и отменил глупое распоряжение: — Товарищ подполковник, у нас сегодня первый день передышки после двухнедельных боев, да и то благодаря лишь вашему приезду. Мы понесли серьезные потери, люди нуждаются в отдыхе: постирать белье, написать письма домой, да и просто выспаться. Давайте, я вам откровенно расскажу, как и где протекает наша политучеба, а вечером, после того, как люди отдохнут, мы их соберем, и вы сами сможете обо всем с ними поговорить. Пожалуйста, не обижайтесь, но я вам как политработнику от чистого сердца говорю: так будет лучше. Говоря все это, Виктор ходил взад-вперед по курилке, не видя лица подполковника. А когда закончил и посмотрел ему в глаза, увидел в них полное непонимание и родовую политручью спесь. Лучше бы и не смотрел... Еле сдерживая раздражение, подполковник с металлом в голосе произнес: — Товарищ капитан! Сейчас ровно девять часов. В девять тридцать вы соберете весь личный состав офицеров и прапорщиков эскадрильи. Солдат мы соберем позже. Я поговорю с людьми, проверю на вскидку конспекты, пусть все придут со своими партийными билетами, хотя они и без напоминания должны быть у каждого с собой. — Товарищ подполковник, я вас предупредил, а вы не согласились. Теперь пеняйте на себя, — Виктор повернулся и вышел, провожаемый вдогонку криком уже почти не владеющего собой подполковника: — Вот это расхристанность! Личный состав начал собираться в классе не в девять тридцать, а на час позже. Сорок пять минут Виктора, стучавшего во все комнаты, спрашивали в своем ли он уме, не ранен ли в голову, а если нет, то ему надо эту голову тотчас оторвать, и тут же всем, что попадалось под руку, стремились выполнить угрозу. В четырех комнатах из шестнадцати сразу пообещали лишиться жизни, если зайдет еще раз, а в двух — резонно заметили, что если подполковнику надо, то пусть сам приходит. Войдя в единственный на всю „Скобу“ класс, Виктор доложил хмурому, раздувшемуся от гнева проверяющему, что сделано все возможное. К двенадцати часам из восьмидесяти шести человек по штату в классе сидело девятнадцать. Почти все были неумытые, нечесаные, спростонья, в тапочках, курили в кулак и, не обращая внимания на подполковника, без конца переспрашивали: — Витек, надолго эта тягомотина? Вместо конспектов в руках виднелись только пачки с папиросами. Подполковник произнес одну-единственную фразу: — Коммунисты среди вас есть? — Кто? — переспросил, зычно икнувший и не пришедший в себя после сна, один из летчиков. А Гена из поисково-десантной группы, видимо, не поняв сути вопроса или думая о чем-то своем, с готовностью ответил, привстав: — Сейчас позовут. Я уже дал команду. Политзанятия были сорваны. Быстро удалявшемуся из класса ночному гостю в спину неслось: — А жрать когда привезут? Колонны с харчами из Кабула нет больше месяца. Час спустя Виктор отчитывался за сорванные политзанятия, за разболтанную партийную дисциплину, за хранение партийных билетов, благо он успел раздать их всем партийцам по карманам. До этого они хранились в железном чемоданчике. Ребята просто боялись их потерять в ежедневной боевой суматохе. Три года назад в одном из гарнизонов произошло нечто подобное. На разведвыходе десантник при ранении потерял партбилет. Вернее, с него, раненого после подрыва на mine, была сорвана обгоревшая одежда, и уже полуголого ребята дотащили до гарнизона. Узнав о потере партбилета, насмерть перепуганный командир послал всю роту на его поиски. С утра до вечера прощупывали пальцами место боя, и все-таки нашли злосчастный документ. Но вместе с ним на базу принесли еще двоих раненых, подорвавшихся на других минах. Осмотрев партийную документацию, подполковник нашел кучу недостатков. К ним же был отнесен и плакат над кроватью Виктора — „Меня все равно хрен победишь!“ — Так уж никто и не победит? — зло усмехнулся проверяющий, с удовольствием записывая Виктору строгое партийное взыскание. — Выходит победил, а? — Об этом мы по дороге в Кабул поговорим, товарищ подполковник, дорога-то длинная. — Поогрызайся еще, капитан, — блеснул злыми глазами представитель вышестоящего штаба. Ночью группа проверяющих вылетела на Кабул. У командира вертолета после дневных политзанятий чесались кулаки, и он нестерпимо хотел почесать их о ручку управления вертолета. Он сам напросился довести вышестоящее начальство до Кабула, но с одним условием: на борту будет именно этот политический работник. На двадцатой минуте полета пилот, нетерпеливо ерзая, посмотрел на Виктора и спросил: — Начали? — Давай! И началось то, что было тщательно спланировано еще на земле. Вертолет крутым креном грубо провалился вниз, потом начал разбалтываться вправо-влево. Он то круто набирал высоту, то с критическим углом сваливался вниз — и все эти штучки длились непрерывно в течение нескольких минут. В салоне находилось восемь „ревизоров“ и две женщины с „Чайки“, предупрежденные заранее. У не имевших привычки высоких гостей произошло естественное возмущение нежных организмов. Но больше всех страдал „правильно накормленный“ перед вылетом подполковник-политрук. В

дверь пилотской кабины забарабанили. Открыв ее, Виктор увидел, хотя свет в салоне был выключен, мерцающее смертельной бледностью лицо подполковника. — Товарищи, — еле сдерживая рвущуюся из глубин организма бурю, пролепетал несчастный. — Туалет у вас есть? — Есть, — сказал Виктор равнодушным тоном, — даже два. Первый — это ведро в хвостовой балке, если по-легкому, а если по-тяжелому, то открываешь крайний блистер, снимаешь штаны и вставляешь голый зад. Естественные надобности от натуги самопроизвольно „отстреливаются“. — Мы с тобой в Кабуле рассчитаемся, — просипел подполковник и, не владея собой, сквернословя и наступая всем на ноги, начал продираться к ведру. Через несколько минут обе женщины сидели в пилотской кабине из-за нарастающей и становящейся нестерпимой вони. В момент очередного авиационного кульбита, когда вертолет провалился вниз, о дверь кабины раздался тупой костяной удар, и одновременно начался долгий гомерический хохот. Оказывается, усевшийся на ведро бедолага не смог удержаться при крене и с ведром, прижатым к голому заду, дробной рысью примчался к пилотской кабине и приложился к ней головой. — Так, есть касание, — проговорил командир. — Теперь в набор. Пусть бежит обратно — и для него достаточно. Приземлившись в Кабуле, экипаж долго проветривал борт, а Виктору был обещан как минимум трибунал. В общем, отомстили. Но ожидаемой радости на душе почему-то не было.

Кабульские посылки

Ночевать пошли к знакомым в „полтинник“ — пятидесятый отдельный авиационный полк, базирующийся в Кабуле. Несмотря на полночь, знакомые мужики, сидевшие за большим накрытым столом, сплошь заставленным яствами, явно не собирались расходиться. — От „Скобы“ никуда не уйдешь, — радостно завопили хозяева. — Еще не было случая, чтобы „скобари“ пропустили хотя бы одну пьянку, — кто-то отметил за столом. Все дружно стали тесниться, уступая место ночным гостям. — Мы тут вторые сутки кукуем, — проговорил уже раскрасневшийся Игорек, знакомый из джелалабадской поисково-десантной группы. — Ждем из Союза лопасти для своих „вертушек“. Должны были доставить сегодня на „горбатом“. И что вы думаете? Борт заруливает на стоянку, открывается люк, мы на радостях кидаемся разгружать долгожданный груз, а оттуда выгоняют шесть обезумевших от страха коров. Они, бедные, пока летели, даже мычать разучились. Я — к командиру, чтобы выяснить, где лопасти, а он — сам такой же злой, как и я, ходит по загаженному самолету и считает, сколько суток придется борт мыть после таких пассажиров. — Ну, — не понял Виктор, — а коровы-то зачем? — Кому-то из начальства в „верхнем“ штабе молоко оказалось нужнее, чем лопасти для наших „вертушек“. Вот теперь сидим и ждем. Может быть, завтра привезут. — А стол отчего такой богатый? Праздник у кого-то? — продолжали допытываться гости. — Праздник. Колька из отпуска прилетел, а следом телеграмма: сын родился. Счастливцев Колька неделю любил своего сына, неделю только и побыл отцом. Ибо семь дней спустя, заходя рано утром на своем Ми-24 на посадку в „полтиннике“, был сбит из крупнокалиберного пулемета, закрепленного в кузове „Тойоты“, спрятавшейся почти у контрольно-пропускного пункта полка. Она исчезла мгновенно, а сбитый вертолет, завалившись на левый борт, упал на стоянку других машин и сгорел вместе с экипажем. Через несколько часов колькиному сыну и его маме отправили телеграмму: папы больше нет. Но в эту ночь, за праздничным столом все поздравляли счастливого отца и желали ему и сыну здоровья и долгих-долгих лет жизни. Рано утром Виктор был уже в штабе сороковой армии. Раздал штабистам, чтобы ускорить оформление отпусков своим ребятам, три вещмешка подарков — трофейных ножей, оружия и всяких диковинных вещичек. С еще одним вещмешком Виктор поехал в Кабульский госпиталь, заранее готовясь к тяжелому испытанию. Побывать в госпитале попросил его батя Блаженко. Надо было навестить двух десантников, подорвавшихся недавно на БТРе в одном из боев. Представшая перед глазами Виктора картина людской скорби была не для слабонервных. Но одно дело прийти сюда на краткие минуты свидания с ранеными боевыми товарищами, и совсем другое — быть здесь врачом и ежедневно находиться в лазарете, спасая молодые жизни. Подвиг воистину апостольский, освященный Божиим чудом воскресения Лазаря четверодневного. Руки этим подвижникам, ежечасно смотревшим в обезображенное и изуродованное лицо войны, надо целовать и низко кланяться до земли. В госпитальной курилке сидело несколько человек в больничных халатах. Почти у каждого ампутированы либо рука, либо нога. Но пришельца поражало то, что из курилки постоянно доносился жизнерадостный мужской смех. Это, видимо, от того, что раненые понимали: хуже уже не будет. По крайней мере для них война закончилась. В центре курилки сидела однорукая забинтованная „мумия“. В то место, где у нее должен быть рот, сидящий рядом бережно то вставлял, то вытаскивал из дырочки в бинтах сигарету. — Привет, мужики! — Виктор присел с ними. — Сюда позавчера двух ребят доставили с „Чайки“, где я их могу найти? — У тебя покурить есть? — не отвечая прямо на вопрос, спросил рядом сидящий. — Да, — спохватился Виктор и вытащил приготовленные загодя две пачки сигарет. — А ты иди в приемный покой, — все ребята сразу потянулись к подарку, — там тебе медсестра все расскажет. Угостив и медсестру по аналогичной просьбе, Виктор, еле успевая, поспешил за ней по коридору. Слава Богу, думал он, что госпиталь находится в Кабуле, а не в Союзе, и родители не могут сразу увидеть своего ребенка. В переполненных палатах и по заставленным кроватями коридору стелился устойчивый, вышибающий слезу запах хлорки. — Здесь твои лежат, в этой палате, — сказала медсестра. — Там спросишь, а я не пойду, извини. Своих он увидел сразу, но смотрел не на них. В самом углу на двух сдвинутых кроватях лежал совершенно безкожий человек с руками и ногами на растяжках, весь в трубках, с каждым вздохом издавая невыносимый для слуха утробный клекот. Возле этого человека на прикроватной тумбочке среди медицинских препаратов стояла маленькая иконка, а рядом лежал нательный крестик, который невозможно было надеть на лишенную кожи шею раненого. Но православный воин сам являл собою живое распятие, и его нательный

крест был верным свидетельством тому. — Господи Иисусе!.. — почти непроизвольно пробормотал Виктор. — Пошли на лестницу, Витек, — тихо шепнули ему ребята. Уже выйдя из страшной комнаты, они пояснили гостю: — Здесь есть несколько палат, где лежат только такие. Когда Виктор с ребятами вышел в курилку, привезенные приветы вылетели из головы. Разговор как-то не клеился, поэтому припасенную фляжку со спиртом опустошили молча. — Как там наши? — Все живы? Перебивая друг друга, только теперь заговорили в голос ребята. — Да, пока все живые, здоровые. Вот вам батя подарок передал. Когда отправят в Союз, напишите, как устроились. Мужики молча закивали. Вновь повисла тягостная пауза. — Ну, простите, мужики, я пойду. Боевые товарищи сердечно обнялись. — Бывай, Витек, всем нашим передавай приветы, а батю — особый. Спасибо за гостинцы. Виктор не удержался и напоследок признался друзьям: — У вас тут, пожалуй, страшнее, чем у нас... По дороге на аэродром Виктор чувствовал себя так, будто его контузило. Образ распятого в невыносимых мучениях умирающего воина, икона и крест — это неизгладимое воспоминание будило в Викторе множество чувств и мыслей, с которыми невозможно было справиться привычным на фронте усилием воли: что поделаешь? война! И жизнь, и смерть, и Бог вдруг предстали в его сознании типичного советского офицера, по совместительству — политработника, чем-то неразделимым, чем-то единственно важным и значимым по сравнению с остальными проявлениями собственного бытия. Виктор старался переключиться на еще одну предстоящую встречу, но увиденное в госпитале никак не поддавалось забвению. Последний пакет подарков, который был собран для того, чтобы быстрее решить кадровые проблемы нескольких ребят, он передал дородному адъютанту одного из руководителей Афганской войны, — Теперь полный набор для Володьки, — облегченно вздохнул адъютант. — Есть с чем подойти. — Какому Володьке? — спросил Виктор. Адъютант, забывая невыносимый запах перегара жвачкой, развалился в кресле и, раздобренный подачкой „Скобы“, великодушно поведал о ночной попойке с известным юмористом, заскочившим сюда из Союза. — Он что — в Кабуле? — изумился гость адъютанта. — А у нас будет? — наивно добавил он. — Чего ради?? — Понял-понял... — осекся Виктор, осознав всю глупость вопроса. — Будет, — гоготал неприспавшийся адъютант, — если таких же мешков на двух „бэтэрах“ привезете. После ухода Виктора он еще минут сорок отстирывал и полоскал свои похмельные внутренности рассолом из столовой начсостава, смачно костеря капризную зажигалку, не дающую огня уже для третьей переломанной папиросы. После появившейся с первой затяжкой способности мыслить, адъютант со страстью Плюшкина стал копаться глазами и руками в добре, оставленном Виктором. Высоко оценив качество подарков и рассортировав их по принципу: кому че, кому ни че, — он наконец наткнулся взором на сиротливо лежавший рядом с добром конверт. Виктор просил адъютанта передать его лично в руки тому, кто в состоянии был „прооперировать“ давнишний газнийский кадровый и продовольственный нарыв. „Ближайшее к верхам лицо“, развернув без интереса листок, прочло: ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА В настоящее время в связи с полной неопределенностью о выводе войск и предстоящей замене у личного состава эскадрильи возникает много вопросов, ответы на которые получить практически негде. Несмотря на то, что поставленная задача выполняется с высоким качеством, растет недовольство среди подчиненных из-за следующего: 1. Не были в отпуске за 1987 год 30 % летного состава 2. У 20 % летного состава 20 марта сего года выходит 15-17 месяцев без отпуска. Следовательно, к концу апреля 1988 года не имеют права летать первый и четвертый отряды, и частично второй и третий отряды. 3. К 12 марта выходит срок ВЛК (врачебно-летней комиссии) у 100 % летного состава. Нужно немедленно искать выход из данного положения, так как вследствие усталости летчиков безопасность полетов трудно гарантировать. Достаточно обратить внимание, что за 10 прошедших месяцев средний налет составляет около 500 часов на одного пилота, что в десятки раз превышает годовую норму налетов для мирного времени. А если учесть специфику работы — налет за смену одной эскадрильи 60 часов на предельно малой высоте в горно-пустынной местности при активном огневом противодействии ПВО мятежников, это требует срочного решения вопроса. 4. Не решены жилищно-бытовые условия у 40 % личного состава. 5. Повторно в Афганистане 40 % личного состава, а двое из них в третий раз, причем — пилоты. 6. Имеют боевые ранения различной тяжести 179 человек, но продолжают выполнять свои задачи. 7. Не решен вопрос о досрочной замене капитана Картачева по семейным обстоятельствам. У него дочь и сын после очередной операции (четвертой) находятся без движения в постели. То же у капитана Третисова. Жена с тяжелым заболеванием нервной системы длительное время находится на излечении в закрытом отделении НИИ. Оба эти летчика в Афганистане повторно. 8. При полном попустительстве представителей ОРАТО (отдельной роты аэродромно-технического обеспечения) старшего лейтенанта Морозова не налажена нормальная организация питания у личного состава. По данному товарищу состоялся суд офицерской чести, где было принято решение ходатайствовать о снятии его с должности и выдворении из ДРА. Исполняющий обязанности командира роты старший лейтенант Рогачук А. (он же заместитель по политчасти) откровенно заявил, что было указание сверху из тыла ВВС о том, чтобы не давать хода этому материалу до особого указания. Чье оно, неизвестно. Мое мнение по данному вопросу такое — товарищ Морозов хочет спокойно заместиться, так как у него срок службы в Афганистане истекает в марте. Это будет его очередной уход от ответственности, так он попал в ДРА за растрату в 9 тысяч рублей, являясь начальником продовольственной службы батальона в гарнизоне Вазияни Закавказского военного округа. Но с целью замести следы его отправили сюда. В заключении хочу сказать, что поставленные задачи личный состав части выполняет и будет выполнять. Изложенные факты не результат пораженческого настроения, а результат обвального нарушения летных законов, приказов Министра обороны СССР, который может привести к подрыву боеготовности части... — Им что там больше делать нечего?! — потянувшись до сладкого онемения в дородном теле самому себе пробубнил адъютант. Швырнув скомканное послание в угол, злобно процедил: — Мне бы их заботы! А Виктор, выйдя от адъютанта в легкий вечерний сумрак, моментально выкинул из головы все неприятные и брезгливые эмоции, связанные с последним визитом. И даже мысль о том, будет ли дан

ход составленной им бумаге, совсем не волновала его. Что-то неизмеримо более важное и для боевых друзей и товарищей, и для него самого, и для его родных, и для этой войны, и для Родины открывалось теперь в его душе. Сострадание к умирающему в госпитале полностью обожженному бойцу, поначалу вызвавшее острую душевную боль, сейчас преобразилось в иное переживание, просветляющее и сердце, и ум, и совесть. Виктор неожиданно вспомнил глубокое детство, когда он по-младенчески лепетал, тая при этом от небывалой радости: — Боженька, помоги всем. Боженька, спаси всех! Безпричинная надежда на нечто лучшее и безпричинная любовь ко всем без различия произвольно наполнили его огрубевшую в боях душу. И он вновь переживал совершенно забытую детскую радость. Все вокруг становилось источником той радости: и ночь над Кабулом, и завтрашний день, и люди, живущие на этой грешной земле, убивающие, обманывающие, ненавидящие и любящие друг друга.

И снова бой, и снова „Аисты“

После трехдневной отвратительной нелетной погоды вышедшее из-за туч знойное солнце вновь дало „добро“ на боевые операции. Днем решили „прогуляться по Кандагарке“. Последние разведсводки сообщали о передвижениях „духов“, маскирующихся под гражданское население, вдоль этой единственной магистрали Кабул-Кандагар. Распознавать бандитов было трудно, потому что они постоянно прикрывались женщинами и детьми, а оружие прятали под днищами автомобилей. Досмотры, когда месторасположение тайника неизвестно, отнимали много времени и оборачивались холостыми пролетами. Возвращаясь домой после второго пустого вылета, минут за пятнадцать до подлета к аэродрому, увидели стремительно приближающегося по курсу велосипедиста. „Дух“ ехал в ту же сторону, и поэтому был спиной к экипажу. Ведущий борт, шедший на высоте около трех метров, снизился до полутора. На приказ остановиться велосипедист не отреагировал, верный признак того, что это не мирный поселянин, а ломающий дурочку бандит, привыкший играть со смертью. — Надо восстановить летные навыки, — усмехнулся тогда командир. Виктор не спускал глаз с приближающейся фигуры противника. Привычный к вертолетному шуму „дух“ продолжал крутить педали по правой стороне дороги, не обращая внимания на усиливающийся звук. Оставшиеся сто метров молниеносно сократились. Исчезнувший под бортом велосипедист дал о себе знать легким стуком головы о переднюю стойку шасси. Вертолет круто завалился вправо, а затем — влево с легким набором высоты, чтобы увидеть результат. — Ювелир, однако, — проговорил летчик с заднего ведомого борта. Удар передней стойкой шасси по голове велосипедиста был настолько беспощадно точен, что тот, всадником без головы, продолжал по инерции движение еще метров пятнадцать, и лишь после этого завалился. Борты, идущие в кильватере, болтая хвостами, поаплодировали летному мастерству командира. Повезло, как всегда, в третьем вылете. Войдя в зону досмотра у подножия гор, увидели, как по правому борту ярко заискрилась „сварка“ — зенитная горная установка, стрельба которой подобна искрящей молнии и заметна в любое время суток на несколько километров. — „Сварка“ справа, — произнес командир ведущей пары. — „Двадцатьчетверки“ — в круг! Высадку группы делаем по солнцу. Высадивший десантников у подножия горы вертолет тут же сменил место приземления. Группа, рассыпавшись веером, начала продираться к вершине, откуда по ним только что „отработала“ зенитная установка. Обложив кольцом вершину, спецназовцы прилипли к валунам. Но стояла звенящая тишина, и лишь вдалеке слышался шум вертолетных двигателей. — Витек, а „духи“-то где? — спросил кто-то. — Или у нас галлюцинации? — Сам не пойму, — тихо процедил Виктор. — А ну-ка, давайте прощупаем горизонт трассерами по моей команде. В точку, где предположительно могли засесть бандиты, кучно ушли десятки пуль. И вдруг яростный голос проорал: — Вылезай, сука, вылезай, тебе говорю! Мужики, все ко мне! Все бросились на крик. Шурик, стоя на коленях и заглядывая в большую нору, тащил кого-то оттуда руками. Автомат лежал рядом. — Ну, что встали, как вкопанные? — прохрипел он, — тащите эту скотину за ноги, помогайте мне. Видите, зарылся, как крот. Несколько человек, засунув руки в широкое отверстие, выволокли оттуда... десятилетнего мальчишку. Его смертельно обреченный вид волчонка с крепкими оскаленными клычками говорил, что сдаваться он не намерен. Пришлось треснуть его прикладом. От удара мальчишка обмяк, после чего удалось вытащить его из норы. И здесь все увидели, что его ноги скованы цепями, уходящими вглубь косога колодца. — Двое остаются с ним, — скомандовал Виктор, — остальные рассыпью за мной. Что-то здесь не то. Когда группа поднялась к самой вершине горы, то обнаружила выходящие из двухметровой пещеры на поверхность рельсы. На них стояла вагонетка с прикрепленной зенитной горной установкой. На месте зенитчика сидел, завалившись на бок, огромный „дух“, конвульсирующий в предсмертной судороге. Его прикованные цепями к пушке руки и ноги мелко дергались. В правой руке был крепко зажат ритуальный ятаган. Из перерезанного горла хлестала кровь. Да-а-а... — произнес кто-то. — Это же „аист“. Как он тут оказался? Мы же их расхлестали в другом месте. — Что делать будем, Виктор? — Что, что... Его с собой не возьмешь. И времени нет. Подрываем. А у мальчишки разбиваем цепи и берем с собой. Сдадим афганцам, в ХАД, пусть расскажет, где у них новое гнездо. Мальчишка, визжащий тонко, как зверек, извиваясь, пытался перекусить себе вену. Пришлось опять успокоить его несколькими ударами и волоком дотащить до вертолета. На борту крепко связали его тросом, наглухо прикрепив к полу. На следующее утро афганские контрразведчики-хадовцы подтвердили: остатки разгромленной банды „Черных аистов“, сменив место дислокации, рассыпавшись на несколько малочисленных отрядов, решили до конца вести „священную войну“ — джихад. — Значит, надо расширять окопную сеть в городке, чтобы усилить личную защиту, — сделало вывод командование „Скобы“ после получения информации. По городку вихрилась песчаная поземка. Ее смерчевые столбики плясали везде, норовя заскочить в любую открытую форточку, запорошить глаза, уши, набиться в все складки одежды и карманы. При такой погоде личный состав обычно отсиживался в своих комнатах, наглухо запечатав окна и двери.

Сейчас же все, злясь на разгул стихии, прикрыв руками уши и прищурился глазами, облепили домик руководителя полетов. Народ внимательно вслушивался в звучащий радиообмен. Первый пилот: — Вас понял. Остаток тысяча двести. Сейчас идем на точку. Второй пилот: — Спокойно. Просмотри площадку для высадки. Первый пилот: — Не пойму что-то... Обороты упали. Второй пилот: — САРП?.. Первый пилот: — САРП включил, все равно обороты упали... Не знаю. Хвост посмотри. Второй пилот: — Тебя вижу. Хвост нормально. Первый пилот: — Отлично. Все тогда. Второй пилот: — Четыре девяносто. Выполняйте разворот. Четыре девяносто, повнимательней, там идет высадка. Третий пилот: — Бородатые кругом. По мне огонь открывают... Отсюда, отсюда, отсюда... А вот теперь справа, теперь справа... Где высаживались. Первый пилот: — Санька, ты взлетел? Второй пилот: — Взлетел. Первый пилот: — Понял. Третий пилот: — Большая группа, пятьсот метров, бородатые здесь бегают. Второй пилот: — Прикройтесь огнем по кругу и полностью блокируйте площадочку... по заходу правая сторона. Третий пилот первому: — Не мечись, в центре осторожно. Женский голос аварийного автомата: — Борт 1287, пожар! Борт 1287, пожар! Первый пилот: — Прыгай, прыгай, говорю! Прыга-а-а-й!!! Второй пилот: — Прыгай... Третий пилот: — Остаток сто. Второй пилот: — Упал он. Упал, упал... Третий пилот: — Парашюта не видно... Вадим, прыгай. Прыгай, Вадим. Второй пилот: — Ну, где они могут быть? Третий пилот: — Парашютов не видно нигде. Второй пилот: — Просто прыгнули, просто прыгнули они. Парашют не раскрылся, до земли метров семьдесят, максимум... Парашют не раскрывается... Просто... К „двадцатьчетверке“ яркой струей приклеилась искристая „сварка“. Подбитая машина загорелась сразу. Пальба с обеих сторон прекратилась. „Духи“, вылупив глаза, разинув рты и воткнув пальцы в небо, общим гвалтом торопили „вертушку“ взорваться. Спецназ, облепив валуны, душой и мыслями погибал вместе с летчиками. Они видели, как первым отделился от вертолета второй пилот, через полсекунды командир. Парашюты у обоих вытянулись в жгуты и, тряся кончиками, не собирались раскрываться. Ребятам не хватило высоты — метров двадцать. Их пронзительный крик оборвался одновременно. Пустая „двадцатьчетверка“, вихляясь в воздухе, как непристойная женщина, еще несколько секунд, перевернувшись лопастями вниз и, рубанув ими землю, взорвалась. Десантники, озверев и поливая пространство перед собой жесточайшей руганью и градом пуль, пошли по каменному откосу психической атакой: клином, „свиньей“. На всякий случай „духи“ отскочили от рассвирепевших русских. Те, идя, как на параде, не нагибаясь, искали сбитых вертолетчиков. Завернув найденных погибших пилотов в их нераскрывшиеся парашюты, десантники таким же порядком вернулись к вертолетам. Бережно подали погибших на борт, запрыгнули сами и ушли без единой царапины.

У каждого свои „тюльпаны“

Уже неизвестно, какой по счету по-осеннему холодной ночью пару „восьмерок“ „Скобы“ подняли работать „тюльпанами“-труповозами. От предстоящего болело сердце. На „Чайке“ у бати Блаженко произошло несчастье — привычное, очередное. По плану группа разведчиков должна была вернуться через сутки, но связь с нею оказалась потеряна. Ушедших трое суток назад на разведывательный спецназовцев нашли только сегодня, и то благодаря оплаченному сообщению одного из местных доносчиков. Судьба группы прояснилась в четыре утра, когда к блокпосту, часто и долго кланяясь, размахивая чалмой, приблизился старый, не в меру улыбчивый дехканин. Он вел за собой одетого в „духовскую“ одежду совершенно седого и, на первый взгляд, сошедшего с ума десантника. В отличие от улыбчивого старика боец пугливо озирался, вздрагивал и ежился от любого случайного движения руки. Полчаса потребовалось, чтобы старик объяснил случившееся. Он нашел этого парня еще вчера засветло в одном из предполагаемых засадных мест, высоко в горах у ручья. У дехкана там было небольшое маковое поле, куда он приходил дважды в неделю для прополки. Мак убрали, и старик хотел подготовить поле к зиме. Когда он подошел к роднику, то увидел странно застывшую сидящую фигуру солдата, в полуметре от лица которого сидела кобра с раздутым капюшоном. Старик прогнал змею и привел в чувство парня, который вспомнил, зачем пришел сюда. А вспомнив, бросился к месту, где находилась группа. Не поспевающий за ним старик нашел его минут пять спустя в густых каменистых зарослях. Представшая взору картина потрясла своей жестокостью. Десантники, уложенные кругом, голова к голове, вернее сказать, тем местом, где должна быть голова, со связанными руками — ладонь одного в ладони другого, как в мужском рукопожатии, представляли собой нечто вроде большой цветущей кровью ромашки. У ног каждого лежала его голова, разбитая всмятку со вставленными в рот мужскими достоинствами. „Духи“ не отличались особой изобретательностью. Как могло случиться, что так быстро убили девятых человек, успев даже вывернуть им карманы, навсегда осталось загадкой. Но промыслом русского Бога мудрый афганский змий спас одному из десантников жизнь. Через четыре часа Аркаша на двух „бэтээрх“ вывез своих людей на „Чайку“, предварительно каждого завернув в плащ-палатку. Вечером „Скобе“ предстояло доставить их в Кабул, захватив в Бараки еще троих „двухсотых“. Взлетев с „Чайки“ с грузом „двести“, состоящим из этих девяти человек, одетых во все чистое, два борта ходко пошли на Бараки, прозванном на армейском просторечье „язвой на теле Востока“. Там дислоцировалась часть, являвшаяся одним из ответвлений „Чайки“. Бараки служили воротами, через которые шли из Пакистана все дьявольские грузы, на перехват которых выходили и эти девять сибиряков. В Бараки приземлились в час ночи. Все свободные от дел десантники собрались на решетчатой небольшой взлетной полосе, чтобы проводить своих друзей. Так как ведущий борт был уже занят девятью „ноль-двадцать-первыми“, то тяжело раненых — „двухсотых“ Виктор с ребятами принимали на второй вертолет. Попрощались, выпили, поцеловались, и пара вырулила на взлет. Вдруг выключенные бортовые огни (взлетали в полной темноте) зажглись снова. — Что? — спросил Виктор. — Сам не понимаю, — ответил командир. — Кабул не дает „добро“ на взлет. Введен литер „А“ на воздушное пространство по нашему курсу. Теперь, пока какой-нибудь чинуша не пройдет над нами выше десяти

тысяч, мы будем ждать. — Долго? — спросил Виктор. — Никто не знает, нам же не сообщают время взлета. А в лобовое стекло вертолета уже стучали баракинцы: — Что стоим, мужики?! — орали они. В голосах пока сквозило удивление. Командир откатил блистер и выключил двигатель. — Кабул не дает взлет, — прокричал он, — придется подождать. — Как подождать?! — закипели местные. — С ума сошли?! Раненых же надо немедленно доставить в кабульский госпиталь! Подбежавший баракинский комбат потребовал откатить люк. Навалившись на командира вертолета, он, еле сдерживая себя, прокричал: — Там их уже „бэтээры“ ждут на полосе, чтобы доставить на операцию. У них счет идет на минуты. — Ну, не могу я, — безсильно отбивался командир вертолета. Попытавшегося вмешаться, чтобы объяснить положение, Виктора, комбат грубо треснул кулаком в грудь: — Заткнись! А в открытый блистер уже орали взбешенные десантники: — Вам что, этот борт с „козлом“ на десяти тысячах мешать будет? Вы же выше четырех не идете. — Не дает нам Кабул „добро“, — попытался еще раз миролюбиво объяснить ситуацию вертолетчик, но получил такой удар по лицу, что голова дернулась и ударилась о бронеплиту за спиной и по вертолету прошел гул. Открывший было рот, чтобы вступить, Виктор тут же получил короткую затрещину, после которой еще три дня объяснялся только на пальцах. Рассвирепевший комбат, стоя на коленях перед одним из раненых, у которого изо рта тонкой струйкой сочилась кровь, зловеще произнес: — Будь спокоен! Или они немедленно взлетят на Кабул с вами, или без вас — на воздух! Тут уже не выдержал правый пилот, тыча пальцем на командира вертолета: — Вы же, идиоты, его нокаутировали! Как он сейчас поведет борт? Ты что ли за „ручку“ сядешь, придурок?! Комбат уже и сам понял, что перебрал, начал приходить в себя: — Запросите Кабул, я сам поговорю. Через двадцать минут из Кабула сообщили, что литер „А“ снимается. Борт баракинскую зону прошел. При подходе к Кабулу один „двухсотый“ умер. Видимо, литер „А“ отобрал у него время, необходимое, чтобы успеть на операционный стол. При резком снижении умер второй: из-за перепада давления у него изо рта струей хлынула кровь, которую не удалось остановить. Но по-другому сесть было нельзя. А по дороге в госпиталь скончался третий, на сорок минут переживший друзей. Но литер, шедший на Кандагар, такие мелочи не интересовали. Утром все было плохо: жуткий холод, несмотря на солнце, пробирал до костей; заунывный и протяжный голос муллы с ближайшего минарета навевал смертельную тоску. У Виктора заплыл правый глаз и вдобавок невыносимо болела челюсть, так что нельзя было разговаривать и приходилось учиться объясняться на пальцах. Хмурый командир вертолета хоть и мог разговаривать, но похоже мало что понимал. Стремясь поправить положение, бортач предложил выпить и закусить. До третьего стакана дело не дошло. На стоянке с ненавистным названием „литерная“ началась какая-то странная парадно-траурная возня. Командир пальцем попросил „правака“ — правого летчика — выяснить, что происходит, и не сдвинут ли нас в другое место. И, глупо кивая стукнутой головой, попросил сделать это поскорее. — И так стоим тут, как „три тополя на Плющихе“. Вернувшийся минут через пятнадцать пилот сказал, что приказано сдернуть в любое другое место и замереть. — Что, опять съемки? — съязвил кто-то. — Ага. Телезвезда войны снимает очередной боевой сериал. Сейчас свезут человек сто бачат, они будут палить за кадром в воздух, жечь подбитую технику, а он с микрофоном и в новых джинсах станет вещать по Союзу в двадцать один ноль-ноль о том, что враг снова разбит и победа — за нами, — продолжили строить догадки сидевшие в вертолете. — Нет, на этот раз съемки с почетной отправкой, — сказал летчик. — Нам дали десять минут, чтобы убраться с глаз долой. На аэродроме снимали почетную отправку погибшего журналиста. Кучкой стояли верхи армии, провожавшие неизвестного „Скобе“ человека. Для погибшего представителя второй древнейшей профессии был заказан отдельный борт с салоном вместимостью на триста человек, где поставили один-единственный гроб. Этот „тюльпан“ шел с конкретным адресом. К сожалению, такой чести не достаивались ежедневные ноль-двадцат-первые. Бывало, что их, развозя по Союзу, доставляли не по тем адресам. Потом парня из Новосибирска искали во Пскове, курянина на Урале... А обезумевшие от горя родители, найдя своих убитых детей через две-три недели, привозили домой и хоронили, не смея ничего сказать о месте их гибели. На кладбищенских плитах указывались только имя-фамилия, даты рождения и смерти... Все.

Отпускники возвращаются

Забрав из Кабула отпускников, на „Скобу“ возвращались сытые и ленивые. Трезвым был только правый летчик, как самый здоровый и отлупленный меньше всех в ночной баракинской транспортировке „двухсотых“. Когда при тусклом салонном освещении за сооруженным наспех из ящиков с боеприпасами столом подняли третий тост, вертолет качнуло, будто лодку в сильнейший шторм. И одновременно над головой пронесся звук, похожий на сильный продолжительный выдох гиганта. Все, находившиеся в салоне, повалились сначала вправо, а затем, вперемешку с вещами, — влево. Дверца, ведущая в салон, оглушительно хлопнула, как пистолетный выстрел. Безконтрольно болтавшийся еще несколько секунд вертолет с трудом выровнял положение. — 0-0-го! — произнес кто-то. Мгновенно протрезвев и выгребаясь из общего завала, отпускники с экипажем стали наперебой строить догадки. — А „правак“ — молодец, удержал борт, — к Виктору вдруг вернулся дар речи. Отпускник-„дед“, наконец, усевшийся на сиденье и продолжающий держать во рту не прикуренную папиросу, изрек: — Уже второй раз со мной такая ерунда. Это „НЛО“ из Пакистана гадят нам таким образом. Похоже, к нам заходят борта с выключенными огнями, без опознавательных знаков. Видимо, американские Ф-15, у них мощная радиолокация: они хорошо нас видят и стараются так сблизиться с нами, что при проходе чиркают по нам воздушной волной, как лезвием. Мне кабульские ребята на командном пункте говорили, что в последние три месяца стали часто наблюдать на своих радарх эти неопознанные засветки. Они заходят из Пакистана или из Ирана и туда же уходят. — Ага! Ребята из НАТО крылышки точут, сожрать нас хотят, — в Викторе проснулся поэт-юморист. На вновь собранный стол

водрузили начатую бутылку водки, из которой в этой суматохе не вытекло ни капли. Распорядитель пира хранил ее пуще зеницы ока, лежа вверх тормашками под ящиками. — Так, — возбужденно заерзал командир, — „праваку“ благодарность за наши спасенные шкуры, а тому, кто водку русскую сберег, ходатайствуем на орден. За то и выпили. В девять утра было объявлено построение всего личного состава. Обычно на такие построения выполняли все, даже с посторонней помощью. Уж больно веский был аргумент, хотя погода стояла не просто не летная, а даже и не ходячая. Низкие рваные облака, сырые и тяжелые, цеплялись за головы собравшихся. — "...А я в Россию домой хочу, — всхлипнул какой-то «артист», — я так давно не видел маму". Пока ожидали командира, прилетевший ночью отпускник рассказал анекдот-быль. Собравшаяся вокруг него куча народа смеялась так, что вызвала беспокойство местного «энкавэдэшника» — постоянно пьяного, внешне отзывчивого, шупленького старшего лейтенанта. Отпускник поведал реальный случай, который смело можно было назвать анекдотом войны номер один: К его жене в дом постучались представители военкомата с документом на руках, подтверждающим, что муж, то есть он, награжден орденом Красной Звезды. Посмертно. И все бы ничего, и герой наш в данную минуту был, действительно, без признаков жизни. Но, если так можно выразиться, не до самого конца без признаков... Мертвецки пьяный, он валялся в своем гараже, поскольку имел на то полное право — находился в долгожданном боевом отпуске. Как говорится, награда нашла героя. — Равняйся! Смирно! Начальник штаба огласил приказ командира части. Затем сам командир зачитал фамилии людей, имеющих заслуженное право за прошедший месяц быть представленными к высоким правительственным наградам. Такая практика награждения, берущая свое начало еще в славной Российской Императорской Армии, существовала во всех боевых отрядах в Афганистане, и получить незаслуженную награду было невозможно, ибо каждый знал о каждом все. Но в некоторых частях, близких к главному отделу кадров как последней инстанции, выносящей окончательный вердикт о награждении, для особо «нуждающихся» существовала шкала для получения государственных знаков боевого отличия — от четырехсот до тысячи чеков Внешторга, в зависимости от достоинства награды. Порой можно было «сделать» себе орден, не выходя за КПП — контрольно-пропускной пункт. В гарнизонах, подобных «Скобе», за награды платили кровью и потом, ранениями, а зачастую — и жизнью. Таким орденосцам — слава!

Тризна

Вы пали за Русь! Вы умерли за Отчизну! Русский народ за вас отомстит И справит кровавую тризну. "На сопках Манчжурии" Плывшие второй день со стороны Индийского океана набухшие от влаги клочковатые тучи сумрачно заглядывали в каждое окно. Сосед Виктора Шурик, тоскливо перебирающий струны гитары, лежащей у него на животе, бубнил уже в десятый раз: — И летать уже обрыдло, а не летать еще хуже. — Вот сейчас и полетим, — Виктор приподнялся. Из приоткрытой двери торчала голова посыльного. — Товарищ капитан! Вылет. — Накаркал, — быстро одеваясь, бурчал Виктор. Четверка бортов с поисковой группой, облизывая скалы, неслась в сторону Бараки. Надо было забрать одного «двухсотого» с высокогорной заставы. Шли очень осторожно, видимость была не более трехсот метров. По лобовому стеклу вертолета ползла плотная лужа, дворники не успевали справляться. На подходе к цели видимость заметно улучшилась. Точка находилась на высоте три с половиной тысячи метров. Площадка была настолько мала, что посадить ювелирно можно было только один борт, что и сделал Колька-ас, прилипнув к скале сразу тремя стойками шасси. Остальные борта терпеливо ожидали, встав в круг. «Двадцатьчетверки» зорко простреливали местность, создавая надежную защиту. Навстречу спрыгнувшему с вертолета Виктору бежало какое-то лохматое, грязное чудо в офицерской без погон шинели, волочащейся по земле. — Ты кто? — оторопел Виктор. — Кого забирать? — Вы его в Кабул или на "Чайку"? — вопросом на вопрос ответило подбежавшее чудо. — По такой погоде только на «Чайку», на Кабул — ночью. — Тогда погоди еще минут десять, сейчас закончу операцию. Я здесь вроде как медсестра, — чудо, наконец, представилось. Кто она такая и как сюда попала, было совершенно непонятно, но на войне удивляться не приходится. Потрясало не то, что она вообще оказалась на этой забытой всеми точке, а то, как медсестра делала операцию. Парню с заставы, насчитывающей всего семь человек бойцов с лейтенантом и этой девчонкой, во время ночного боя пуля попала в живот, разорвав желудок. И эта самоотверженная медсестра зашила его, имея в руках ритуальный «духовский» кинжал, анашу, совершенно неизвестно откуда попавшие сюда две бутылки минеральной воды, иголку с нитками и фляжку со спиртом. Спирт с анашой заменяли наркоз. Завершив операцию и перебинтовав раненого застиранными бинтами, медсестра дала команду, и солдата на грубо сколоченных досках аккуратно перенесли на "восьмерку". Со всех бортов на площадку сбросили весь имевшийся запас продуктов, медикаментов и боеприпасов. Это все, что могли сделать в тот момент вертолетчики для бойцов заброшенной в горах маленькой заставы. Ночью того парня переправить на Кабул не удалось. Из-за плохой погоды ни один борт ни из Кабула, ни со «Скобы» взлететь не смог. Несмотря на то, что анестезиолог «Чайки» Игорь насколько мог очистил рану, состояние раненого ухудшалось. На рассвете развиднелось, и четверка «Скобы» унеслась с ним в Кабул. Все тридцать пять минут полетного времени вертолеты качались, как маятники, на высоте пятидесяти метров, чтобы не попасть под пулеметный обстрел "духов". Но ворвавшись в Кабул с юга, при выходе из ущелья левым разворотом, пилоты не успели ускользнуть от очередной «духовской» уловки-капкана, и ведущая «восьмерка» со всего маху треснула мордой об огромный воздушный змий. Невинная, на первый взгляд, ребячья забава, на самом деле являлась новым тщательно спланированным бандитами приемом борьбы с нашими воздушными средствами. Ребячишки, совмещая детское развлечение с ощутимой финансовой выгодой, конструировали этих летающих паразитов и терпеливо ждали на крышах своих дувалов зеркального солнечного луча от наблюдателя. Тот, находясь в таком месте, чтобы слышать

издалека звук подходящих бортов, в нужный момент зеркалом давал команду ребятишкам на подъем змия. Вертолеты, выскакивающие из ущелья в город, не сразу могли выбрать нужный курс полета, а так как путь до госпиталя над Кабулом около семи минут, то нужно было обладать незаурядным летным мастерством, чтобы своевременно уходить от внезапно взлетающих многометровых чудовищ. На руку «духам» была и устойчивая роза ветров. И хотя воздушные змеи серьезной опасности не представляли, все-таки нервы выматывали изрядно. Приходилось постоянно менять курс и высоту полета. Сегодняшнее разбитое лобовое стекло советского вертолета дало возможность неизвестному мальчишке положить в карман тысячу афганий — существенные деньги при их нищете. После выгрузки раненого на госпитальной аэродромной площадке днем отоспались, а вечером провернули удачную сделку с начальником продсклада — жуликоватым прапорщиком-азербайджанцем. Душой войдя в тяжелое положение далекого гарнизона, снабженец выдал все — яйца, сгущенку, колбасу — оптом, правда, с одним условием: десять процентов продуктов остались ему в знак благодарности: — Дарагой, сам панимаишь, кушать все хатят, да?! — пожав на прощанье липкой ладонью руку Виктора, лебезил он. В наушниках пилота прозвучала команда: — Борт 1564, вылет разрешаю! Вырулившая на взлетную площадку пара «Скобы» замерла в очереди. За спиной согревали душу полтонны продуктов. Сердца томило сладкое предвкушение благодарности однополчан. Наблюдая за разбегом АН-12, после которого предстояло взлетать экипажу «Скобы», бортовой народ позволил себе наспех перекусить забытыми на вкус деликатесами. Вдруг в кабине стало светло, как днем, от яркой вспышки посредине летного поля, а через секунду пахнуло жаром и докатился звук оглушительной взрыва. Взлетающий АН-12, едва оторвавшись от земли, разорвался в воздухе и, перевернувшись на спину, пропахал около трехсот метров, полыхая, как факел, и разлетаясь на десятки кусков. Потом замер на последней своей стоянке, прихватив на тот свет экипаж с семьюдесятью шестью пассажирами. Со всех концов полосы к самолету кинулись люди для спасения живых. Но живых не было. Самолет за несколько минут сгорел дотла, оставив воронку прожженной земли глубиной в пять метров. — А ведь это могла быть очередность нашего вылета, — угрюмо произнес борттехник. Причину гибели того борта следствию установить так и не удалось. Как и во многих подобных случаях. Их списала война. На «Скобе» сегодня намечался праздник, запланированный еще несколько дней назад. Получка — всегда маленькое торжество, хоть на войне, хоть в мирной жизни. В это время все становятся добрее дружелюбнее. В голове зреют планы, в зависимости от ожидаемой суммы и личных запросов. Но столь долгожданный праздник сорвался, впрочем, не в первый раз. Самое уважаемое в этот день лицо части — начфин валялся в своей комнате, не дотянул до кровати двух метров, нос к носу с преданной дворнягой. У пьяницы-финансиста в такие дни было единственное любимое место — угол комнаты у собачьей кормушки. Этот парень был сослан на войну за безпробудное пьянство во время службы в Уральском военном округе. Надежда жены излечить его войной как последней инстанцией не оправдалась. Мужик умнее не стал. Это была не редкая горькая быль войны. Во втором часу ночи Виктора из общей команды, где проходили "черные поминки", властно поманила природа. В кромешном мраке не виделось ни единой звездочки, кроме угрожающего серпа луны, мерцающего светом чужой веры. Спотыкаясь и бормоча он через несколько неуклюжих шагов уткнулся своим лбом в плечо сотрапезника по мрачной тризне. Вова Третисов, «нелетающий» пилот, который, в свою очередь, уперся лбом в какой-то столб, образуя собой живой контрфорс, что есть сил, справлял естественную малую надобность и мучительно цедил сквозь зубы: — С-с-стри...с-стриляйти! Вон они, гады! Всех и-их пир-р-ри-и-стри-ляйтиии!!! Виктор только удовлетворительно мычал, чувствуя плечо однополчанина и слыша это: — С-с-стриляйти-и-и! С последними звуками малой "боевой операции", вероятно, иссякли последние Вовкины силы и он вполне закономерно приземлился, соскочив с опоры и шмякнувшись носом в песок. Виктор чудом устоял на ногах, хотя здорово треснул лбом о надежную конструкцию местной линии электропередачи. Это его слегка отрезвило. — Ну пошли, бедолага, пошли, — наивно предложил Третисову «трезвый» Виктор. Однако из доброго совета, конечно, ничего не вышло. Тогда он взвалил товарища на плечо и бережно поволок к его обиталищу. Носки ботинок утомленного однополчанина волоклись по песку, прочерчивая две строго параллельные линии... Вовкина жена, больная тяжелейшим нервным расстройством, вместе с ребенком уже несколько лет лежала в закрытом НИИ. Владимир был им единственной жизненной опорой, больше — ни родни, ни свойственников. И тут его по издевке судьбы отправили на войну одним росчерком пера. Начальник кадрового отдела дивизии прекрасно знал, что этого делать нельзя ни по каким человеческим законам. Но факт тяжелейшей семейной ситуации не был убедительным для верхов. На «Скобе» о ситуации Третисова отцы-командиры знали и в боевые вылеты не пускали ни под каким видом. С первого дня его прибытия на базу они насколько могли берегли Вовку ради больной семьи, беззащитной перед жестокой судьбой. Мужик страшно переживал свое исключительное положение. Для поддержания боевого духа и летных навыков ему иногда поручали дежурные облеты вокруг аэродрома в относительно безопасной зоне. Все на базе относились к нему как к большому ребенку, который требует защиты и понимания. И сегодня он напился, заливая спиртом свою и общую для ребят кручину. Вся эскадрилья перепилась от братского горя. В солидарность с Батиной "Чайкой". Тризна была в среду, а в минувшее Воскресенье трое Батиных подчиненных на «бэтээре» должны были проскочить до вертолетчиков и обратно для решения штатных вопросов. Такое задание было обычным и частым, не грозило нештатными ситуациями в спокойной двадцатикилометровой зоне. — Утром выскочим, пару-тройку часов побудем на «Скобе» и к пятнадцатиноль-ноль домой, — планировали мужики. Батя назначил командиром группы двадцатипятилетнего капитана Сергея, с ним отправил сержанта и рядового водителя-пулеметчика. Троица русских спозаранку после батиного «добро» густо запылила в сторону «Скобы» по заезженной грунтовке. Сергей, сидя у носового пулемета машины, цепко следил по всей «зеленке», крутя головой на триста шестьдесят градусов. Девятнадцатилетний пулеметчик в любую секунду был готов к команде от капитана, чтобы наступить обеими ногами на гашетку. Выгоревшие холмы

предгорья, звенящее солнце и рев движков были их повседневной здорово поднадоевшей обстановкой. На полпути после форсирования большого арыка на довольно крутом подъеме двигатель внезапно заглох. Машина по инерции дернулась было вперед, но с утратой поступательной мощи принялась медленно съезжать по склону и тут же была зажата тормозами. Выглянувший на свет чумазый Толька честно высказал двигателю все, что он о нем думал. Хитроумная железка думала, видимо, что-то о своем металлическом и пренебрежительно молчала в ответ. — Во вляпались! Ну не ближе, не дальше... Сергей приказал сержанту подняться на холм для прикрытия на время ремонта движка, а сам с водителем загремел капотом и ключами. Минут через двадцать стало ясно, что это надолго. — Часа три проторчим, — натужно ругаясь, бурчал из под машины, как из колодца, водитель. — Ведь не хотел же на этом рыдване ехать. Битый он весь перебитый. Одних подрывов на нем за полгода штук десять. — Ладно, не кисни, есть еще время, — одернул водителя Сергей. Он прикидывал по карте, стоя на башне машины, куда быстрее добраться своим ходом, если через два часа машина не будет восстановлена. На «Скобу» вроде бы чуть ближе, но опаснее: придется идти через густую «зеленку». К себе на «Чайку» спокойнее, но дальше: дорога холмами вверх-вниз... При этом он пытался рассмотреть сержанта на вершине, которому через каждые десять минут было приказано давать знать о себе ударом запасного магазина по стволу, мол — все в порядке. Сержанта не было видно. — Может на время не посмотрел? А может за грохотом нашего железа я не расслышал сигнала? — старался мысленно успокоить себя и за одно оправдать подчиненного Сергей. Но в сердце уже прокралась тревога... — Слушай, я проверю, что с Петром. Ты вылезай и прикрой, бросил капитан. Водитель с лицом цвета внутренностей выхлопной трубы молча развернул пулемет по направлению к вершине холма. Петра капитан увидел сразу. Сержант сидел в странной позе спиной к нему, низко наклонившись вперед и чуть раскачиваясь. Позвав вполголоса сержанта, капитан уловил характерный шорох камней и тут же понял: — Засада! В этот момент Петр вяло повалился на спину. Из обоих глаз торчали рукоятки специальных ритуальных кинжалов, горло было стянуто тонкой петлей, уши отрезаны, лицо неимоверно вздулось. Сергей мгновенно рухнул на землю и зазмеился за ближайший валун. Но было поздно. Трое «духов» облепили его со спины и мгновенно растянули. Двое в разные стороны руки, а один обхватил обе ноги, насмерть прижав их к себе. Тут же выросший, как из-под земли, четвертый душман всем весом сиганул ему обеими пятками на позвоночник. От режущей боли молнией полыхнуло в глазах и нутре. С потерей сознания мгновенно наступила глухая ночь. Всего же бородатых было около десяти человек. Полуголого капитана со скрученными намертво руками и ногами, на которых от напряжения вены вздулись до черноты, «духи» попарно и часто сменяя друг друга волоком тащили по каменистой тропе к своему логову. Примерно через сорок минут его с разодранной кожей, черной от крови, перемешанной с землей, пылью, песком, доволокли до дувала, затащили во двор и пинками свалили в про хладный трехметровой глубины погреб под навесом. От озноба капитан вскоре очнулся и мучительно застонал. Всем напряжением сил претерпевая адскую боль, он попытался определить свое местонахождение. Извиваясь ящерицей, насколько позволяли пути, он прошупывал саднящим лицом окружающее пространство. Натолкнулся на что-то мягкое. Повозив лбом и щекой по найденному предмету, Сергей понял: чей-то труп. Изогнувшись кольцом, он перебрал тело в сторону. Таким образом нащупал еще один труп. Лизнув языком находку, он по свежей крови определил, что погибшие были прикончены недавно. До мучительной рези в глазах всматриваясь в сумрак погреба, он разглядел, что на убитых остались только трусы, животы вспороты и пусты, головы сильно сплющены. — Это ведь мои бойцы! Мучительная боль пронзила его сердце. Лишь оно в его еще сегодня утром молодом и здоровом теле, сейчас превращенном в сплошную кровоточащую язву, не было изранено. А теперь и оно нестерпимо болело от нравственной муки. Это ведь он — старший в группе, командир — и есть главный виновник их гибели. И только другая, странная для живого человека мысль утешила его. — Я буду с ними. Я буду третий. Батя четвертый час метался по классу боевой подготовки вокруг карты местности. Он понял, что произошла непоправимая ошибка. Никак нельзя было посылать латанный «бэтээр» в одиночку. И виноват в этом только он один. Бачата видели, что Батя вот-вот укусит собственный локоть от яркой злости на самого себя. Доверился недавним оперативным донесениям ХАДовцев: в районе все спокойно, а они же сами сегодня донесли, что есть подозрительное скопление людей как раз в нескольких километрах от трассы "Чайка"-«Скоба». Было от чего кусать локти. Контрольная связь со «Скобой» выявила, что посланный экипаж не прибыл к месту назначения ни в срок, ни через час. Подобные ошибки на войне случаются даже с самыми лучшими, самыми дисциплинированными командирами, которые готовы сами умереть за любого своего бойца. Бдительность иногда тоже хочет спать. Такова правда жизни. Усиленная группа разведки, высланная по маршруту следования, нашла на полпути брошенный «бэтээр», по которому было ясно: произошла поломка и его пытались ремонтировать. Следы крови и борьбы: рядом с «бэтээр» и на вершине холма. Батя вместе с подчиненными, анализируя скудные подробности случившегося, в единой душевной тревоге исползал по карте квадраты бумажной «зеленки» вдоль и поперек. Наконец общий план действий определился. Направление поиска предполагаемой бандитской базы передал местный лазутчик из ХАДа. В два часа по полудню операция поиска пропавших бойцов началась. Капитану в его подземелье слышались грегочащие голоса, гортанные звуки. Крышка погреба открылась, и в створ свесилась косматая голова, которая что-то гыркала на своем наречии и сочилась довольствием. В яму сунули лестницу и по ней спустились трое рослых бандитов в чалмах. Они гогоча с помощью веревок поднимали тела сержанта и солдата. Затем один из них разрезал пути на ногах Сергея. Пинками и криками со всех сторон они явно требовали от капитана, чтобы он поднялся с земляного пола самостоятельно. Но затекшие ноги от потоках хлынувшей в сосуды крови поначалу даже не шевелились, а только гудели жаром и наливались новой болью. «Духи» опять-таки пинками в течение нескольких минут разработали занемевшие мышцы пленника. Все это время они ржали, явно предвкушая только им ведомое удовольствие, которым они рассчитывали

удивить свою живую добычу. Это ржание поддерживали и постоянно заглядывающие в зев ямы улюлюкающие головы. Сергей по очереди подтянул под себя колени и потом, опираясь о лестницу то лбом, то подбородком, медленно начал подниматься с колен. Не желая показывать излишнюю слабость врагу, он так же медленно и упорно стал перебираться со ступени на ступень. Но веселящимся зрителям видимо наскучило представление, так как теперь они видели не слабость побежденного, но несгибаемое мужество русского воина. Они по деловому стали подталкивать капитана снизу, а кто-то ухватился обеими руками за его подбородок, затылок и так прямо за голову рывком вытянул Сергея из подземелья. Его поставили на ноги и разрезали путы на руках. В глазах плыли огненные круги и нещадным пламенем горела спина. Видимо треснул позвонок, когда в момент захвата ему сиганул обеими ногами на поясницу здоровенный лохматый «дух». Подталкиваемый в спину Сергей сделал несколько мучительных шагов из-под навеса и оказался посреди весьма просторного двора или даже площади бандитской базы. Очертания этого залитого солнцем пространства постепенно проникали в его сознание. Говорить и даже пошевелить языком он не мог: язык был перекушен, когда его выдернули за голову из подземелья. Горячая кровь наполнила рот и обильно текла по губам, подбородку, груди. Прямо перед ним в нескольких шагах находилась большая яма, видимо, не такая глубокая, как недавнее подземелье. Об этом можно было судить по длинному примерно трехметровому шесту, который иногда опускал туда один из «духов». Он шурудил там шестом и что-то пытался выловить наверх. Шест погружался только на две трети от своей длины. У самого ее края лежали изуродованные до неузнаваемости трупы Петра и Анатолия. Ножом «духи» отрезали или отрубали у них части рук, брюшины и эти куски на шесте опускали в яму. И там начиналась какая-то возня с диким писком и высоким гортанным рыком, чем-то напоминавшим визгливую речь веселившихся «духов». Стоявшие вокруг от души развлекались, но когда один из шутников попытался играя подтолкнуть в яму другого, то получил злобную оплеуху, раскрасившую ему морду. И все на мгновение стали серьезным и злобно закричали на «шутника». — Кому же они кидают человечину? Людоеды там что ли? — без доли эмоций пытался думать Сергей. И тут по шесту метнулась из ямы черно-бурая мохнатая масса с голым хвостом. Зверюгу величиной с толстенную кошку тут же стряхнули обратно в яму. — Крысятник! — от омерзения и ужаса помертвел Сергей. Он представлял в вялых измученных всеобщей болью мыслях любые пытки, думал, что будут его полосовать ножами, жарить на солнце. Но такую смерть — быть сожранным заживо крысами, которую, видимо уготовили для него озверевшие «весельчаки», он представить не мог, хотя когда-то слышал, что будто бы на Востоке существовал изощренный вид казни с помощью громадных арычных крыс, специально прикормленных на человечину. Он не пошевелился, не сказал ни слова. Просто не мог. И на лице, точнее на том месиве, которое осталось от него, никакая эмоция не могла быть выражена. Но его чувства выдали глаза, расширившиеся от мерзящего ужаса. Изуверы, чутко улавливающие подобные специфические нюансы человеческой психики, просто взвыли от радости и счастья. Банда «духов» наслаждалась этим мертвенным ужасом вместе с сонмом настоящих духов злобы, которые из своего потустороннего мира упивались эффектной картиной кровавого пиршества, сдобренного настоящим мертвенным ужасом живого мужественного человека. Вот мистика их пропитания в вечной кровавой кухне войн, убийств, злодейств, предательства и почти бесконечной, безкрайней злобы! — Где Ты, Бог, если Ты позволяешь нам вершить такое?! Вот в чем был смысл этого гортанного радостного крика духов и «духов». Почти вся чалмоносная гуца тел, создавшая большое кольцо вокруг крысиной ямы и Сергея, в раскачку закружила в удивительном хороводе, превратившись на мгновение в единое целое, в единое извивающееся змеиное тело, жаждущее духовного уничтожения русского воина Сергия. Вдруг пляска разом оборвалась. В гробовой тишине, которую нарушало только приглушенное попискивание из ямы, двигаясь по-восточному вкрадчиво, медленно, мерцая глазами сквозь напрочь заросшее густым черным волосом лицо, к Сергею подходил толстый «дух». Стоявший уже не здесь, находившийся вне земного, воин вечным взором смотрел прямо в глаза изувера, влипшие в его лик. Через минуту такой дуэли взоров бандит что-то отрыгнул голосом. К Сергию юлой подскочил, можно сказать, интеллигентного типа «духовский» единовец, но по роду-племени явно отличавшийся от остальной братии. Внятно и опять-таки по-восточному вкрадчиво, но совершенно без акцента по-русски тип произнес: — Жи-ы-и-ить хочешь?... Вижу... Очень хочешь! Дочь есть? Сын? Мама-папа есть? Есть. А жена-красавица ждет? Очень ждет!!! Да-а-а-а? Некогда славянское лицо вопрошателя существовало какой-то двойной жизнью. Оно еще физиологически жило в прежнем бытии, произнося русские слова, а душевно уже полностью переродилось на чужеземный лад. Это невольное внимание капитана к игре его лица мусульманский неопит-соблазнитель истолковал, как пробудившийся интерес русского воина к спасительной зацепке выживания любой ценой. Столь же по-азиатски сладко он продолжил: — Шанс тебе начальник дает. Домой отпустить хочет. Нужен пустяк... Столкни своих в яму... Жирный «дух» в странном безпокойстве притянулся к лицу русского. Сергей вновь отсутствовал. Русский был вне беды. Вне здешних событий. Переводчик в ожидании на мгновение заерзал: — Ну, толкни ногой. — его голос уже терял сладость и прибрел едкие нотки. — Они ведь трупы, — доходчиво пояснял он, — они уже подошли. Толкнешь и жену потом увидишь. А хочешь, с нами будешь... Уважаемым у нас будешь. «Дух» нависал справа, а «душок»-интеллигент слева. Напрягая волю Сергей сделал шаг к яме, к своим товарищам. Еще один. Спутники несколько воспряли, хотя по лицу Сергия ничего понять не могли. Он сделал еще шаг и закачался. Они его как то даже услужливо поддержали, мягко подталкивая вперед, приглашая сделать еще один, последний шаг. Капитан не двигался. Этих двоих, да и всю толпу вновь начинала разбирать злость. — Ну?! Русский?!. От согласного кивка его головы «духовскую» кучу качнуло. Гортанное: — Ха-а-и-и!... — взорвало воздух и вновь повисла звенящая тишина, чуть подмешанная крысиным писком. Толпа в особой духовной жажде сузилась к русскому капитану и мученическим телам его подчиненных. Крысы клубились в яме в два-три слоя, деловито переползая друг по дружке или суча лапами по

глиняным стенам их вместилища. В следующую секунду толпа онемела. С криком: — Ма-а-ма! Мам-ка-а! — Сергей воздел на уровне плеч руки и... все. Толпа отпрянула. На краю громадного крысятника лежали два изуродованных тела русских солдат, но там не было ни капитана, ни интеллигента, ни заросшего щетиной «духа». Из ямы взвился хриплый рев нечеловеческой боли, хрыканье сотен челюстей и почти младенческий визг этих странных животных, и еще треск пожираемой плоти и мелких костей. Все еще не верящие в случившееся нелюди вперились в дымящееся живой кровью дно, в окно преисподней, где куча четырехлапых черных гадин жадно вгрызалась в человеческую плоть. Упоенные кровью животные стали бросаться друг на друга, и злейший мстил смертью слабейшему. Над ямой повисло тошнотворно-сладкое марево смерти. Через несколько минут пиршество кончилось. Два дочиста обглоданных скелета, трупы десятков крыс и почти нетронутое тело русского капитана, который, видимо, умер от перелома позвоночника и болевого шока. На «Чайке» в бой рвались все как один. Из госпиталя выползли даже лежачие. Но только восемь «бэтээров» с лучшими из лучших, со злейшими из презлых, взревев двигателями, колонной ушли с конкретной задачей каждому. Две с лишком сотни оставшихся на «Чайке» бойцов, рвавшихся идти с освободительной ратью, приказами и руганью командиры загнали за КПП на территорию гарнизона. На выявленную базу душманов выходили с пяти сторон в зловещей тишине. «Бэтээры» заглушили в ложбине за несколько километров. Зависшее на закате солнце не торопилось избежать созерцания торжества справедливости. И даже обнаружившая десантников за сотню метров до базы «духовская» засада уже ничего как щит не решала. Банду рвали на куски голыми руками и вырезали ножами без единого выстрела. С сомкнутыми губами, со стиснутыми, зубами, с гортанным сипом на выдохе: — Хак!..Хак!.. Шакалов-нелюдей рубили прикладами, рожками автоматов, саперными лопатками. Их втоптывали в землю, крушили им ребра и черепа. Вскоре к базе подошли и затаившиеся «бэтээры». Через полчаса все группы сомкнулись на главной площадке «духовской» базы, в центре которой располагался крысятник. У русских легко ранены были двое. Тушами дохлых «духов» была завалена вся площадь. Несколько избитых служителей восточного ритуала жались вплотную друг к другу подле сатанинской ямы. Их крупно лихорадило. На них вроде бы не обращали внимания. Видели только тела двух наших ребят на краю ямы и лежащее навзничь тело капитана вокруг которого сонно клубились жирные туши черных арычных крыс, каждая величиной с персидского кота. Автоматчики выпустили несколько магазинов по животным-людоедам. В яму опустили несколько досок и лестницу из погреба. Нашедшиеся сами собой добровольцы обмотали руки тряпьем, руки и ноги густо облили соляжкой, чтобы отпугнуть оставшихся после расстрела живых крыс, обвязались веревками и без опаски, без брезгливости спустились на дно ямы. Они бережно извлекли изуродованное тело русского воина Сергея. Лестницу и доски убрали. И только после этого как бы невзначай «заметили» кучку испуганных бандитов. — Кто организатор?! Зверье! Кто рвал на куски моих ребят?! "Духи", впившись стеклянными от ужаса глазами в Батю, лязгали зубами. Десантника самого трясло, но он изо всех сил сдерживал предательскую дрожь: перед его взором были истерзанные тела рядового, сержанта и капитана. — Кто выдаст зачинщика оргии, обещаю живым сдать в ХАД. Слова звенели в вечернем воздухе дамасской стали. «Духам» перевели. — Времени у вас одна минута. На шестьдесят первой секунде при невыполнении приказа всех сожгу в крысятнике. Опять заговорил переводчик. Батя взглянул на часы. Через десять секунд «духи» вытолкнули из своей среды двоих неистово забесновавшихся и орущих собратьев. Оба повалились на землю и с истинно восточной церемонностью, извиваясь, поползли к ногам русского командира. Они визжали, тыкали друг в друга пальцами, указывая, кто же виновнее. Не доползли. Сгорели заживо расстрелянные из ракетницы. Оставшихся четырех «духов» обмотали тряпьем и обвязали дохлыми крысами. Четыре кулька привязали к машинам и медленно отволокли в ближайшее подразделение ХАДа. Доставили живыми. Батя слово сдержал. Гарнизон был мертв о горя. Триста человек плакали не шевелясь, не разжимая зубов. На трех плащ-палатках несли русских мучеников. Три русские мамы разрешились с бедой каждая по силе своей душевной стойкости. 37-летняя мать, сросшаяся во едино с могильным крестом мученика Анатолия, не дала себя увести на поминки. Утром на кладбище у односельчан захолонули от ужаса сердца: они увидели восьмидесятилетнюю совершенно седую старуху с навсегда потухшим взором. Сержантская мать на девятый поминальный Петров день, с вечера помыв своих младших деток, уложила их спать. Когда чада уснули, тихо прикрыла за собой дверь дома. В обед следующего дня соседи обнаружили ее повесившейся в хлеву и бережно извлекли из петли. Мать офицера Сергея — Валентина Ивановна, русская учительница из зауральской деревеньки на сороковой день после похорон раздала свое небогатое добро, поклонилась кресту сына-страстотерпца, затем склонилась молча в ноги всем собравшимся за околицей скулящим бабам, детишкам и нервно курящим мужикам, попросила у всех прощения и ушла в монастырь. Видно, услышала она своим сердцем предсмертный и победный зов Сергея: "Мама! Мамка!" — и последовала этому зову... Мать воина Сергея, бывшая в миру Валентиной, помолилась Богу за нас грешных и прости, если сможешь...

На курорте

Ночью безсовестно вылупившаяся на свет Божий луна нахально заглядывала под каждый кустик и камешек. Ежась от ночного осеннего воздуха, командир пары бывалый «ночник» Колька мысленно прикидывал шансы перелета на Кабул на предельно малой высоте. У него уже был опыт подобных авиатрюков. О них знал даже командир эскадрильи, но Кольке пока все сходило с рук. То ли этому способствовала пилотская кураж-отвага, то ли командир понимал, что ночью при полной луне идти с курсом 210 на высоте четыре тысячи метров не было все равно никакого смысла, поскольку на фоне ослепительно белых от лунного света облаков две точки — «восьмерки» все равно отчетливо видны, и сбить их не представляет «духам» никакого труда. Уже на выруливании было принято

невинное решение — идем на пределе... Мировая пилотская практика вряд ли имеет такой опыт в своих анналах. Каждый, находившийся в тот момент на борту, с надеждой думал: "Ну, может, и на сей раз пронесет!" Идя строго над «кандагаркой» на десятиметровой высоте, чтобы не сбиться с курса, в Кабул вошли через тридцать пять минут. Зарулив на стоянку и выключив двигатели, все находившиеся на борту стали, как по команде, шумно водить носами по сторонам. — Что-то тухлым пахнет... Виктор осторожно откатил люк. Стоящий рядом аэродромный техник с замотанным полотенцем лицом без лишних вопросов разъяснил источник вони. Перемешивая нормальную речь крепким солдатским сквернословием, не глядя на спрыгивающих на бетонку пилотов, он бормотал себе под нос: — "Духи" за весь год на «полтинник» сбросили один единственный снаряд и тот, сучец, угодил точно в нужник. (Тра-та-та). Теперь весь гарнизон сутки ходит в (таких-то) противогазах, а тужиться бегаем к минному (такому-то) полю, потому как оно (кто-то знает) где, то ветер относит запах на ближние дувалы. Это им, гадам, за то, что решили пошутить — теперь пусть, суки, дышат нашим свежачком. Долго стоять в Кабуле не дали. Через час открыли коридор на Джелалабад, куда шла пара «Скобы». У этих «восьмерок» вышел летно-технический ресурс по некоторым параметрам. А в Джелалабаде находилась ремонтная база «Скобы» с рыболовным позывным — "Омар". Ребята с удовольствием летали туда, хотя по опасности этот гарнизон в настоящих среднеазиатских джунглях был ни намного спокойнее Газни. Но возможность в течение недели отдохнуть в местных субтропиках притупляла брюшной холодок естественного человеческого страха. "Омар" предлагал массу удовольствий для неизбалованных санаторными удобствами мужиков со «Скобы». Там даже поздней осенью температура стояла 50 градусов выше нуля при полном безветрии в оазисе сочных джунглей. Попадавшим сюда впервые, гарнизонные старожилы минут эдак через пятнадцать деликатно намекали, что открывшийся от удивления рот можно уже и закрывать. После несколько чванливого Кабула гостеприимство местных ребят было непривычно радушным. Не отличаясь от «Скобы» ни жилыми зданиями, ни аэродромными постройками, «Омар» ласкал глаз небывалой мощью южной зелени. Даже в полночное время все говорило о близости субтропиков. Черное небо, усыпанное крупными звездами, как китайскими фонариками, и на горизонте — знаменитый Южный Крест... А воздух! Он был напоен густой теплотой и пряным ароматом экзотической растительности. От всего этого млели перемерзшие на высокогорье скобяные мужские косточки. Нет, даже на войне существуют свои маленькие радости! Окончательно гости уверились, что они находятся именно на «Омаре», после нахального таможенного досмотра их карманов, который учинила местная знаменитость — обезьяна Кешка. Бойкий примат, не обращая внимание на умиление вновь прибывших, после осмотра нательного белья стал спокойно потрошить их сумки. Профессиональное чутье старого алкоголика помогло Кешке в течение одной минуты найти вожделенный тайник — фляжку со спиртом. После чего он, непрерывно роняя конфискованное добро и абсолютно игнорируя возмущение оторопевших гостей, затрусил к себе в домик. — Фляжку отдай! — рявкнул Колька. Но было поздно. Кешка, уже успев закрыться изнутри, стал показывать через решетку язык, одновременно затягиваясь прикуреной у солдата-дневального сигаретой. — С приездом! — хохотали местные. Передав на следующий день технику полковым умельцам, все отправились на бучилу. Бучила или широкий арык с благоустроенным деревянным пирсом-пляжем был одним из основных видов отдыха и развлечений свободных от полетов омаровцев. При температуре свыше сорока градусов по Цельсию, чистой воде, сквозь которую виднелось глубокое дно, и вертикальном солнце, можно было прекрасно загореть и щеголять этим загаром минимум в течение года. — Лепота-а-а! — жмурясь и хрустя костями, в десятый раз промурлыкал Виктор. Так как пляж был мужской и загорали только нагишом, то рядом нежались еще около пятнадцати адемов. Время от времени каждый вяло поливал себя из самодельной лейки и снова закатывал глаза. В общей тишине и неге через «Панасоник» задушевно предлагала алые розы Алла Борисовна. Евы располагались на пятьдесят метров дальше. По негласному джентльменскому соглашению никто никому не мешал. — Коль, ну что, с неделю отдохнем? — не открывая глаз, спросил Виктор только что вернувшегося однополчанина. Колька обрадовал поднятые головы подтверждением: — Благодать! Благодать продолжалась до четырнадцати ноль-ноль следующего дня. Примерно в час пополудни все, кто минуту назад валялся на пирсе, неслись к командному пункту, надевая на ходу подштаники. Там уже собрались те, кто мог отлучиться со службы, включая работников столовой — все равно кормить было некого. Народ напряженно слушал радиообмен местных экипажей, поднятых по тревоге для оказания помощи ребятам-десантникам из Асадабада. Эта десантная бригада находилась так близко к северозападной части Пакистана, что ту сторону границы можно было четко разглядеть через прицел снайперской винтовки. В джунглях разгоралась привычная бойня. Немногочисленную асадабадовскую группу, ползущую домой, «духи» наглухо зажали на вершине скалы. Взлетевшей четверке с «Омара» из-за большой удаленности от попавших в беду и долгого их поиска не хватило топлива, и они, возвращаясь на аэродром, запросили очередную группу на усиление. Она-то и пыталась снять десантников с кончика скалы. В одну «восьмерку», чудом зацепившуюся стойкой шасси за каменный склон, кучей забрасывали при помощи местной поисковой спасательной группы асадабадовских ребят. Из шестнадцати бойцов четверо были убиты, остальные — почти все ранены. Еще одна «восьмерка» и два Ми-24, взяв в круг скалу, разгоняли бандитов. Так как весь боевой ресурс машин был исчерпан, экипажи стреляли из личного оружия. В «духов» перекидали даже все ручные гранаты. Но те, видимо, убедившись, что русские — «пустые», в наглухую полезли к загружающемуся борту. А поняв, что добраться до него не успеют, начали палить по вертолету из всего, что было под рукой. "Восьмерка", снявшись со скалы, густо задымила, огонь охватил оба двигателя. Летчики решили пойти на вынужденную посадку. На «Омаре» в зловещей тишине слышался только радиообмен. Голос командира вертолета был предельно спокоен: — Захожу на посадку с курсом 360. Руководитель полетов: — Понял. Три полсотни первый, нижнюю границу не подскажите мне? Пилот: —А-а-а, где-то 800... Руководитель полетов: — Понял. Три полсотни первый, как у вас дела? Второй пилот: — Прыгайте! Прыгайте! Три полсотни первый,

прыгайте!!! Пилот: — Горим! Горим! Срывай блистер. Срывай блистер... Прыгай! Вались! Пошел! Руководитель полетов — Три полсотни первый, что произошло?! Пилот: — Прощайте, мужики! Руководитель полетов: — Три полсотни первый, что произошло?! Что такое, три полсотни один?! Второй пилот: — Прыгайте! Прыгайте! Руководитель полетов: — Три полсотни первый, покидайте вертолет! Второй пилот: — Остаток 100. Руководитель полетов — Три полсотни первый! Покидайте вертолет! Три полсотни первый! Я — «Консул», покидайте вертолет! Второй пилот: — Прыгайте! Прыгайте!.. (обрыв связи). Теряющий управление объятый пламенем «три-полсотни-первый» вертолет стал заваливаться с углом за семьдесят градусов кормой вниз. Захлебываясь в реве, люди пытались дотянуться до открытого люка, оказавшегося высоко вверху и вывалиться за борт с парашютом. Все усилия были напрасны. Борт, превратившийся от жара в печь, все стремительнее кренился на несущий винт. Командир вертолета, сидя в летном кресле уже ногами вверх, понял, что спастись с парашютом не удастся, принял решение погибнуть вместе с беспомощными ранеными десантниками. Экипаж по примеру командира в едином порыве отстегнул замки своих куполов. В загоревшейся одежде, теряющий сознание, нажав обожженной рукой кнопку рации, командир по аварийному каналу связи попрощался с однополчанами. Через несколько секунд «три-полсотни-первый», отвесно падая братским огненным шаром, взорвался. Прощайте, мужики. Земля вам пухом. Душам — вечный покой. Командир «Омара» сам поднимал хрустящие останки каждого на борт работяги — «тюльпана». В столовой остались чистые столы, полные котлы и зареванные официантки. В комнате планирования боевых операций за накрытым прощальным столом перед каждой фотографией героев поставили фронтовые сто граммов. Со снимков глядели веселые лики на мрачные лица однополчан. В своей будке тоскливо выл пьяный «таможенник» Кешка. Возможно, главной причиной ухода Кешки в полный запой стала гибель одного из пилотов "три полсотни первого". Добрая обезьянья душа почувствовала, что его лучший друг Серега больше не будет угощать его дефицитным сахаром, поглаживая холку. У безпробудно пьяной обезьяны от тоски по другу, что называется, "поехала крыша". Кешка начал в темных углах приставать к женщинам. Обезьяньего психолога на «Омаре» не было, и после очередного недвусмысленного Кешкиного приставания к официантке, пришлось принять решение: ему преподнесли стакан почти неразбавленного спирта, дали хорошую сигарету и пустили разрывную пулю в затылок.

Грустный концерт

Через неделю на двух залатанных, но пригодных к дальнейшей работе «восьмерках» газничцы вылетели с «Омара» домой, но оказались на двое суток заперты в Кабуле. Индийский океан наглухо перекрыл домашний 210-й курс низко ползущими плотными тучами. Лежа в Ми-8 на диванчике, сложенном из запасных парашютов, Виктор мешал Кольке спать безконечно повторяющимся вопросом: — Что будем делать? Может, займемся чем, а? Николай предложил подмести аэродром. Вопросы отпали. Было холодно. Разглядывая крупные капли дождя, стекающие по блистеру, весь экипаж мысленно уносился под жгучее солнце «Омара». Очередной, десятый, наверное, звонок на метеостанцию неожиданно обнадежил: завтра можно надеяться на «добро». А вернувшийся из подразведки борттехник принес заставившую всех заерзать новость: сегодня здесь, в «полтиннике», поет известный бард. Народу в полковом клубе набилось столько, что экипаж «Скобы» потерялся почти сразу. Каждый искал себе место в одиночку. Первые ряды кресел были, как и подобает, заняты местной элитой. Пришли даже представители штаба сороковой армии, который находился во дворце Амина. Разухабистый внешний вид Виктора, в штопанном-перештопанном летном комбинезоне, с небритой физиономией, дурацкими выгоревшими на солнце усами, наголо остриженной головой и, вдобавок, всего увешанного оружием, послужил причиной двадцатиминутного разбирательства с начальником местного патруля в находившейся неподалеку комендатуре. Никаких документов Виктор с собой не захватил, кроме ядерной русской ругани, но и ее, как ни странно, оказалось достаточно. Начальник патруля отпустил его с единственным требованием — дальше порога клуба ни шагу. Виктор выдал «гарантию», треснув по-братски начальника кулаком в грудь. На сцене популярный бард пел избитому войной народу. Плотнo стоящие в душном, пропахшем потом зале, по крутой тропе и чужой земле снова и снова уходили на караван. И третий тост в оглушительно молчавшем зале мысленно пили за тех, кто пропал... и, как переполненная человеческим горем чаша, под не стесняющиеся слезы солдат, был последний полет к родителям в "черном тюльпане"... На борт брели молча. Бард шел рядом. В грустных мыслях каждого.

Партиец Колька

Рассчитав, что до ближайшего разрешения на вылет остается часов восемь, Виктор договорился с командиром вертолета, что он мотнется на первой подвернувшейся оказии — на БТРе к своему однокашнику Кольке, Николаю Сизову, с которым был по-братски дружен еще с курсантских времен. Коля был сердечным парнем, с душой нараспашку. Знавшие его хотя бы мало-мальски не припоминают случая, чтобы он даже во сне сказал: — Не могу... Или: — У меня нет времени. Сейчас он занимал должность партийного работника и проживал в модуле у штаба своей части, раздислоцированной со множеством других недалеко от дворца Амина. В его небольшой комнатке стены были сплошь увешаны фотографиями его жены Гали и сына Женьки. Несмотря на свое относительно привилегированное положение, Колька из тридцати дней месяца двадцать находился в постоянных командировках на боевых операциях. Но вписьмах жене клялся, что вокруг его здания такая тишина — кроме чириканья птичек ничего и не слышно, а его рабочее место — это кабинет с кучей бумаг, которые ему до смерти надоели. К тому же

по вечерам он от тоски ходит в кино, а по субботам и Воскресеньям рубится в футбол. Виктор застал Николая валяющимся на кровати одетым и обутым с наушниками от плеера. На стуле были остатки закуски: хлеб, килька в банке, из которой торчал штык-нож, и почти допитая бутылка водки. Не то музыка в его «Панасонике» была очень громкой, не то Колька задремал во хмелю, но Виктора он будто не заметил, хотя тот ввалился с грохотом и гамом. Очнувшись только от раскаченной кровати и дзенькнутой о стакан бутылки. — Поставь, — не открывая глаз пробормотал хозяин. — Второй стакан в тумбочке. С закуской только напряженка. Друзья встретились, будто не расставались. — За что пьем? — спросил Виктор. — Давай еще раз третий... — Давай... Виктор понял, что Коля только что прибыл с боевого выхода. — Где? — поинтересовался Виктор. Колька, держа стакан обеими руками, смотрел в пол. — Под пиком горы Агар... — Что — сильно потрепали? — сочувственно допытывался Виктор у однокашника. У Николая было лицо поднявшегося из забоя шахтера. — Не потрепали, а разодрали! Он рассказывал так медленно и с такими паузами, будто говорил сам с собой, мысленно бродя по дымящимся остаткам ушедшего боя. Колонна, в которой должен был идти Николай, формировалась на Теплом Стане. Это место в нескольких километрах от Кабула, которое знали все транспортники. Это была перевалочная база для подготовки перед долгим и опасным переходом по всем тропам и путям в Афгане. Такие колонны формировали бывалые офицеры и прапорщики, за плечами которых были десятки ходок. Они так и значились в своих частях — не по званиям и должностям, а по ходкам. Эти продубленные на жаре и холоде, битые пулями и минами мужики натаскивали в профессионализме новичков-водителей до ювелирного уровня мастерства, создавая в учебных целях различные нештатные ситуации по принципу, как у пилотов, "пеший по-самолетному", максимально близко к предполагаемому. У военных летчиков существовала такая практика: перед полетами на земле пилот брал «игрушечный» самолет и показывал как он будет вести себя в воздухе при определенных ситуациях. Из этого бывало видно; чего от него ожидать товарищам, и какие типичные для него ошибки он мог бы совершить... Совершенно такой же тренаж ввели в оборот и наши зубры-транспортники с ситуациями — горная дорога, туннель, переход рек, подбитый впереди бензовоз и т. д., и т. п. Колонна в основном состояла из грузовых «КамАЗов», «ЗИЛов», «Уралов»-топливозаправщиков, бывших головной болью для всех водителей, ибо в случае попадания даже одного трассера в бензовоз (не говоря о снарядах), свечей заживо сгорали вместе с машинами и водителями — 1-2 впереди и позади идущие транспорты. Горящий бензин широко разливался по дороге огненной рекой, поджигая все, что может и не может гореть. Штатный срок эксплуатации тяжелых машин в Афгане был максимум восемьдесят месяцев из-за разбитых взрыг дорог, но реальная боевая обстановка нередко сокращала и этот без того короткий машинный век. «КамАЗы» с продовольствием «разжижали» собой грузовики с оружием и боеприпасами, поклажей также небезопасной в случае подрыва или пожара. Через определенное количество разномастной техники шли БТРы, танки — примерно один на шесть-десять машин. На них находились группы прикрытия. Прощупывающие до слез в глазах «зеленку», кюветы, дорогу, горы, скалы, реки и вообще все, что являлось подозрительным и опасным. Рядом с каждым БТРом прикрытия шел «КамАЗ» с закрепленной в кузове ЗГУ, готовой в любую секунду по команде руководителя стрельбы искромсать непонравившийся холмик. За гашеткой зенитки сидели такие ребята, что они вмиг стирали в порошок подозрительное место из четырех стволов, а после выясняли, кто там был. Как правило, после минутного «прощупывания» местности там уже некого было о чем-либо спрашивать. Колонна состояла примерно из ста сорока единиц техники. Впереди нее шел танк с катком для прощупывания дороги и принимающий первый взрыв на себя, в случае заминирования. Вся механическая «кишка» разом заскрежетала, закоптила, загремела, переваливаясь с боку на бок, двинулась в свой нелегкий путь от Кабула через Газни и далее до Кандагара, и далее сквозь изнурительно знойную степь Сипедакдашт, переходящую в красные безжизненные пески. Командир колонны подполковник Заборский посадил капитана Николая Сизова в центр группы на бензовоз «Урал». Колька, неробкий парень, согласился с легким холодком, но Заборский уж больно настаивал, зная обязательность, сообразительность и мгновенную реакцию капитана. Это была шестнадцатая Колина ходка. Себя в дорогу он особенно ничем не утяжелял — не разведывал, да и рядом постоянно те, кто прикроет спину. В наиболее опасных местах над транспортной «кишкой» стрекотала четверка «вертушек» с группой ПДГ. Все привалы только по команде. Езда — строго по колею впереди идущего. Влияния или самовольства нередко были смертным приговором, ибо дорога была утыкана неопознанными минами с многолетним сроком закладки. Причем, погибал не только сам разгильдяй, но тянул за собой на тот свет своих товарищей. Шел четвертый час езды. Скорость от 10 до 30 километров в час. Не дорога, а — зигзаг удачи. Водители, кто в черных от пота гимнастерках, большинство с голым торсом, а то вовсе в одних трусах. Автомат с полным боекомплектом под ногами. Стекла обложены личными бронезилями. Снаружи плюс сорок, а в кабине плюс шестьдесят. Глаза, как миноискатели, непрерывно щупают дорогу, изучают, нет ли чего странного в расположении каждого камня, цепляются за любую мелочь. Идет ежесекундный поиск смерти на размочаленной дороге. Отпущенные на жизнь минуты долго и трудно складываются в часы. — Товарищ капитан, воды! — в десятый раз просит молоденький водитель белорус Федька. Сизов протягивает ему вторую фляжку. Всего их семь. Водитель делает пару небольших глотков и старается подольше держать капли во рту. Вода — второе по важности дело после боезапаса. Над колонной чуть левее повисли три красные ракеты. Привал. Глуши мотор, расслабляйся, солдатская душа. Но спускаться на землю с машины строго запрещено — мины. Для выполнения естественных надобностей место одно — с подножки машины. Напротив Николая в кювете кверху пузом лежит дотла сожженная БМП. Он таких машин разных марок и типов только до первого привала насчитал 22 штуки. Обугленное железо валяется на Востоке, а солдатские косточки по всей России. Второй раз позволено расслабиться и бегло осмотреть двигатель (опять же не слезая с машины) перед населенным пунктом Хасанхейль. Гремящий капотом машины Федя вздрогнул от легкого

звука. Сзади стоял старый афганец с пятилетним чумазым мальчишкой. Седой в белой чалме дед держал в руках круглую хлебную лепешку, свежую, аппетитно пахнущую. Федька затарабанил по стеклу: — Товарищ капитан, нам старый «дух» перекусить предлагает. Коля мгновенно включился из дремоты, распахивая вокруг себя навалившуюся жару. Уже на крыле он стал рассматривать старика: — Что хочешь, отец? Афганец, частя непонятными словами, протянул хлеб. Николай несколько секунд изучал добродушного дехканина, и не найдя в его глазах подлости, все же сказал: — Откуси первым, старик. Местный, как ни странно, понял о чем речь. Отломил в том месте, где ему было указано, и съел. Мальчишка с круглыми от любопытства и страха глазенками вцепился в дедову ногу и смотрел на всех сразу. Русские взяли хлеб и отблагодарили старика парой не новых, но крепких сапог и солдатской шапкой. Мальчишке капитан дал пол шоколадки. Через зеркало заднего вида Коля долго смотрел на кланяющегося старика. Ему показалось удивительно странным, что дед сам принес угощение и не клянчил что-то взамен. Хорошая встреча — доброе прощание. Хорошее есть на всей земле. И опять пекло, разбитая колея, мотающаяся машина, пульсирующее марево испаряющегося бензина... И вдруг дыхнуло печным жаром. В небо взметнулся на несколько десятков метров ровный свечной факел, и до горизонта одновременно с накатившимся взрывом зависли, как салютные огни, разлетающиеся куски шедшего впереди топливозаправщика. В хаосе звуков сплелись бьющая десятками стволов ЗГУ, автоматный и пулеметный огонь, и человеческий рев. От чего стереглись, того и дождались. Из-за ближнего дувала «духи» стрельнули из гранатомета в один из бензовозов. «Наливник» вспыхнул и огонь перекинулся на впереди и позади идущие «КамАЗы». Пушечным звуком рвались бензобаки, разбрызгивая вокруг горящее топливо. Черный от гари и грязи Николай с пистолетом в руке, скользя по жирной от разлитого горячего грязи, добежал до ближайшего БМП. Машина совсем не вовремя заглохла. Николай орал лейтенанту: — Сталкивай всех с дороги! Сталкивай, говорят тебе, щенок! Лейтенант, хая свой двигатель на чем свет стоит, запустил наконец машину, раскаленную, как кухонная плита. Бодая стоящие перед ним горящие «КамАЗ» и «ЗИЛ», он попер их на своей бээмпэшной морде прямо на глинобитные дувалы. Не разворачиваясь после этого, резко сдвинулся назад, вышиб с дороги задницей Колин топливозаправщик, обильно струящий бензином из многих пулевых пробоин, но непонятно почему до сих пор не взорвавшийся. Столкнув его задним ходом с обрыва в овраг, БМП сама наполовину сползла туда. Лейтенант, слившись голосом с предсмертным ревом мощнейших двигателей, заставлял свою машину отчаянно карабкаться вверх. Через несколько секунд челябинцу-танкисту удалось спасти агонизирующую «бээмпэшку», выбравшись из почти гиблого места. Вылетев на дорогу, он зажал левую гусеницу, и, крутясь на месте, стал поливать из автоматической пушки всю округу, в остервенении по-прежнему пытаясь переорать мотор. Распластавшийся в липкой вонючей грязи Колька, видел, как во сне: из-за разваленного дувала медленно, раздражающе медленно со ствола гранатомета в руках оскаленного «духа» сошел заряд и, прочертив короткий идеально прямой след, носиком, как лезвием, сбрил голову приподнявшемуся на долю секунды белорусу Федьке. И как бы нехотя продолжая чертить свой след дальше, скрывшись в зеленке с другой стороны дороги разорвался. Какое-то мгновение безголовый Федька вприсядку танцевал на дороге «барыню», хлопая руками по коленям. Потом он завалился на правый бок и долго сучил ногами, будто бежал, при этом мелко трясая кистями рук. Из ровно подрезанной шеи тонкой длиннющей струйкой, постепенно слабея, била, пузырясь, его родная кровь. Федькина голова, петляя и кувыряясь, закатилась в кювет и, залипнув в мазуте, уставилась стеклянными удивленными глазами на Север. Час спустя капитан Сизов трясся в кабине другого топливозаправщика. С Володей из Самары...

Магистраль

На «Скобе» завьюжило, завихрило. Засыпало все снегом, заковало властным холодом, крепким, как тысячелетний камень безконечных гор, основательно и капитально. В Афганистане все было основательно и капитально. Радость похожая на радость, скупая на время, но яркая, как осветительная ракета. И горе, как горе, изнуряющее, звериное от пронзительного осознания, что друга больше нет... Нет, он еще живой в твоих истоптанных, перечеркнутых трассерами мозгах, но обмякший навсегда в твоих деревянных от усилий руках. Горе мрачное, горе горькое. Там настоящим было все. И понимание, что это конец, тоже не требовало никакой проверки. Что это настоящий конец, когда он наступал, понимали мгновенно. Даже морду луны вело набекрень от обстрела. Знаменитая, вошедшая в историю «Магистраль» в декабре 87-го — феврале 88-го многих проэкзаменовала на отвагу и воинскую честь. Для кого-то она, как ни странно, стала гладким, зеркальным трамплином к новым званиям и должностям, а для многих — перерезанной жизненной нитью и дорогой в вечность. В новогоднюю ночь пара «Скобы», приданная гардезскому отряду для усиления, взлетала дважды со «Скобы». И оба раза — «черным тюльпаном». Всего к утру в Кабул доставили двенадцать «ноль-двадцать-первых» и шесть «двухсотых». Как жутковатый новогодний подарок привезли тридцатикилограммовый брезентовый мешок, набухший от черной запекшейся крови, с останками одуревшего от веселья прапорщика-связиста. Он, выскочив в первые десять минут Нового года из связного вагончика по нужде, сдуру заблудился в метели. И, видимо, замерзая и трезвея, ища со страхом свою машину связи, наткнулся на точно такую же, но принадлежавшую царандою — афганской армии. Те, будучи не трезвее залепленного снегом ввалившегося к ним связиста, похватили оружие для самообороны. Но прапорщик оказался проворнее. С криком: "Русские не сдаются!" — он гранатой подорвал себя и еще трех человек из правительственных войск. Да, грустно и глупо. По окончании работы Виктор с экипажем в столовую не пошли, узнав, что в ней сейчас находится известный телеболтун. К нему, из-за его вранья, одинаково относились все: мягко говоря, с насмешкой. Окончательно мнение о журналисте у Виктора сложилось после совместного полета. В тот день мэтр

телевизионного официоза с двумя помощниками, не здороваясь, поднялся на борт вертолета для съемки очередного сюжета, а прилетев, вышел без "до свидания". Его заносчивость и нахальство неприятно резанули тогда простых работяг афганской войны. Поэтому сейчас, прилетев, ребята обошлись в палатке тушенкой со штыка и фляжкой спирта. Уснули не раздеваясь, так как в палатке было около шести градусов тепла. На следующий день, третьего января, в четырнадцать сорок «Магистраль» показала клыки. Взлетев, получили в воздухе привычную, не предвещающую ничего особенного задачу. В тридцати двух минутах полета в сторону Хоста их ожидала насмерть обезсиленная, зарытая в снег группа спецназа с «Чайки». Их крепко потрепали в двухсуточном разведывающем выходе. Домой бачата бати Блаженко продирались с двумя убитыми и двумя тяжело ранеными. Почти все остальные «трехсотые» — раненные. Всего восемнадцать человек. Нашли их довольно быстро по «Комару» и «Факелу» — специальным сигнальным радио и огневым устройствам. После пятнадцатиминутного болтания над ними поняли, что сестя не удастся, так как не позволяла глубина снега. Пришлось затащить спецназовцев на два борта тросами: на ведущий было принято двенадцать человек, на ведомый — шесть. Еще раз пересчитали их, заскорузлых, обледенелых, — слава Богу, все! Домой понеслись молча. Живые отхлебывали из фляжки спирт, бережно передавая его друг другу. Полетного времени оставалось двенадцать минут — почти дома. За бортом наступили легкие сумерки. Машина поднялась повыше для захода на посадку. Все оживились, прильнули к иллюминаторам. От прямого попадания ракеты в ведущий борт хвостовая балка у него отлетела сразу. В легкие Виктора ворвался мощный кислый запах. От стремительно сползшего назад большого клубка тел морду машины задрало почти вертикально. Страшно и осипло заорали все. Виктора, насмерть прижав к себе, выхватил проваливающийся назад из кабины борттехник. Говорят, что в такие мгновения вспоминается детство, дом, или еще что-то из прошлого... Шестеро оставшихся в живых вспоминали потом только вонючее дыхание смертельно раненого двигателя. Рожденный человеком «Стингер» выполнил свое предназначение, убив в спину, у калитки дома. Вертушка грузно врезалась с высоты около тридцати метров в свое же минное поле, не дотянув до взлетной полосы несколько десятков шагов. Виктор выполз первым, так как лежал «удобнее» всех — на груди тел. Летный шлем расколот, соленая кровь струйками льется из носа, рта и ушей прямо за пазуху. ...А со всего гарнизона бегут люди. Он улыбается им, машет рукой. Потом подошел кран, и по его стреле подползли ребята. Говорят, что ему все орали: "Стоять, стоять, придурок, подорвешься!" Да, то минное поле саперы заминировали халатно. Виктор, бродя по нему час, так и не подорвался. Техники разрубали сплюснутый, как консервная банка, вертолет. Разлепляли пассажиров. Повсюду дикие крики и черная ругань... Гораздо чернее ночи, которая вся в горящих фарах. На эвакуацию с минного поля потратили час с лишком. Прошли годы, а он до сих пор по ночам валится в клубке друзей в хвост горящего вертолета. Его жена задумчиво вспоминает, как чувствовала в том январе беду. От мужа больше месяца не было писем.

Кто лучше дрался?

К трем часам утра вся «Скоба», гремя кружками, сипло пыталась округу в радиусе пяти километров зычными голосами: "Вот, новый поворот. И мотор ревет. Что он нам несет?!..." Новый поворот очередной зимней ночью принес на своем борту из Кабула два экипажа отпускников. При скудных военных радостях вернувшихся из-за ленточки мужиков, пропахших женами и ребятишками, в мятой-перемятой повседневной военной форме, с истоптанными неподъемными баулами в руках, ждали как ангелов, вычисляя с точностью до часа время их положенного прибытия. У них, практически всех опоздавших — как же трудно было оторваться от спящего, разметавшегося на кровати малыша, — спрашивали с радостным предвкушением рассказов о доме одно и то же: "Че, опоздал?" "Да, таможня, знаешь..." — отнекивались отпускники. "Знаем мы твою таможню", — понимающе хихикали соседи по модулю, волоча сумки по песку. А потом была масса трепа, хлопанья по плечу... — Генка, а что у тебя такой синяк под глазом? — наконец, после четвертого стакана, рассмотрел Генку-отпускника Виктор. Все заерзали, готовясь услышать нечто пикантное. Но причина появления синяка, увы, оказалась прозаичной. И Генка обо всем честно рассказал. В тот момент, когда «горбатый» после взлета из Кабула достиг отметки 8000 метров и угроза поражения «Стингером» мощной машины, на борту которой находилось около трехсот отпускников и заменщиков, миновала, сорок отслуживших спецна-зовцев, пьяные и одуревшие от счастья, как по сговору, бросились молотить пехоту, начав для разминки с кавказцев и среднеазиатов. Битва была неравная — один десантник против десяти пехотинцев. Спецназ давал выход накопившейся за два года злости. Они в бешенстве орали: — Мы всю зеленку на брюхе исползали, пока вы, абрикосы, по полковым котлам шныряли... Офицерам, попытавшимся усмирить новоиспеченных "заслуженных ветеранов" в этой происходящей по принципу "бей своих, чтобы чужие боялись" сваре, тут же без лишних церемоний расквасили носы и наставили синяков, которые они потом хранили несколько недель, как заслуженную награду. Повальный мордобой, принявший угрожающий для безопасности полета характер, остановил командир лайнера, спокойно объявивший через усилитель: — Если вы, придурки, по счету три не успокоитесь, то на четвертый — открываю люк... Через пятнадцать секунд пришедшие в себя «придурки», продолжая еще шумно дышать и предъяснять друг другу последние претензии, безпрекословно выполнили приказ. В Русской Армии командир — и в небе командир. Утром после теплой встречи отпускников на БТРе, разметая сугробы, прихрустел Аркаша. — Что не слезаешь? Случилось что? — Виктор в летной куртке и трусах ежился возле темного от горя пьяного друга. Случилось давно, а произошло вчера. Вчера пришлось пристрелить Бачу — преданную Аркаше овчарку-трехлетку. Она воевала с ним рядом, нога об ногу полтора года. Это была умнейшая профессиональная собака-сапер. Такие защитники, нередко выполнявшие роль живого ходячего

миноискателя, были изначально обречены на короткую боевую службу. Запахи тротила и прочих компонентов, какими напичканы мины разных стран, разрушали собачий организм. От постоянного вынюхивания и поиска снарядов у псов с ужасающей быстротой разрушалось зрение, слух, обоняние и осязание. Виктор знал о сердечной привязанности друга к овчарке. И недуг, начавшийся у собаки, перенесшей три ранения, две контузии, спасшей более десятка десантников, а однажды — и самого Аркашу, надеялись все-таки одолеть. Надежда умерла последней месяц назад. И до вчерашнего дня слепой, глухой, без нюха, со слезящимися глазами постоянно скулящий пес спал на коврике у Аркашиной кровати. Сегодня ночью Бачу пристрелили. Без Аркаши, но с его согласия, поскольку он не мог больше ничем помочь своему четвероногому другу и не было сил смотреть на его страдания. — Ладно, — тихо просил Виктор Аркашу, робко стягивая его с бронетранспортера, — пошли в хату, помянем Бачу по-человечески...

Чекист

Война шла своим чередом. Ранним утром «метеошник» с недельной небритостью наконец выполз из своей станции и заковылял к командиру эскадрильи давать «метеодобро» на полеты. База вновь ожила. Пилот: — Ноль-семнадцатому взлет? Руководитель полетов: — Ноль-семнадцатому взлет разрешаю. Пилот: — Понял. Взлет разрешен. Правый летчик вел отсчет времени разгона: — 70, 80, 90, 100, НО... Отрыв! Левым! Ноль-семнадцатый борт взлетел по-самолетному с креном тридцать градусов левым разворотом. А за ним еще три «вертушки» ушли на очередной утренний облет. Порыскав безрезультатно полчаса в указанном афганцем-информатором квадрате, четверка унеслась на север для самостоятельной прочески кандагарки. Два автобуса, шедших на подозрительно большой скорости, были моральным вознаграждением за неделю нелетной погоды. — Витек! Ветер, — попросил командир вертолета. Из носового пулемета ударила очередь по дороге. Определив по взбитой пыли направление ветра, командир борта Коля вдруг ни с того ни с сего запросил у «двадцатьчетверки» залп «нурсами» (неуправляемыми реактивными снарядами) перед автобусами с требованием остановиться. — А что, мы без высадки? — спросил Виктор. — Холодно, Витек. Пусть «духи» вылезут, а мы посмотрим на них свысока. Не понравится — сядем. Залповая гроздь ракетами не вразумила водителей, как это обычно случалось с мирным транспортом. Автобусы напротив еще торопливее запетляли по дороге. Ситуация приобретала совершенно немирный расклад. Колька раздражался. — Толя! — приказал он. — Еще залп! Последний предупредительный. — Понял, — ответил Толя, командир «двадцатьчетверки». Вздыбленная следующим густым пуском перед носом первого автобуса земля, вновь не заставила машины подчиниться. — Точно — «духи»! Толя, мы — в круг, а ты — отработай! — скомандовал Николай. — Понял: отработать, — ответил Анатолий. Уступив место зашедшему с высоты около тридцати метров для стрельбы «нурсами» и пушками вертолету, остальные три борта наблюдали за ситуацией. Залп!.. И десяток ракет кучно сошли с направляющих «двадцатьчетверки». От прямого попадания первый автобус переломился пополам. Продолжающая самостоятельно двигаться его носовая часть обильно усыпала дорогу фигурками людей. Вторая часть, нехотя перевалившись, рухнула в кювет. Пронесшись над разрубленным транспортом, Толик уступил позицию для атаки второму борту. Второй автобус постигла та же участь, что и первый. Высадившаяся группа досмотра замешкалась, не решаясь сразу приступить к растаскиванию огромной кучи орущих, катающихся в огне людей. — Ну, что зарылись?! Растаскивай!!! — заорал Виктор. — Вот это дел-а-а... Взамен ушедшей на дозаправку первой четверке вертолетов пришла следующая. Пара «восьмерок» приземлилась пулеметами в сторону навороченного. «Двадцатьчетверки» носились по кругу. Десантники с черными от сажи лицами, в прожженной одежде и автоматами за спинами растаскивали кого куда попало. Хуже всего было то, что в разбитом транспорте среди подозрительных пассажиров-мужчин оказалось немало женщин и детей. Их в первую очередь засыпали снегом, чтобы хоть как-то остудить обожженные места на теле. На подмогу вызвали пару восьмерок царандоя, афганской милиции. Они забрали самых обожженных в Кабул. Других доставили на «Чайку» к Игорьку. В час ночи командиры бортов, развалившие автобусы, Виктор и командир десантной группы под присмотром чекистов писали объяснительные в Кабуле. Еще и еще раз прокручивалась запись радиобмена. Действия водителей этих двух злосчастных автобусов совершенно противоречили официальным приказам афганских властей немедленно прекращать движение гражданского транспорта по первому требованию советских или царандоевских военных. Нашим вертолетчикам был приказ уничтожать все подозрительные транспорты, так как разведсводки сообщали, что «духи» наметили широкую передислокацию своих банд. Исходя из этого, вина за происшедшее полностью ложилась на афганских водителей. Но Толика, как сделавшего первый залп, упорно допрашивал вальяжно развалившийся на диване, в расстегнутой камуфляжке оперуполномоченный. Шел уже третий час ночи. Офицеры «Скобы», находясь хоть и порознь в разных комнатах, держались уверенно. Они понимали, что произошла страшная ошибка, повлекшая за собой гибель и ранения мирного населения, женщин, детей. Такие ошибки почти неизбежны в условиях «партизанской» войны, когда «духи» при первой же возможности прикрывались живым щитом из гражданских соотечественников, но со стороны пилотов вертолетов состава преступления не было. Анатолий спокойно объяснил правомерность своих действий и попросил отпустить его на отдых. Опер не реагировал. Толя повторил просьбу. Гладкий майор, не самой удачной московской начинки, выдал то, что в его лубянковских мозгах, видимо, выглядело смертельным приговором: — Вы, капитан, будете отправлены в Союз... Капитан — кавалер ордена Ленина, ордена Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды рывкнул на это: — Ты, что, опер, решил меня Родиной напугать?! За ночь «скобари» от злости нахлесталась у друзей в «полтиннике». Одно дело беседа с чекистами, одно дело законы военного времени, и другое дело — собственной

совести — смерть и страдания мирных жителей. Конечно, в такой ситуации единственным утолением душевной горечи была безудержная пьянка. В совсем не теплой комнате голый по пояс и босиком Толик порывался найти своего чекиста, затащить его в вертолет и покатать над еще ночным Кабулом. Еле отговорили. Мало-помалу все угомонились и, осоловев, забылись в нервных снах. От грохота открытой пинком двери все разом вскочили, как будто и не спали вовсе. Посреди комнаты стоял незнакомый подполковник и, теряя последние капли самообладания, держал на вытянутых руках висевшего, как кишка, вдрызг пьяного и сладко спавшего Толика. — Ваш? Ваш?! Что молчите?! Чей тогда?! — Наш, — первым очухался Виктор. — Наш, да опусти ты его. Чего разорался, как свинья перед дождем?! Брошенный на пол неугомонный пилот сладко спал, свернувшись калачиком. — Ну, вы даете, мужики! Особистам еще никто не выдавал такие штучки... — подполковник с гортанным звуком жадно пил воду из кружки. Все знали, что Толик был человеком слова и дела, но не ожидали, что однополчанин так жаждал исполнить свое обещание парню с Лубянки. Дело оставалось за малым — найти его. Толя не знал, где живет московский гость, но, потратив час на расспросы местных из «полтинника», вышел точно на цель, стремительно трезвея по пути от холода. «Цель» спала в жарко натопленной комнате гостиницы на правом боку лицом к стене. Яства, наваленные на столе, сбили с толку обязательного в своих намерениях «афганца». Особенно его удивило и пришлось по вкусу редкое в этих местах шампанское. Чекист проснулся от чавканья и запаха стойкого перегара. Разомлевший и сыто икающий Толик запивал колбасу шампанским. Туго набитым ртом летчик просипел: — Пошли! Чекист помотал головой, вновь открыл глаза и, убедившись, что не спит, молниеносно выхватил из-под подушки пистолет «Стечкина» и засадил очередь в потолок. При этом он проорал: — Ложись! Толик послушался и бухнулся прямо на него, не выпуская из рук кружку с недопитым шампанским и кусок недоеденной колбасы. Через минуту их растаскивали сослуживцы опера, повыветав на выстрелы из соседних комнат. Так бездарно рухнул гениальный план воздушной прогулки над Кабулом. Днем результаты расследования положили на стол высокому руководству. Внимательно изучив представленные материалы и побеседовав с подследственными предварительного расследования, оно вынесло решение: "Действия группы досмотра признать правильными".

Праздник Советской Армии

На Скобу" Виктор с Толяном возвращались с увесистыми партийными и дисциплинарными взысканиями. Старенькая, но крепенькая вертушка, слившись с алмазной россыпью звезд, старательно тарыхтела в сторону экватора — на базу. Увиденное за эти двое суток подтверждало банальную мысль: каждый гарнизон — отдельная страна со своей иерархией, распределением благ и обязанностей, любимчиками и изгоями, благородными рыцарями и трусливыми негодьями. Чем меньше и отдаленнее гарнизон от вершины армейской власти, тем проще люди, теплее души, ниже негодяйство. Чем ближе к высокому начальству это своеобразное микросоударство, тем отчетливее замечаешь в сердцах под камуфляжкой безжалостность и цинизм. С крутым провалом борта вниз исчезли разом и «философские» мысли. Руководитель полетов «Скобы» разрешил нольтридцать первому снижение и заход на посадку с курсом 380 градусов. Дома! Увешанная праздничными красными флагами «Скоба» с высоты птичьего полета выглядела стареньким лоскутным одеялом. По случаю праздника 23-го февраля сегодня был один, да и то недолгий полет до бати Блаженко и обратно. Батю поздравили, выпили, забрали кожаный мешок с отрезанной головой засыпавшегося местного агента и торопливо помчались на свое построение к девяти тридцати утра. По дороге, длившейся семь минут полетного времени, рассматривали пуштунскую голову бедолаги-контрразведчика, передавая ее из рук в руки. Все сошлись на мнении, что сам виноват. "Он слишком много знал", — засовывая обратно в мешок «подарок» к празднику, сказал начальник штаба. На записке, прилепленной ко лбу агента, по-русски коряво, но без ошибок было написано: "Ваш парень наказан аллахом". Позже ХАД через своих людей выяснил, что этого двадцатипятилетнего «чекиста» вычислили за месяц до дня Советской Армии и решили рассчитаться с ним "подарочным вариантом". Голову подкинули на КПП русским, а тело привязали к ракете на трофейной установке «Град» и произвели пуск. Получив поздравления и причитающиеся, кому полагалось, награды, личный состав гарнизона тем не менее расползаться не торопился. — Что делать будем, Витек? — затыгиваясь до белков сигаретой, спросил опирающийся на столетнюю английскую саблю-секиру Андрей. — Через пять минут рекомендуют полежать в норах, — ответил Виктор. Норами назывались личные щели-убежища, куда прятался народ при бомбардировках. На гарнизонной доске объявлений висел план праздничного дня: 1. Торжественное построение личного состава части—9.30-10.00. 2. Обстрел гарнизона бандформированиями — 10.15-13.00. 3. Праздничный обед — 13.00-14.00. 4. Разгребание завалов после обстрела — 14.00-15.30. 5. Личное время — 15.30-18.00... Из всех пунктов самым приятным был пятый, так как после суматошного дня предоставлялась возможность подрыхнуть. До «норки» — личного окопчика каждого бойца — добежать не успели. Обычно не очень пунктуальные «духи» на сей раз начали обстрел минута в минуту. Разлетающийся от взрывов песок моментально забил рот, глаза и уши. Все ползи, куда поближе к укрытиям, передвигаясь по сантиметрам между грохочущими вспышками. От взрывов и воя мин в воздухе висел монотонный неестественный звук. Не став тратить время на розыск личной комфортной ямы, Виктор с Андреем на пару теперь вздрагивали в одноместном окопчике. «Духи» старались изо всех сил. На крохотный гарнизон они высыпали двухмесячный запас снарядов. Горело все, что могло гореть. Орали раненые; их тащили те, кто был поближе, в специально отрытый блиндаж. В мгновение стало жарко, и в следующую секунду под грохот, рвавший перепонки, Виктора с другом засыпало значительной массой песка и снега. Задыхаясь и плюясь, извивающийся, как змея, Андрей руками разгребал заваленного Виктора. Метрах в тридцати от машины связи, вспыхнувшей газовым факелом от прямого попадания, испепелились четыре солдата.

Мимо тащили еще одного — непонятно, живого или мертвого. При каждом взрыве раненого бросали на землю, как куль, и падали рядом. С вертолетной площадки уже долгое время слышался крик: — А-а-а... Помогите! Туда ползли минут пять. Под разваленным дымящимся вертолетом лежал молоденький солдат с наполовину срезанной, как лезвием, головой. Рядом, держа в руках грязные, как требуха, кишки, бил ногами об землю выгнувшийся в дугу старший лейтенант. Это был недавно прибывший техник вертолета. — Засунь ему кишки обратно! — орал Андрей Виктору. — Засунь, а то наступим и оторвем. Бери за ноги, я — за руки. До блиндажа старший лейтенант не дожил. У него закатились глаза и вместе с пурпурной пеной вывалился язык. — Кладем здесь, потом заберем, — лежала голова к голове, приняли решение носильщики. За спиной гудели в пламени и разлетались от рвавшегося топлива и снарядов два вертолета. Наконец, обстрел прекратился, но еще минут десять не верилось, что это — все. Постепенно оттаивающиеся, выползающие из всех щелей черные комки грязи громко отплевывались, ругались, обтряхивая снег с песком, спрашивали: — Игорек, ты жив? А Санька? Шурку никто не видел?.. Потери за сорок пять минут обстрела составили: девять убитых, пятнадцать «двухсотых», одиннадцать «трехсотых», сгорели два вертолета, один разрушен частично, уничтожено шесть машин пехоты. Контуженные — не в счет. Обед перенесли на два часа.

В ожидании конца

Из Кабула, как отеческая ласка, на высоту две шестьсот стали все чаще доходить слухи о скором выводе наших войск из Афганистана. Мужики взялись с надеждой обсуждать весть в курилках, столовых, полетах, засадах. Весна несла твердую надежду на скорый конец войны. После каждого привезенного из главного штаба слуха несколько дней не проводился разведоблет. Батины ребята не совали нос дальше блокпоста. Народ, не таясь, стерегся. Нет-нет, да по вечерам вокруг припрятанной фляжки со спиртом все смелее крепили голоса: "Что мы тут забыли?" После третьего тоста, стоя, с тоской задумывались о доме. Нынешней ночью пришла очередь Виктора как представителя руководящего состава части обходить посты. Осмотр он начал за полночь. Рядом безшумной тенью скользил начальник караула из пехоты. На небе ни звездочки, темень, хоть глаз выколи. — Стой! Кто идет? — и офицеры тут же встали, как вкопанные. На войне шутки с часовыми плохи. — Пароль! — часовой-узбек стоял очень далеко по ветру. — Караганда, — негромко ответил Виктор и продолжил движение, уверенный, что часовой расслышал. — Стой! Стрелять буду! Стой! — с явным испугом проверещал солдат. — Стою! — разозлился начкар. — Стреляю! — проорал часовой. Виктор с начальником караула рухнули, как подкошенные, на двенадцать сантиметров ниже длиннющей дорожки из трассирующих пуль. — Морду расхлещу идиоту, — шипя в снег, беспомощно ругался Виктор. — Расхлещешь, когда магазин опустеет, — стервенел рядом начкар. Через двадцать минут солдата на пинках донесли до караульного помещения. Абсолютно нелетная вторые сутки погода больше всего радовала «Чайку». У Аркаши был день рождения. В столовой, по фронтовым меркам, столы ломились от изобилия. Местный, пока еще трезвый бомонд, ревниво делил глазами слабую половину. Все шло достаточно пристойно к на редкость спокойному завершению, когда Виктор определил, что отсутствует почему-то руководство спецназа. Недолго поискав, он нашел бату вместе с именинником в комнате боевой подготовки. Тишком исчезнувшая пара, вальяжно раскинувшись в креслах и положив ноги на стол, пуляла пеплом сигарет в угрюмого пленного "духа": — Мы тебе говорили, что если еще раз попадешься, — голову оторвем? Говорили? — возбуждался виновник торжества. — Ты клялся Аллахом, что мирный, что не ты навел «духов» на наши блокпосты? Чего ты молчишь, шакаля твоя рожа?! Батя, что делать с ним будем? — голосом прокурора после минутной передышки обратился к командиру Аркаша. Блаженко странно и многозначительно молчал. Виктора оба как будто не видели. — "Душок", эта безделица, приготовлена на твоей кухне? — Батя в звенящей тишине спокойно помахивал перед носом пленного бусами, сделанными из человеческих ушей. — Когда тебя брали, ты пытался их втоптать в землю. Не успел. Здесь шесть правых и одиннадцать левых ушей. Дорогостоящее украшение... В звенящей тишине был слышен двухсотударный гильотинный стук сердца пойманного, глаза остановились и не мигали. — Ставки у вас те же? За правое офицерское ухо — сто тысяч афганцев, за левое солдатское — пятьдесят, да?! У Аркаши змеились губы, по лицу носились нервные желваки. У пленного отвисла нижняя челюсть, изо рта сходил обильная густая слюна. — Дневальный! Дежурного по части сюда. Забирай! — ткнул на «духа» сигаретой Аркаша. Его вывели на деревянных ногах, руки свинцово висели плетью. — А-а, Витек, как отдых? — Командиры, наконец, заметили пришедшего. — Садись, брат, выпей с нами, — батя пододвинул стул. — Народ гуляет? — спросил Аркаша, ставя перед Виктором стакан. — Сейчас покурим и пойдем в столовую. ...Через полчаса постучался дежурный по части. Блаженко разрешил войти. Дежурный лейтенант стоял, переминаясь с ноги на ногу, не зная, как доложить. — Ну, — подбодрил его Аркаша, — докладывай. Все свои. — Товарищ, подполковник, «дух»... повесился. — Сам? — спокойно спросил батя. — Сам, товарищ подполковник. — Ну, сам, так сам, — не удивившийся Аркаша, вставая, затушил сигарету. — Пошли к нашим в столовую. Лейтенант, дневального сюда, пусть приберет на столе, — подмигнул он Виктору. В столовой расслабившийся после добротного угощения коллектив, масленая глазами, слушал очередного рассказчика, безпрестанно похохатывая в наиболее сильных местах. Речь шла о дерзко завершившемся неудачном отдыхе в одном из многочисленных тайных ташкентских значных мест. Ушлые местные шоу теневики, нутром чуя прибыль, немедленно организовали "хаты психологической разгрузки" с вечнс похотливой сладостью Востока — сказочкой из "тысячи и одной ночи". Слоняющихся в мучительном поиске развлечений отпускников «Чайки» с приклеившимся к ним летчиком из Баграма местные продавцы ночных бабочек вычислили сразу. Из медленно подкатившей «Волги» с трудом выпихнулся жирный узбек, напоминающий сказочного колобка. Сладко глядя по

сторонам припухшими глазами-полосками, он, соблюдая субординацию, обратился к старшему из "афганцев": — Командир, что хочешь? Отдых с хорошими девочками, хочешь? Есть сладкий персик, да? Есть гранат, есть инжир... Из магнитофона в машине слышались манящие восточные напевы сказочных гурий. Стрелки часов шустро отсчитывали последние часы отпуска. Хмельной мозг — самый глупый мозг. Быстро сошлись в цене. Непривычные глазу роскошные апартаменты, журчащий фонтанчик в комнатном саду, скромные глазки пьяняще виляющих бедрами юных гурий притупили бдительность орденосцев. Побросав вещи в угол, фронтовики возлегли на подушках и, не слушая друг друга, стали вслух оценивать увиденное, при этом продолжая разглядывать все вокруг. Постепенно все сильнее пьянея, они не заметили, как танцовщицы тихо исчезли. Первым заподозрил недоброе летчик, из последних сил приподняв килограммовые веки. На месте профессиональных гейш сидели, спокойно попивая чай, восемь громил. Пилот двумя резкими пинками привел друзей в чувство. Спас их боевой опыт и умение концентрироваться в минуту опасности. Сомнений уже не оставалось — это засада. Убедившись, что офицеры в состоянии понимать происходящее, один из громил навел на них ствол и тихо, но внятно произнес: — Рука на голова. Сидэть. Нэ двыгаца. Очистив карманы горе-отпускников, старший бандит приказал военным по одному брать свои вещи и подносить их к нему для осмотра. В этом и была его ошибка. Далее все было, как на разведвыходах. Когда очередь дошла до баграмца, он спокойными и трезвыми движениями достал из сумки не обнаруженный «духами» двадцатизарядный пистолет «Стечкина», ткнул им в челюсть беспечного главаря и приказал всем его подручным лечь лицом в мозаику. Деньги и ценности вернулись к своим прежним владельцам, тем же путем проследовали и сбережения налетчиков. Союзные «духи», туго связанные спина к спине, с перебитыми ребрами, с кляпами во ртах, валялись в комнатном бассейне. Победители выпили на пососок и в воспитательных целях стеганули пару раз ремнями узбечек-соблазнительниц. Убыли они на аэродром с житейским уроком и прибылью.

Уходим!

Вместе с наступившей весной пришел на «Скобу» и «Чайку» приказ о выводе. Из открытых настежь окон и дверей несколько дней и ночей пахло порохом Победы. Никто никуда не летал, ни в кого не стрелял, не чистил оружие и, вообще, за намек о разведвылете была возможность получить серьезную контузию в мирных условиях. Плакало только местное население Газни. Над дуканами висели траурные ленты. Больше такой халявы, как узаконенный советским правительством грабеж русского солдата, им не видеть никогда. В магазинчиках цены упали в десятки раз на все. Местные торговцы, не зная, что делать с горами товара, искренне затужили. Второй раз с 1913 года воспрянул духом инвалид рубль, ибо чеки — своеобразную валюту афганской войны — никто не брал. Вокруг колючей проволоки по ту сторону минного поля стайками носились и галдели ребяташки: — Чека не нада. Рубл давай! Вернувшийся с оперативного совещания, на котором обсуждалась одна тема — вывод, Виктор со странным чувством перебирал свои пожитки. Держа в руках увесистый, красивый, отделанный яшмой Коран, он то открывал, то закрывал его. Этот Коран «духи» когда-то подбросили в местную школу. А вместе с ним и яркие игрушки-побрякушки, всевозможные сласти. Любопытная вездесущая малышня, расхватав невесть откуда взявшиеся подарки, начала их вскрывать. Коран отнесли директору школы. Когда он попытался его открыть, книга взорвалась. Никто не погиб, но многих покалечило. Конфетами отравилось полшколы. Детей выхаживали русскими лекарствами. Почти весь госпиталь на «Чайке» был месяц занят школьниками. Врач Игорь откачал всех. После этого случая имя молодого доктора афганцы стали произносить с благоговением, воздевая при этом руки к небу. Или вот «бур» — винтовка девятнадцатого века, висевшая над кроватью. Она была обнаружена в одном из караванов, а к ней в придачу десяток патронов. Сила выстрела «бура» такова, что со ста шагов насквозь пробивает лобовую броню бэтээра. Собственно, это и все «ценные» вещи, которые Виктор привезет с войны на память. Очень жестко спланированный график вывода наших войск давал неделю на сборы и — неделю на задачу гарнизона в идеальном состоянии... «духам». Контролировать «Скобу» и «Чайку» прибыл генерал-майор из кабульского штаба. После получасового знакомства с батей он скромным тоном настойчиво попросил продать без очереди японский магнитофон с двумя колонками — дефицит! Маховик "вывода советских войск" стремительно, с воем и гиканьем, набирал обороты. Стало виднее то, на что не обращали внимания в боевой обстановке. Откуда-то повылазили воины-интернационалисты, сумевшие скопить немалые холмики добра, и теперь обезпоеенные только тем, как эти накопления переправить в Союз. Закончив загрузку на вертолеты штабного имущества — секретной документации, летных принадлежностей, Виктор с облегчением поплелся в свою келью. До вылета последнего вертолета, на который грузилась поисково-десантная группа, оставалось четыре часа. По договоренности с «духами», в чьи руки переходило имущество еще вчерашнего противника, расставание должно было пройти не просто тихо, а прямо-таки в обстановке взаимной вежливости. Полевой командир, едва не братаясь, предлагал посильную помощь. — В спину бы только не стреляли, — бурчал Виктор, торопясь за своим скарбом. Оружие он оставил на борту, чтобы попусту его не таскать. На груди висел только «лифчик» с ножом. — Гля-я-я, — протянул Андрей, — "духи"-то по комнатам шныряют. Он не ошибся: около пятнадцати человек, действительно, шустро занимали освобождающиеся места. — Так обещали же не лезть! — в сердцах вырвалось у Виктора, наблюдающего цену лживых душманских обещаний. Да, надо сказать, никто им особенно и не верил, поскольку обмануть «неверного» для правоверного мусульманина — дело доблести и чести. Вот и заключай с ними после этого всякие соглашения и договоры! Убедившись, что все свое с собой, он чесанул к двери. От прямого и увесистого толчка чей-то косматой головой в грудь Виктор завалился назад вместе с влетевшим. Силясь подняться, он столкнул с себя увешанного оружием грязного... чалмоносца. —

Ты... ты... ты... выйти хоть дай... Но «дух», гогоча и не раздражаясь, задницей уже оценивал добротность лежака Виктора. — Андрюха! Андрей! Дергаем, пока без нас не улетели. Виктор уже с трудом продирался сквозь хлынувшую толпу мародеров. Победившая в "честном бою" за «Скобу» банда, толкаясь и дерясь между собой, занимала базу, не обращая уже никакого внимания на бывших хозяев. Грузеная имуществом последняя пара вертолетов оторвалась от земли. На одном из бортов скрежетал зубами от злости бравый генерал-майор, забывший в суматохе новый магнитофон. «Скоба» забрала с собой и части памятника павшим бойцам, не оставив его для надругательства. Гусеничный и колесный транспорт ушел своим ходом, пристроившись в хвост пылившего на север гарнизона из Ложкаревки. Не стал разбирать памятник на своей базе только батя. Он его просто заминировал, и умно сделал. От бандитов, решивших поглумиться над ним, по докладу афганской контрразведки, осталось только сорок восемь пар калош. Дальновидный ты мужик, батя Блаженко. 4 июня 1988 года. Последняя пара «вертушек» набирала высоту. Все прилепились лбами к иллюминаторам. Под ногами оставалась не то вечная жизнь, не то ее год. Все та же жирная луна, встретившая Виктора сто лет назад, холодно провожала его, не прощаясь. Щемящее сердце и не верило, и плакало. Добросовестная, надежная старушка-восьмерка, не оглядываясь, ходко тарыхтела на Север. Домой! Виктора вернули в воинскую часть по месту их прежней дислокации — неподалеку от Тбилиси. Новые жизненные испытания были связаны с ликвидацией последствий землетрясения в Спитаке, с национальными столкновениями между азербайджанцами и армянами в Кировабаде. Там произошел погром аналогичный беспорядкам в Сумгаите. Эти беспорядки были идентичны и по замыслу, и по сценарию, не было никаких сомнений, что они были кем-то сознательно, планомерно спровоцированы и организованы. Весной — 8 апреля 1989 года в Тбилиси произошли известные массовые демонстрации. Вновь русские солдаты и офицеры были привлечены для поддержания порядка. В августе девяностого года Виктор поступил в Военно-политическую академию в Москве. Первый год все шло хорошо — успешная учеба, занятия спортом. Виктор даже участвовал в международном марафоне, где занял третье место. Но в конце девяносто второго года стали сказываться последствия минувших контузий и ранений. Однажды он потерял сознание прямо на занятиях. Это было в январе 1993 года. Виктора уложили в госпиталь имени Бурденко с фатальным диагнозом — рак левой височной доли мозга...

Мать Божия, спаси и сохрани!

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое Бог мой, и уповаю на Него... В кабинете заведующего отделением нейрохирургии по-хозяйски расположилась гнетущая приговорная тишина. Доктор рассеянно курил, глядя в окно. За столом сидела застывшая жена Виктора. — Значит, никаких шансов на положительный исход? — Никаких. Практически никаких. Слишком тяжелое ранение. И очень поздно поставлен диагноз. — Томографический анализ головного мозга подтвердил безнадежную ситуацию. Опухоль в виде гнойника, величиной с куриное яйцо находится в левой височной доле, — продолжал врач, — в самой жизненно важной части мозга. К тому же он имеет очень нестабильное состояние и, видимо, в некоторых местах гной начал просачиваться в мозговую оболочку. Будьте мужественны. К сожалению, уже ничего сделать нельзя. Доктор, продолжая курить, говорил ровным спокойным голосом. Очень спокойно, привычно, профессионально. — Операцию мы все равно делать будем. Это наш врачебный долг. Но должен вас предупредить: в лучшем случае Виктор, если выживет после операции, в нормальное сознание уже не вернется, в худшем — проживет два-три месяца. ... Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися... — Распишитесь вот здесь о согласии на операцию. Ее проведем через три дня, двадцать седьмого апреля. Виктор вторую неделю не приходил в сознание. — Фу!.. Еле привязали, ну, и силища у него. Ничего не соображает, без сознания, а сопротивляется, как будто все понимает. Санитар дул на ушибленную ладонь. Жена Виктора поправила постель, присела, глядя холодный лоб с бусинками пота. — А ночью, как он? — спросила жена у медсестры. — Этой относительно спокойно, а прошлой, когда вы ушли, до утра в атаку ходил. Все какого-то Аркашу звал. И батю. Зубами скрипел, пытался под кровать залезть, потом по стене кулаком стучал, все кричал: "В голову его бей, в голову!" — Да, он и дома также часто воевал перед поступлением в госпиталь. — Его нельзя оставлять одного, — сказала медсестра, — прошу вас. Она окинула палату взглядом, поправила графин, постояла еще с минуту и, не зная, чем утешить женщину, вышла, тихо прикрыв дверь за собой. ...Оружием обыдет тя истина Его. Не убоишься от страха ночнаго, От стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща и беса полуденнаго... Порой Виктор смотрел на жену и дочку, словно узнавал. Успокаивался от родной теплой ладонки. Маленькая Лерка жалостью своего сердечка старалась лечить папу, стремясь влить в него, беспомощного и казавшегося глухонемым, крохотную частицу своей детской жизненной силы. Ведь папа, как будто говорил с ней. При этом взгляд прищуренных глаз становился странным и осмысленным словно он различал вдали, поверх обступивших его темных вестников смерти, иных — светоносных — посланцев, дарующих силу бороться и спасительную надежду. Они будто приближались к умирающему от фронтовых ран офицеру-афганцу и шептали: "Крепись, терпи, мы рядом. Твои родные молят за тебя". ...Падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приближится, обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши... В понедельник, в неоперационный день, двадцать шестого апреля, на сутки раньше намеченного, в семь часов утра, хирург Борис Викторович, постоявший в раздумье у кровати Виктора несколько минут, дал команду: "На стол!" И началась битва жизни с тьмой, проверка терпения и веры во всемогущество Той Силы, Которая сильнее смерти. Шел четвертый час операции. Под ярким синим светом, окруженный ассистентами и помощниками Борис Викторович вместе со своей "правой рукой" Шамилем смотрел в микроскоп и привычно манипулировал инструментами. Было душно, пот

заливал даже крупные очки хирурга, и он жестаами все чаще просил промокать ему лоб. Виктор спал. Кожа его скальпированной головы была отведена назад, на затылок. Отрезанный квадрат левой части лица с ухом пришиты нитками к подбородку, язык булавкой закреплен к губе. ...Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не приидет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелам своим заповесть о тебе, сохрани ти во всех путех твоих... Жена четвертый час безпрестанно молилась, снова и снова перечитывая псалом девяностый — "Живый в помощи..." Это был конец. Больше просить и идти было не к кому. Читала машинально, без конца. Исчез уличный шум, все казалось пустым, глупым и ненужным. Закрывшись в соседней комнате, сидя в уголочке и держа в руках иконочку, что-то лепетала, по-взрослому глядя на Матерь Божию, дочь. — Не может быть! Ну-ка, подсветите побольше, — Борис Викторович не верил своим глазам. — Шамиль, ты видишь? — Да, Борис Викторович. Может, нам мерещится? — Дайте же больше света и промокните лоб. Помощники засуетились, хирурги еще и еще раз впивались глазами в мозг пациента: он был чист, гноя не было. По полученным с помощью самой современной медицинской техники данным гнойник должен был уже лопнуть, залит содержимым мозг. Но сделав трепанацию черепа, хирурги столкнулись с чудом: зыбкая капсула гнойника, величиной с куриное яйцо, прилепившаяся к серому полушарию, была цела. — Шамиль, подведи под него тампон. Осторожно... Я достаю... Врач медленно, как сапер, вынимал опасный шарик. — Все! Вынули! ... И в этот момент уже неопасный гнойник зло лопнул и, растекаясь по перчаткам врача, густая зеленовато-желтая жидкость закапала на пол. — Успели. Невероятно, но факт. Я такого еще не видел за всю свою тридцатилетнюю практику, — говорил возбужденно Борис Викторович. Оживились и все остальные. — Этот парень родился в рубашке. Ведь он практически был мертв. ...На руках возмут тя, да не когда преткнеша о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия... Нейрохирурги уступили на несколько часов место лорам. Те, прочистив все слуховые каналы, утвердительно показали: голову можно зашивать. Через восемь часов Виктора выкатили из операционной. Борис Викторович, устало разгибаясь, протянул руки медсестре для стаскивания перчаток. — И все-таки, Шамиль, это мистика какая-то. — Борис Викторович, а почему мы оперировали сегодня? Ведь запланирован он был на завтра. Тем более по всем показателям уже было все равно когда. — Мне трудно объяснить, — доктор сделал первый глоток чая. — Что-то меня толкнуло на такое решение. Прямо у него в палате в семь утра. Сделай мы эту операцию на час позже, больного бы уже никто не спас. Да, невероятно... К пяти часам дня у жены Виктора не осталось ни сил, ни эмоций, чтобы позвонить в госпиталь и узнать о результате операции. Она попросила сделать это друга Виктора: — Коля, позвони ты. Узнай, я не могу, — она привалилась к стене. — Операция Николаеву? — голос медсестры привычно и спокойно ответил. — Да, закончилась. Еще час назад. Благополучно. Больной в реанимации. Вернулся в сознание. ...Яко на Мяупова, и избавлю и: покрью и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби; изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, И ЯВЛЮ ЕМУ СПАСЕНИЕ МОЕ. — Борис Викторович, срочно! Вас из реанимации к телефону. Там что-то с Николаевым. Немолодой доктор, тяжело дыша, через пять минут был на два этажа выше у прооперированного больного. В реанимационном отделении персонала набилось больше, чем необходимо. Все смотрели на Виктора. Он, стоя на жесткой послеоперационной постели, весь в трубках, легонько раскачиваясь, вполне осмысленно выкрикивал: — Слава нашим докторам! Слава всем! Да здравствует наша медицина! Самое невероятное заключалось в том, что это не был бред. Борис Викторович уже начал привыкать к необычным событиям сегодняшнего дня. — Что делать, доктор? — спросила медсестра. — Что, что... Вы же видите, он живой, вас хвалит. Дайте ему двойную дозу снотворного, а то он до утра митинговать будет. На десятый день Виктор из послеоперационной палаты был переведен в общую. — Будем считать, что самое страшное позади. Но ему надо начинать учиться жить чуть ли не заново, — заведующий отделением, обращаясь к жене Виктора, привычно курил, стоя у окна. Было ощущение, что они не отлучались из кабинета. — Начинать учиться ходить, писать, читать и многое другое. Встанет Виктор, я думаю, через полгода, не ранее. На четырнадцатые сутки в коридоре раздался грохот. Виктор лежал на полу, улыбаясь и пялясь в лица подскочившим врачам, что-то невнятно бормоча, как новорожденный. — Он мычит, что встал и радуется. Ох, ты, горе мое, — медсестра ругала Виктора, — я же говорила, чтобы ты не смел даже шевелиться без меня. После того, как любящие жена и дочь забрали Виктора домой, его испытания продолжались. Господь неоднократно зывал к его покаянию. Прозрение и обретение смысла жизни давались мучительно трудно. По лицу бежал ручьями холодный пот. Виктор, стоя на коленях, в чем-то оправдывался непонятно перед кем. Речь была вразумительной. — Мама, мама, у папы опять приступ! — вскричала дочь. Но это был не очередной приступ эпилепсии, возникшей после операции. У стоящего на коленях Виктора, все — жесты, мимика — были нормальными. Сжавшись в страхе, как перед кем-то Всемогущим, находящимся свше, он просил снисхождения, с благоговением обещая выполнить все так, как ему было сказано... Его не сразу привели в чувство. Виктор сидел на полу, навалившись на стену в полном физическом изнеможении. Узнав жену, начал успокаиваться. — Их было двенадцать человек, — наконец выговорил он. — Румяные, умные, все знающие обо мне. Очень добрые и строгие. Говорил один, что сидел в середине. На фоне какого-то голубого и белого пышного окружения. Они высказали мне укоризну: "Доколе мы будем молиться за тебя. Доколе ты будешь в лености и вялости к своей жизни". — В храм! Завтра же. К батюшке Сергию. К Иоанну Предтече — Крестителю Господню. Я знаю, там лечат эту болезнь, — жена была по-хорошему возбуждена. Все засобирались. На завтра, опоздав с выездом и перенеся его на сутки, повторилось то же оправдательное стояние на коленях. И снова Виктор дал обещание. О, отче Сергие! Отче Иоанне! Семья три дня находилась у них, просила о помощи, исповедалась, причастилась. Стало значительно легче. Приступы эпилепсии стали беглыми и скоротечными. Теперь — в Гефсиманский скит к старцу В... Батюшка помогает просящим по их искренности и вере. Долгой дорогой Виктор вспоминал кабульский госпиталь, умирающего воина, у которого война

спалила всю кожу, но не выжгла веру. Икона и крест на больничной тумбочке в этих воспоминаниях Виктора обретали значение алтаря, Престола Божьего. ...Чинно шло соборование. При втором подходе священника с освященным елеем Виктора замутило, и он вновь как бы исчез из мира. От его плеч вниз исходила наклонная блестящая доска, исчезающая в огнедышащей бездне. По ней сползал огромный жирный лоснящийся белый бес. В его мятущихся зрачках носилось полное непонимание, как это его сгоняют с такого уютного, казалось, вечного теплого места. Батюшка отошел к другим соборующимся. Виктор пришел в себя. Ощущение было на миг такое, будто тело не имело веса, можно было поджечь ноги и висеть. Блаженство ребенка на руках отца. Батюшка с елеем приближался по новому разу, тело вновь наливалось свинцом. При помазании все повторилось. По доске сползали в огонь уже несколько столько же упитанных мерзостей. И так пять раз. Во время седьмого помазания Виктор стал легок. В таком состоянии — вновь рожденного — он вышел из храма. Рождество. Крещенские морозы. Снежные холмики звонкого морозного января. Святое торжество Руси в Храме Господнем. Святили воду. Отец Роман, крестообразно проведя над чашей крестом, произнес: "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!" Виктор следил за каждым движением пожилого священника. Нет, это не казалось. Явственно виделось, что рука батюшки повторяла движения Той Силы, Которая святила воду. Именно батюшкины движения были повтором, а не то, что виделось свыше. Несколько дней Виктор убеждал себя, что это ему показалось: в его состоянии, с его болезнью возможно все. Лукавый способен на такие ухищрения, которые порой кажутся невысказанными. От этих размышлений и волнений опять начались долгие и тяжелые приступы эпилепсии. Во время одного из них он отчетливо произнес: "Семь дней, семь недель, семь лет..." А через семь дней, в семь часов утра, находясь почти в состоянии сна, Виктор попросил ручку и бумагу. Получив то, что просил, начал писать духовные стихи. Он никогда в своей жизни не писал стихов вообще. Через какое-то время он отвез их в Сергиев Посад к одному священнику. По дороге неожиданно для себя просчитал время, прошедшее с памятного события о трех цифрах семь: он ехал к отцу В... ровно через семь недель, за день до празднования Торжества Православия. Батюшка прочитал написанное Виктором, предостерег от возможных лукавых козней и произнес: — Пиши! Поначалу были стихи и краткие заметки, вроде этих: У Родника Преподобного Сергия Ночка лунная. Купола искорка. Божий Крест и молитвы родник. Медный колокол, гулом пропитанный, В душу ласковый Сергей проник. Не кручинься головушкой буйною, Разверни свои плечи, встряхнись. Затеpli свечку тонкую, хрупкую, И с любовью мощам поклонись. Э-эх! Налиться бы удалю юности. В ранней дымке парок у реки. В дом калитка тихонечко скрипнула. Пылкой юностью все нам с руки. Повзрослел, седина серебрится. Мудрость сердца. Степенство судьи. А когда удаль вновь заискрится, Буйный всплеск в роднике остуди. Ночка лунная. Купола искорка. У Креста молчаливо стою: То из детства мне слышится присказка, А я кротко грехи замолю. Богатая Латанное пальтишко. Натруженные руки. Долгая жизнь на лице. Дома стареющая больная дочь. "Слава Тебе, Господи! Дошла!" Горсточка дешевых свечей. Молитвенное "беззвучие губ у иконы. Сильная рука вернула в мирскую суету. "Бабушка, возьми от меня". "Что ты, миленький! У меня много. Не надо. Небось семья есть?" "Все есть, милая. Возьми". "А зовут-то как?" Исчез. "Благодарю Тебя, Господи, за милость Твою. Возьми на помощь храму. Я — богатая". Ответственность По дороге в храм на исповедь дочь вдруг остановилась. Начала рыться в кармашках, перебирать листочки, что-то бормотать с досадой. — Доченька, что произошло? — Возвращаться придется. — Почему? — Грехи дома забыла! Мамина гордость Качающаяся электричка. Перестук колес. Линия огня за окном. Вечер на лицах пассажиров. Душно. Усталость. Мысли о своем. Умиление мамы зачитавшимся малышом. Широко открытые глазки мальчонки, исчезнувшие в неизвестном. В брызгах сладостности за дитя растеклась родительская гордость: — Читай, милый, мудрости-то сколько. А надо ли ему это знать? "Мама задушила новорожденного целлофаном". — Расти, малыш, читай «свободную» прессу. Своя гордость Жил один гордый человек. Гордился собою и с гордостью умер. Когда его в аду за грехи на жестоком огне варили бесы, то он гордился тем, что сидит в котле один. Новый фашист Оживленная столичная трасса. Вдоль нее плотные ряды припаркованных машин. Пожилой водитель «Москвича», зажатого между «шестисотым» "Мерседесом" и «Тойотой», весь в бусинках пота от отчаяния пытается выволить свою машину, не повредив соседних. Рядом с «мерсом» стоит весьма солидный мужчина, покуривая, наблюдает за действиями загнанного в ловушку пенсионера. — Уважаемый... Это ваша машина?.. — затравленно спрашивает старик, надеясь на шоферскую солидарность. Солидный небрежно сбив пепел с дорогой сигары, безответно затаился. Отмиллиметровав с невероятным напряжением между дорогами машинами свой «Москвич», старик увидел: представительный мужчина небрежно усмехнулся, вальяжно обошел «Мерседес» и неторопливо сел за руль и рванул с места так, как это только может двигатель в несколько сот лошадиных сил от заплакавшего впервые за десятки лет фронтовика. На таможне — У вас есть с собой оружие? — Да. — Какое? — Крест. Потом в блокнотных заметках стали складываться эпизоды и главы воспоминаний об Афгане, о боевых товарищах и врагах. Мучительно и трудно рождалась книга — Теплый августовский сумрак бережно окутывал Коломенский парк. Богомольцы шли восвояси, неся в душах радость завершившегося поста и наступившего праздника. Радость Успения, преодолевающая саму смерть, светилась в сердце Виктора светом Жизни Вечной. У ворот он еще раз обернулся на храм, чинно перекрестился и благодарно поклонился Богу. "Завтра утром опять на службу", — умиротворено отметил он и тихо, задумчиво побрел к метро. "Ненавидящих и обидящих нас прости. Господи, Человеколюбче. Помяни, Господи, и нас, смиренных и грешных и недостойных раб Твоих, и просвети наш ум светом разума Твоего, и настави нас на стезю заповедей Твоих молитвами Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех Твоих святых: яко благословен еси во веки веков. Аминь."

Псалом 90-й,

читаемый православными христианами во время бедствия и при нападении врагов Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишся от страха ночнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща и беса полуденного. Падет от страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приближится, обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши. Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не приидет к тебе зло, и рана не приближится телеси твоему, яко Ангелам своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеша о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби; изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение мое.

В старину каждый русский воин носил на груди в ладанке рядом с нательным крестом этот священный текст. Да что говорить! Каждый православный знал его наизусть, читая в момент особых жизненных испытаний, дабы побороть личный страх, дабы одолеть внешнего супостата. Сколько русских жизней спасла эта удивительная молитва, ведомо Единому Богу, но вся воинская история Земли Русской свидетельствует, что ни одна победа не обошлась без Божией помощи и Богородичного заступничества. Постепенно вера и обычай возрождается в современной Армии и на Военно-Морском Флоте. Во времена, когда воевал Виктор, Православие среди солдат и офицеров не поощрялось партийным и военным начальством, но даже тогда тысячи русских бойцов непременно хранили у сердца материнские и отцовские благословения — нательные крестики, маленькие иконки, переписанные от руки молитвы... Виктор неоднократно видел, как некоторые бойцы перед грядущим испытанием неприметно, без показухи и вместе с тем особо не таясь осеняли себя крестным знаменем. Последняя Чеченская кампания показала, что сейчас российские солдаты и офицеры уже вовсе в открытую исповедуют веру своих боголюбивых предков, почти каждый носит нательный крест или литой образок, а некоторые удалыцы-исповедники даже повязывали перед боем свои лбы пояском с молитвой "Да воскреснет Бог и расточатся врази Его..." и псалмом "Живый в помощи". Именно поэтому слова оградительного псалма автор поместил в заглавие этой книги. Первый стих 90-го псалма, непонятный многим нашим соотечественникам еще каких-то десять-пятнадцать лет назад, стал вновь родными теперь, в пору грозных испытаний, в которые повергнута ныне Россия. Завершая свой труд, Виктор надеялся на милосердное снисхождение будущих добрых читателей и мысленно просил у них молитв о спасении его души, молитв об упокоении в селениях праведных душ его убиенных братьев по оружию. Но вот первоначальная рукопись стопкой машинописи, исчерканной правкой вдоль и поперек, лежит посередине стола. Уже несколько издателей, к которым обратился Виктор, из вежливости поддержали ее в руках и вернули, даже не просмотрев. Дела давно минувших дней. Не интересно. В октябре 1997 Виктор передал свой труд двум бойким книжным маклерам с Арбата. Вскоре они позвонили ему и неспешно, крайне уверенно, предложили свои требования: — Для начала даем 50 миллионов рублей, но с условиями. Первое. Главу "Мать Божья, спаси и сохрани!" убираем и за одно всю православную риторичку. Глупости все это. Читателю кровь нужна, а нравоучения сейчас не найдут спроса. Вы ведь сами пишете, что не были православным в восьмидесятые годы. Это против правды жизни... — Да, в книге взгляд на войну православного человека. Первые семь лет, я старался забыть войну. Ту самую кровь, которую, по-вашему, жаждет читатель. Без веры хранить в памяти такое прошлое — адская пытка. Но когда я, по милости Божией, обрел веру в Него, я вдруг увидел своим христианским долгом вспомнить все до мельчайших подробностей, вспомнить всю правду войны, которую довелось пережить нам... — Вот и хорошо, мы за самую неприглядную правду, но все эти «православности», там-сям рассеянные по тексту, ни к чему. Они разрушают динамику повествования, отвлекают читательское внимание. Поверьте нам, мы профессионалы, мы на этом собаку съели и прекрасно ориентируемся в читательском интересе. — Я собак не ем... — буркнул Виктор. — Вот и мы о том же. Вам не надо есть собаку Ее мы уже съели без вас. Но тут мы подходим второму условию. Ваша рукопись требует серьезнейшей стилистической доработки, требует насыщения дополнительной фактурой по истории Афганской войны, по местной этнографии. Наше условие — мы будем вашими полноправными соавторами ми. И тогда... — Завтра я зайду к вам за своей рукописью... — оборвал беседу Виктор и бросил трубку. Он для себя решил твердо: книга выйдет только в том виде какой ее продиктовало сердце и память и, конечно с Божьей Матерью или не выйдет никогда. В храме Казанской Божией Матери неоднократно Виктор подходил к иконе Святого Иоанна Богослова. Свиток и перо, которые держал Евангелист, прямо указывали: вот у кого надо искать заступления в разрешении трудного вопроса был книге или не быть. ... Умом Господа Бога даровати нам оставление всех прегрешений... во исходе же душ наших помози мне, грешному Виктору, с изданием книги моего "Живый в помощи"... Однажды вечером раздался внезапный телефонный звонок из города Барнаула. — Раб Божий Виктор? Говорит игумен Алексей. Я прочитал твою рукопись. Ее надо обязательно издавать, есть люди, такие же как ты ветераны, готовые помочь. Виктор не на шутку разволновался. "Господи, нечаянно-то как!" — Однако, брат, но есть одно условие... "Вот, опять...", — подумал Виктор и со вздохом спросил: — Какое же, отче? — Прости, что вам — писателю делаю замечание, но вы часто употребляете слова «мат», «материлась»... — священник неожиданно перешел с «ты» на «вы», тем подчеркивая значимость своего замечания. — Да я, вроде бы, всю ругань убрал... — Виктор стал лихорадочно перебирать в уме, где бы он мог ляпнуть от себя или не вымарать из радиообмена нецензурщину. — Нет, в этом смысле все в повести вполне благочестиво, но вы, видимо, не знаете само происхождение слова «мат». Раньше его не было в русском языке. Появилось оно в начале советского времени, в пору самых лютых гонений на нашу Матерь-Церковь... Оно

само в себе, определяя род сквернословия, несет хулу не только на земное материнство, но и на Церковь Божию, и даже на Пресвятую Богородицу. Виктор вздохнул опять, на этот раз с облегчением. — Конечно, батюшка, такого рода правку делать одно удовольствие, я ведь и не догадывался, что это так, с... этим самым словом. — запнулся Виктор. — Ты, раб Божий, у Державной служишь? — вновь перешел на «ты» игумен. — Помолись там о рабах Божиих Ольге, Никите, Константине, Игоре и прочих, о коих Господь ведает... — Хорошо, обязательно, а вы в какой церкви служите? — Аз многогрешный настоятель храма Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. "Вот те на! — в сердцах изумился Виктор. Чудны дела Твои, Господи!". В апреле 1999 года книга "Живый в помощи" вышла сразу в двух изданиях. Первое в Москве -200 экземпляров (с благословением алтайского игумена, спешили к празднику 9 мая), а второе в Барнауле — уже тираж 2000. Но история этим не закончилась. Уже при личной встрече по выходе книги будучи в столице игумен вновь напомнил свою просьбу: — Вижу, брат, ты старался. Язык почистил, но кое-где все же оставил эти самые «маты». Мы в издательстве не стали вмешиваться в авторский текст, твоя воля, да и время поджимало. Но прошу опять — перечти и выправь пропущенное. Для следующего издания Виктор волю игумена исполнил тщательнее и поэтому указал, что "издание исправленное". О Святый Отче Иоанне Богослове, моли Бога о нас! Теперь Виктор приносит сердечную благодарность всем тем, кто так или иначе помог ему определиться в жизни и содействовал появлению на свет книги "Живый в помощи". И в первую очередь благодарит докторов Б.В.Фомина, Ю.С.Щигалева, Ш.Х.Гизатуллина, командарма Б.В-Громова, В.В.Громова, губернатора Московской области А.С.Тяжлова, Г.Г.Свиридова, Ю.А.Канатаева, И.С.Бочарова, В.И.Бондарева, А.П.Лагунова, игумена Алексия (Просвирина) и всех остальных — их имена ведает Бог... Николаев В.Н. Живый в помощи. Роман. — М.: "Новая книга", 1999. — 336 с. Редакторы Л.Е.Болотин и А.Ю.Хвалин Книга издана на средства Православного Братства священномученика Ермогена при деятельном участии Владивостокского Братства Царя-Великомучсника Николая © В.Н.Николаев, 1999. © Макет — Служба Я ООД "Россия Православная" © Обложка Т.В.Малецкий © " Новая кпига" Корректор Н.Г.Галиштге. 18ВЫ 5-7850-0080-6 Печатается по благословию Его Преосвященства Владыки ВЕНИАМИНА, Епископа Владивостокского и Приморского